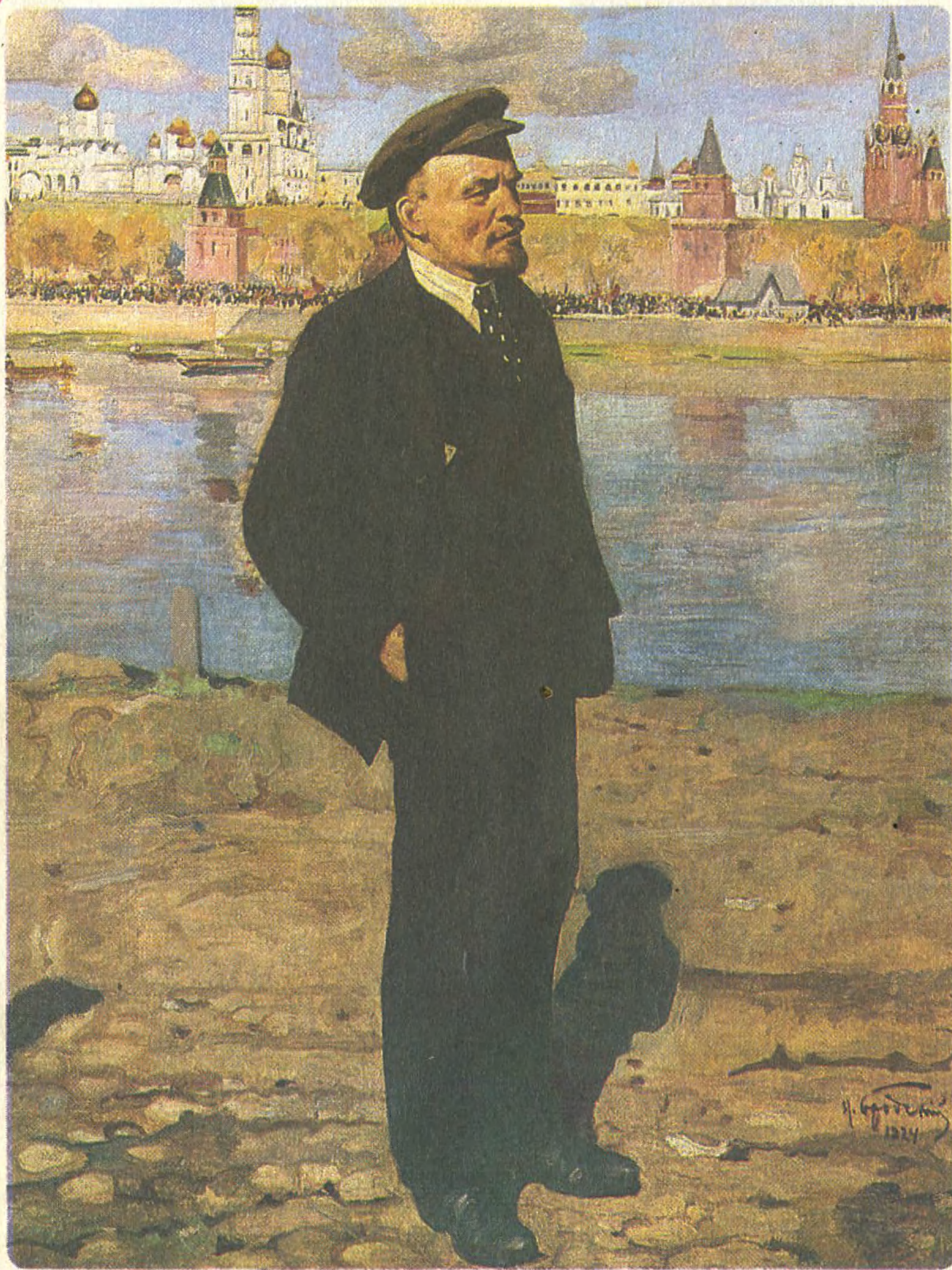

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

4

1987

Многое делается по укреплению социалистической законности, правопорядка в колхозе им. Калинина Михайловского района Волгоградской области.

Межрайонный прокурор Л. П. Кондраев часто бывает в хозяйстве, выступает перед колхозниками. А сегодня Леонид Петрович встретился с секретарем парткома колхоза Д. М. Зиновьевым, командиром добровольной народной дружины агрономом С. К. Овечкиным. Им есть что обсудить.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

№ 4 (196) АПРЕЛЬ 1987
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА

**Ежемесячный
научно-популярный
журнал
Министерства
юстиции СССР**

Главный редактор
В. М. Сиренко

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. И. Бабошко,
Г. К. Большакова (заместитель
главного редактора),
Б. В. Заботин, И. Н. Кузнецов,
В. Д. Поголяев, А. М. Рекунков,
И. С. Самощенко, П. И. Седугин,
Ю. С. Семенов, Е. В. Смирнова,
А. Я. Сухарев, А. А. Требков,
А. М. Филатов.

**Издательство
«Правда»
Москва**

Главный художник В. В. ВАНТРУСОВ.
Технический редактор И. П. КАЛАЧЕВА.

Адрес редакции:
129850, ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.
Телефон 281-68-12.

В номере

Юридическая практика В. И. Ленина... Какую роль сыграла она в формировании теоретика и практика государства и права нового типа? Идеи и положения ленинского правового наследия звучат сегодня с особой силой. Читайте статью «На чем останавливался его взгляд...»

Знакомим читателей с Типовым положением о группах качества в объединениях, на предприятиях, в организациях.

Как прикрыть лазейки хапугам и спекулянтам в сфере бытового обслуживания? Что сделать, чтобы не они, а люди порядочные чувствовали себя уютно? Эту проблему исследует журналист Э. Долот в публикации «Раунды на паркете».

Читайте фрагмент романа-хроники Юлиана Семенова «Горение».

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Время отдавать 4

■

К 117-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

А. АЛЕКСЕЕВ, А. ЧУВИЛЕВ. «На чем останавливался его взгляд...» 6

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О В. И. ЛЕНИНЕ

Д. УЛЬЯНОВ. Случай с купцом Арефьевым 13

■

СТРОКА КОНСТИТУЦИИ

Т. АЛЕКСЕЕВ. Право на материальное обеспечение 16

■

ЭТО НАДО ЗНАТЬ!

Знакомим с Уголовным кодексом 18, 27, 36

■

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. БОННЕР. Правовой спор 20

■

НЕТРУДОВЫМ ДОХОДАМ — НАДЕЖНЫЙ ЗАСЛОН!

С. АЛЕКСАНДРОВИЧ. «Куркуль». Судебный очерк 28

■

СОБЕСЕДНИК

ИХ ПРОФЕССИЯ — ЮРИСТ

В. СТЕРИН. «Я, государственный нотариус...» 38

РЕШЕНИЯ XXVII СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНЬ!

Э. ДОЛОТ. Раунды на паркете. Социально-правовой очерк 41

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ	
Л. СИМКИН. Пустяковый случай	48
О ПРАВЕ — ЯЗЫКОМ ИСКУССТВА	
А. СЕРГЕЕВ. Шрам. Заметки о документальном кино	53
■	
ИНФОРМАЦИЯ. КОНСУЛЬТАЦИИ. ОТВЕТЫ.	
НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ	
Типовое положение о группах качества в объединениях, на предприятиях и в организациях	56
О. ФРОЛОВ. Звание «Почетный мастер»	60
ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ — НА СОВРЕМЕННЫЙ УРОВЕНЬ	
Б. МИХАЙЛОВ, С. ВЛАДИМИРОВ. Всем миром	62
ПРАВО: ОТ А ДО Я	
Возмещение причиненного вреда	67
Врачебно-трудовая экспертная комиссия	68
Гражданство	70
Декреты Октября	71
КНИЖНАЯ ПОЛКА	73
ПРОЧИТАЙТЕ — МОЖЕТ ПРИГОДИТЬСЯ	
Когда хлопоты напрасны	74
■	
ОПЫТ ДРУЗЕЙ	
А. КУЗЬМИН, В. ЧУДОВ. Как помогают садоводам	75
■	
ТАМ, ГДЕ ПОПИРАЕТСЯ ПРАВО	
Ю. БАТУРИН. Троянский конь на... компьютерах	78
Л. ЕЛИН. Умрет ли мафия!	86
■	
Ю. СЕМЕНОВ. Горение. Фрагмент романа-хроники	92
■	
ФЕЛЬЕТОН	
Н. КВИТКО. Не дари мне цветов покупных	124
■	
ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?	
Кроссворд	127

НА ОБЛОЖКЕ:

Первая страница.

В. И. Ленин. Художник И. Бродский.

Четвертая страница.

Весна идет. Фотоэюд.

Фото в номере В. З и м и н а.

В номере

ВРЕМЯ ОТДАВАТЬ

Избежим расхожих доводов типа: ну и молодежь пошла, вот мы в свое время. От них, право, отдает брюзжанием. Но обойдемся и без общих фраз: если брать в целом, молодежь у нас в своей основе хорошая. Ибо этот второй, валовой, подход в воспитании даже более вреден, чем в экономике.

Не оттого ли многие просчеты в воспитании подрастающего поколения, что на асоциальные, противоправные действия молодых мы смотрели с позиции: что речь-де идет об абсолютном меньшинстве. Что те, кому положено глубоко вникать в социальные, нравственно-идеологические процессы в молодежной среде (а ведь в каждом городе, районе не один десяток государственных и общественных организаций, призванных заниматься этим), действуют по старинке, инертно, формально, без должного взаимодействия.

Как часто произносим мы эту фразу: воспитывать должны семья, школа, общественность... И не задумываемся над тем, почему этот треугольник напоминает нередко фигуру с разорванными углами, где прямые, вопреки законам геометрии, так и не пересекаются.

Вот одно из типичных писем в редакцию: «Пишет вам Антонина С. Мой муж Сергей отбывает срок наказания по статье 145, ч. 2. Детство его прошло в пьющей семье. Старший брат, Валера,— пьяница. Две сестры тоже любят выпить, и Сергей, самый младший, от рюмки не отказывался...»

И вот, едва начав жизнь, в том числе и семейную, молодой парень попадет в колонию. Антонина очень точно видит истоки этого — семья. Да, зависимость стереотипов поведения молодых от установок, атмосферы семьи подтверждена многочисленными исследованиями и, увы, такими вот судьбами.

Но неблагополучие — это не только неисполнение родительского долга, за которое лишают материнства, отцовства, Это и коверканье детских душ царящими в семье накопительством, потребительством, двойной моралью — на людях одно, дома другое.

Все это впитывает детская душа, и, глядь,— еще один трудный подросток.

Подсчитано, что у нас на одного трудного приходится в среднем по четыре воспитателя. Но как редко кто-то из них становится умным и верным наставником. Порой воспитатель и не знает об этой своей общественной нагрузке.

Недавно Президиум Верховного Совета РСФСР обсудил вопрос о работе Советов народных депутатов Кабардино-Балкарии по предупреждению правонарушений несовершеннолетних. Недостатки, вскрытые в этой республике, думается, высвечивают типичные наши

упущения в этом вопросе. И первейшее из них — формализм. Работа республиканской комиссии по делам несовершеннолетних, по существу, признана неудовлетворительной. Но разве только эта комиссия свела свою деятельность к тому, чтоб в пять минут поставить подростку диагноз, «проработать», оштрафовать родителей, назначить воспитателя. И это вместо глубокого исследования причин, истоков правонарушения, профилактики.

Не общая ли беда, что мы начинаем спасать подростка «постфактум», то есть когда он уже стал правонарушителем, а «улица» перечеркнула все усилия семьи, педагогов, инспекции по делам несовершеннолетних. Когда ребенок уходит на улицу? Когда ему плохо в семье, неинтересно в школе, в клубе при жэке, где вся «педагогика» сводится к настольным играм.

Разве правильно, что по вечерам большинство школ, вместо того чтоб стать центрами воспитательной работы в районе, закрыто? В лучшем случае внеклассно-воспитательная работа сводится в них к проведению дискотеки и «классному часу», где отчитывают, песочат трудных. И это вместо живой, индивидуальной воспитательной работы. Не из-за этого ли формализма возникли неформальные объединения молодежи? Причем многие из них имеют асоциальный уклон, в той или иной мере подражают западным течениям. Некоторые группы носят криминогенный характер — их члены чаще совершают правонарушения.

Непросто помочь утвердиться в их среде положительным началом. Нужны поиск, смелые, нетрадиционные подходы. В первую очередь комсомола, органов народного образования, культуры, милиции. Действовать совместно, избегать ведомственности — в этом залог успеха.

Именно так поставили дело в Октябрьском районе г. Свердловска, создав во всех микрорайонах социально-педагогические комплексы. Партийной организации района удалось найти такой путь подхода в коммунистическом воспитании подрастающего поколения, когда повышается эффективность существующих средств и методов влияния, привлекаются новые силы, приглушается ведомственность во взаимоотношениях.

В жизни каждого человека существует время брать и время отдавать. В детстве, юности он берет от взрослых знания, учится их социальному и нравственному опыту. Затем наступает время отдавать. Насколько быстро оно придет, будет ли молодому человеку что отдать обществу, людям — зависит от нас. От того, с каким багажом взглядов, установок он выйдет в жизнь.

В апреле комсомолия страны соберется на свой XX съезд. И одна из проблем, которые нуждаются в остром, принципиальном обсуждении, — правовое воспитание молодежи. Думается, будет намечена конкретная, действенная программа. Ведь дело воспитания молодежи, как указывал В. И. Ленин, как никакое другое не терпит формализма.

«НА ЧЕМ ОСТАНАВЛИВАЛСЯ ЕГО ВЗГЛЯД...»

Большой знаток человеческой души К. Г. Паустовский, размышляя об удивительной власти гения над сердцами людей, говорил, что «она выражается не только в непосредственном и неотразимом воздействии на нас со стороны всего им созданного, но и во всем, что так или иначе связано с ним самим, с его жизнью. Мы хотим знать о нем все. Мы хотим видеть все, что он видел, все, на чем останавливался его взгляд. Мы хотим по самой обстановке его жизни восстановить ход его сокровенных мыслей и порывы его воображения».

Руководствуясь этими глубоко справедливыми словами, перелистаем отдельные страницы биографии человека, жизнь которого составила эпоху в истории человечества. Остановим свой взгляд на правовом образовании В. И. Ленина, его юридической практике и, насколько позволяют размеры журнальной статьи, его воистину колоссальной работе по созданию новой государственности, нового, невиданного в истории правопорядка — их гениальном, подлинно научном обосновании и практическом формировании.

Летом 1887 года после окончания с золотой медалью Симбирской гимназии Владимир Ульянов поступает на юридический факультет Казанского университета. Это было глубоко продуманное решение, которое соответствовало устойчивым интересам, целям и планам 17-летнего юноши, уже тогда определившего в главном свой жизненный путь. «Теперь такое время,— говорил Владимир Ульянов,— нужно изучать науки права и политическую экономию».

Пребывание Владимира Ильича в университете было недолгим, оно длилось менее четырех месяцев. Здесь он стал деятельным членом нелегального самарско-симбирского землячества студентов, выступавших против насаждения в университете полицейских порядков. 4 декабря 1887 года в актовом зале университета состоялась бурная сходка, на которой студенты добивались отмены реакцион-

ного университетского устава, разрешения студенческих обществ, выдвинули ряд других требований не только чисто студенческих, но и политических. Владимир Ильич был одним из активнейших участников сходки. Это стоило ему пребывания в университете, из которого он был исключен уже 5 декабря. Вместо продолжения занятий правовыми науками последовало первое знакомство воочию с царской Фемидой — кратковременный арест в группе 40 «взбунтовавшихся» студентов и высылка под негласный надзор полиции в деревню Кокушкино под Казанью. В биографии В. И. Ленина этот эпизод его жизни справедливо получил наименование «первое революционное крещение».

За короткий срок Владимир Ильич, усиленно занимавшийся самообразованием, становится убежденным марксистом. Начинается и постепенно разворачивается его активная революционная деятельность. При этом он остается верным своему стремлению получить юридическое образование. Попытка восстановиться в Казанском университете не увенчалась успехом. После длительных проволочек В. Ульянов получает наконец разрешение о сдаче в Петербургском университете экзаменов экстерном за курс юридического факультета. В августе 1890 года он приезжает в столицу, где занимается по программам государственных экзаменов и целые дни проводит в университетской библиотеке.

Прошло немного более полугодия, и В. Ульянов приступает к сдаче экзаменов. На весеннюю сессию 1891 года он представляет письменное сочинение по уголовному праву и сдает экзамены по семи предметам: истории русского права и государственному праву, политической экономии и статистике, истории философии и права, энциклопедии права и истории римского права. Во время осенней сессии В. Ульянов выполняет еще одну письменную работу и устно экзаменуется по уголовному праву и судоустройству, римскому, гражданскому праву, торговому праву и судопроизводству, полицейскому, финансовому, церковному и международному праву.

Экзамены принимала авторитетная испытательная комиссия. В ее состав входили известные ученые того времени, труды которых оставили заметный след в юриспруденции: В. И. Сергеевич (председатель), Ф. Ф. Мартенс, Н. М. Коркунов, И. Я. Фойницкий. Соискатель диплома правоведа продемонстрировал им свои глубокие и всесторонние знания в различных вопросах юридической теории, истории и практики, а также в других науках: от правовых воззрений древнегреческого философа Платона до современных сословных учреждений, от законов, издаваемых выборными властями в Древнем Риме, до норм права, регулирующих отношения собственности в России конца XIX века... По всем предметам В. И. Ульянов получил самую высокую оценку — «весьма удовлетворительно».

С дипломом первой степени об окончании юридического факультета молодой правовец приступил к адвокатской практике. В конце января 1892 года он был зачислен помощником присяжного поверенного к А. Н. Хардину, видному представителю либеральных кругов Самары. Познакомились коллеги-юристы ранее, но не на почве профессиональных интересов и занятий, а как страстные поклонники шахмат.

С марта 1892 года В. И. Ульянов начал выступать в Самарском окружном суде. За самарский период его юридической практики зафиксировано около 20 судебных дел, которые он вел в качестве

помощника присяжного поверенного. Его клиентами были в основном ремесленники, крестьяне.

С августа 1893 года В. И. Ленин снова в Петербурге. Основная цель его прибытия в столицу — установление связей с марксистами, развертывание политической работы, направленной против существующего строя. Не случайно его приезд контролировался охранным отделением и полицией. И, конечно, не случайно, что всего через три дня после приезда В. И. Ленин вступает в столичную адвокатуру. Помимо всего прочего, это было удобным легальным прикрытием его революционной деятельности. Видному петербургскому адвокату М. Ф. Волкенштейну молодой помощник присяжного поверенного был рекомендован его самарским «патроном» А. Н. Хардиным, который высоко ценил профессиональные, деловые качества начинающего правоведа.

Поначалу В. И. Ленин готовит материалы к слушанию дел, которые вел его новый «шеф», присутствует при рассмотрении их в судебных заседаниях, осуществляет прием клиентов Волкенштейна, иногда заменяет его в процессах. Постепенно помощник присяжного поверенного приобретает собственную юридическую практику. А. И. Ульянова-Елизарова рассказывала, что ее брат несколько раз выступал защитником — по уголовным делам. Сам Владимир Ильич в одном из писем сообщал, что ему предлагают «взять дело об утверждении в правах наследства». К сожалению, дела, которые вел В. И. Ленин в Петербурге, его личное дело в совете присяжных поверенных не сохранились — они погибли при пожаре здания окружного суда в 1917 году.

Работая в петербургской адвокатуре, В. И. Ленин посещал регулярно проводившиеся для помощников присяжных поверенных конференции. Это была хорошая профессиональная школа для молодых юристов. На конференциях обсуждались сложные вопросы юридической практики, профессиональной этики, речи выдающихся петербургских адвокатов. Напомним, что в ту пору в петербургских судах блистали своим красноречием такие гиганты и чародеи слова, как С. А. Андреевский, В. И. Жуковский, Н. П. Карабчевский, В. Д. Спасович, К. Ф. Хартулари, Н. И. Холев и другие. Имеется прямое свидетельство того, что некоторые из них читали лекции, делились своим богатым опытом с молодыми коллегами на конференциях помощников присяжных поверенных.

Постепенно В. И. Ленин отходит от юридической практики и целиком сосредоточивает свои силы на революционной борьбе. И уже как своеобразное эхо его адвокатской деятельности звучит упоминание о нем как о помощнике присяжного поверенного в материалах следствия по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Арестованный по этому делу в ночь с 8 на 9 декабря 1895 года В. И. Ленин более 14 месяцев пробыл в тюрьме, а потом был выслан на три года в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции. Интересно, что петербургский совет присяжных поверенных пытался, правда, через полгода после ареста В. И. Ленина, вступить за него. Однако следственные власти и прокурорский надзор отказали в удовлетворении ходатайства совета об освобождении арестованного под поручительство матери или М. Ф. Волкенштейна.

Из состава помощников присяжных поверенных В. И. Ленин был отчислен только в 1899 году по причине «неизвестного местожительства и непредставления отчетов о работе». По-видимому, совет присяжных поверенных, принимая такую формулировку решения,

пошел на некоторую юридическую хитрость. Отчетов об адвокатской работе Ленин из далекого сибирского села Шушенского действительно не представлял и не мог представить. А в том, что касается «неизвестного местожительства», то петербургские адвокаты, видимо, слегка покровили душой. Трудно поверить, будто они не знали, что их коллега находится в сибирской ссылке. Скорее всего сказалось стремление к тому, чтобы в документах совета не нашел отражения факт привлечения помощника присяжного поверенного к ответственности, да еще по делу политического характера.

Итак, юридическим образованием и профессиональной юридической практикой в той или иной мере заполнены несколько лет жизни В. И. Ленина. Как оценивать эти годы, каково их значение для будущей деятельности величайшего революционера и гениального теоретика марксизма, создателя Коммунистической партии Советского Союза, основателя первого в мире социалистического государства? Обычно биографы В. И. Ленина отмечают, что юридической практикой он занимался мало, что она не получила большого места в его жизни, играла второстепенную роль, являлась «лишь (разрядка наша.— Авт.) легальным прикрытием его революционной деятельности, которой он активно занялся вскоре после приезда в Петербург»¹.

В целом с этим можно согласиться. Тем более, что сам В. И. Ленин действительно довольно скромно отзывался о своих успехах на юридическом поприще. Но, как известно, он был предельно скромен в любых самооценках, каких бы сторон его жизни и многогранной деятельности они ни касались. Данное обстоятельство позволяет несколько сместить акценты в приведенных суждениях. Для этого есть смысл прежде всего обратиться к свидетельствам очевидцев. Г. М. Кржижановский, знавший В. И. Ленина с первых дней его появления в Петербурге в 1893 году, вспоминал: «Несколько выступлений на юридическом поприще, которые пришлось сделать Владимиру Ильичу после окончания университета, сразу дали почувствовать свидетелям этих выступлений, что перед ними человек исключительных дарований»².

Многоопытный адвокат М. Ф. Волкенштейн, непосредственно работавший с молодым правоведем, отмечал у него «счастливый талант делать в совершенстве то, чем он был занят в суде». Да и поручительство присяжного поверенного за своего помощника, подвергнутого аресту за «государственное преступление», говорит о многом.

Род занятий, позволяющий молодому человеку исполнить свой профессиональный долг, применить на практике знания, которые с юных лет представлялись ему нужными и которые добыты в нелегкой борьбе, живое дело, раскрывающее исключительные дарования того, кто его исполняет,— это уже немало, это не мелочи жизни, не нечто заведомо второстепенное и малозначительное. Скорее, это вежа, и весьма заметная, на большом пути, у которого есть свои истоки, свое начало и связанное с ним продолжение.

Можно привести и другие аргументы, которые не позволяют безоговорочно согласиться с тем, что юридическая практика была для молодого Ленина одним лишь прикрытием его революционной

¹ Бондарева Т. П., Великанова А. Я., Сулова Ф. М. Ленин в Петербурге-Петрограде. Л., Лениздат, 1980, с. 36.

² Кржижановский Г. М. Ленин и Маркс. М., 1958, с. 7.

деятельности. Работа в адвокатуре, несомненно, давала ценные наблюдения, пищу для размышлений, материалы для обобщений, касающихся различных сторон социальной жизни, коренным преобразованием которой занялся впоследствии Владимир Ильич. Она не могла не способствовать кристаллизации, обогащению, развитию государственно-правовых взглядов В. И. Ленина — в будущем гениального теоретика государства и права.

А разве бесплатные юридические консультации, которые давал петербургским рабочим молодой правовед В. И. Ульянов, могли пройти бесследно для будущего вождя российского пролетариата? А школа публичных выступлений, которую прошел начинающий адвокат? Она тоже немало значила для будущего трибуна революции.

Конечно, невозможно в одной журнальной статье изложить сколько-нибудь полно государственно-правовые взгляды В. И. Ленина, рассказать о его воистину титанической работе по созданию социалистического государства и права. Но рассказ о В. И. Ленине-юристе будет неполным, если не упомянуть хотя бы об отдельных сторонах его деятельности как теоретика и практика государства и права. Тем более что и здесь можно проследить определенную связь времен, движение по пути, вехами которого является штудирование учебников и гениальное обоснование новых форм государства, новых принципов права.

Революционная деятельность В. И. Ленина была неразрывно связана с разработкой проблем государства, демократии, права. В канун Великой Октябрьской социалистической революции именно эти вопросы, относящиеся к сфере интересов юридической науки, приобрели актуальнейшее значение для теории и практики революционного движения. В. И. Ленин не только отстоял и защитил взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на государство, демократию от искажений их разного рода оппортунистами и ревизионистами, но и сделал огромный шаг в развитии этих взглядов. Такие работы В. И. Ленина, как «Государство и революция», «О государстве», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», и многие другие, написанные накануне и после того, как социалистическая революция свершилась, содержат идеи, положения, имеющие выдающееся значение как для революционной практики, так и для развития теории государства и права.

В. И. Лениным были впервые раскрыты сущность и назначение пролетарского государства, определены его функции, обоснована необходимость руководящей роли коммунистической партии в социалистическом государстве.

Особенно велико в современных условиях значение ленинского учения о социалистической демократии, суть которого вождь революции видел в привлечении широких масс трудящихся к участию в работе центральных и местных органов власти и управления.

Неоценим вклад В. И. Ленина в развитие марксистской теории права и создание советского законодательства. Им лично написаны или отредактированы наиважнейшие декреты Совнаркома — правительства молодой социалистической республики, имевшие в тот период значение законов. Под руководством В. И. Ленина и при его непосредственном участии разрабатывались основополагающие законодательные акты и первая Советская Конституция — Конституция РСФСР 1918 года.

Высоко оценивая правотворческую деятельность В. И. Ленина, один из его соратников, А. В. Луначарский, писал: «Юрист по образованию, он сохранил глубочайший интерес к этому делу. Конечно, не к абстрактной, оторванной от жизни лженауке юридической, но к поразительной точности формулировок, ею достигнутых... У него было пристрастие к формулировкам юридического типа, и Владимир Ильич был мастером их... Он относился к той или другой правовой формуле, как к настоящей научной ценности, как к большому приобретению ума»¹.

В. И. Лениным было высказано немало ценнейших для правовой науки мыслей о судебной власти, судеустройстве и правосудии. Осуществление правосудия только судами, коллегиальность в решении гражданских и уголовных дел, выборность судей, привлечение к отправлению правосудия широких масс трудящихся — эти и другие ленинские положения стали важнейшими принципами советского судеустройства и судопроизводства.

Современная юридическая наука активно разрабатывает ленинское наследие и в части теории социалистической законности. Ленин разработал ее основные положения: создание прочной правовой базы, необходимость ее совершенствования при стабильности законодательства, общеобязательность советских законов, недопустимость противопоставления законности и целесообразности, связь законности с культурностью, широкое участие трудящихся в укреплении законности.

В. И. Ленин выступал страстным пропагандистом «строгого и добросовестного соблюдения законов Советской власти» (Полн. собр. соч., т. 39, с. 155), учил воспитывать «широкие массы рабочих и крестьян в деле самостоятельного, быстрого, делового участия их в надзоре за соблюдением законности» (Полн. собр. соч., т. 44, с. 337).

Понимая трудность решения этой задачи в условиях гражданской войны, В. И. Ленин предложил Народному комисариату юстиции издать брошюру, в которой содержалось бы популярное изложение постановления VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов «О революционной законности».

Л. А. Фотиева в своих воспоминаниях свидетельствует по этому поводу: «В 1919 г. по требованию Владимира Ильича отдел законодательных предложений Наркомюста выпустил брошюру «Исполняйте законы Советской республики». Владимир Ильич сам редактировал ее. Брошюра представляла призыв к трудящимся твердо исполнять законы, установленные Советской властью. Эта брошюра по распоряжению Ленина была разослана всем членам Совета Народных Комиссаров. Он всегда имел ее перед собой на заседаниях Совнаркома, ссылаясь на нее и напоминая о ней народным комиссарам»².

Сегодня, когда постановление ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан» признало необходимой перестройку работы судов, прокуратуры, милиции и других правоохранительных органов с тем, чтобы они надежно обеспечивали

¹ Луначарский А. В. Ленин как ученый и публицист. М., 1924, с. 17—18.

² «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. 2, М., 1957, с. 243—244.

защиту интересов государства и прав граждан, еще эффективнее вели борьбу с правонарушениями и преступностью, были тесно связаны с трудящимися, служили подлинным образцом строжайшего соблюдения законности, ленинские идеи, положения и указания звучат с особой силой.

В условиях, когда ЦК КПСС поставил на повестку дня создание обстановки повышения ответственности руководителей предприятий, учреждений и организаций за соблюдение государственной и договорной дисциплины, трудового законодательства, законов об охране социалистической собственности, борьбе с приписками, выпуском недоброкачественной продукции, бесхозяйственностью и расточительством, нелишне напомнить слова В. И. Ленина о том, что исполнение законов обеспечивается: «Во-первых, надзором за исполнением законов. Во-вторых, наказанием за неисполнение законов» (Полн. собр. соч., т. 44, с. 171).

Сколько мудрости и предостережения в кратких строчках, написанных В. И. Лениным: «Обойти декреты нельзя: за одно такое предложение отдают под суд» (Полн. собр. соч., т. 50, с. 266).

В строгом соответствии с этим положением выдержаны требования постановления ЦК КПСС о том, что каждый случай нарушения законности, кем бы он ни допускался, должен получить принципиальную острую оценку, подвергаться суровому осуждению, а лица, виновные в этом, по всей строгости наказываться.

Правовое наследие В. И. Ленина играло и будет играть выдающуюся роль в проведении теоретических исследований и определении принимаемых партией и государством на современном этапе мер по укреплению социалистической законности и правопорядка, использованию правовых методов в перестройке всех сторон социальной жизни.

А. АЛЕКСЕЕВ,
доктор юридических наук,
А. ЧУВИЛЕВ,
доктор юридических наук, профессор

Д. УЛЬЯНОВ

СЛУЧАЙ С КУПЦОМ АРЕФЬЕВЫМ

Более тридцати лет тому назад с Владимиром Ильичем произошел следующий случай, о котором я хочу вам рассказать.

Этот случай показывает, что не только в больших, великих делах, но и в мелочах, подобно описанной, Владимир Ильич проявлял силу воли и настойчивость, что, раз взявшись за какое-нибудь дело, он доводил его до конца, какие бы препятствия ни стояли ему на дороге.

В начале 90-х годов мы жили всей семьей в Самаре вместе с матерью. Владимир Ильич был помощником присяжного поверенного. Мы с Марией Ильиничной учились в гимназии. С нами жили также Анна Ильинична и ее муж, Марк Тимофеевич Елизаров, занимавший какое-то небольшое место, помнится, в казенной палате.

Летом 1892 года Владимир Ильич вместе с Елизаровым был в Сызрани. Оттуда они собрались проехать на несколько дней в деревню Бестужевку, где брат Марка Елизарова крестьянствовал. Для этого надо было проехать на левый берег Волги.

В то время в Сызрани переправу через Волгу монопольно арендовал богатый купец Арефьев. У него была небольшой пароходик с баржей, на которых перевозились и люди, и лошади, и повозки. Купец запрещал лодочникам заниматься переправой, ревниво оберегая свои монопольные права. Поэтому каждый раз, когда лодочник набирал пассажиров, его лодку по распоряжению Арефьева нагонял пароходик и отвозил всех обратно.

Владимиру Ильичу не хотелось ждать перевоза, и он уговорил Марка Елизарова ехать на лодке. Лодочники не соглашались везти, боясь купца и заявляя, что все равно он воротит их обратно. Однако Владимиру Ильичу удалось-таки уговорить одного из них поехать, причем он энергично доказывал, что если Арефьев вернет лодку, то будет предан суду за самоуправство.

Сели в лодку и двинулись на перевал. Арефьев, увидев с пристани, где он сидел за самоваром на балконе, крикнул Марку, с которым был знаком как земляк:

— Бросьте, Марк Тимофеевич, эту затею. Ведь вы знаете, что я за переправу аренду плачу и не позволю лодочникам перевозить на ту сторону. Идите лучше со мной чай пить и знакомого вашего ведите. Все равно поедете на пароходе, велю вас воротить.

Владимир Ильич стал настаивать, теперь еще более решительно, продолжать путь и не слушать самодура. Лодочник уныло говорил: — Все равно воротит, зря едем, сейчас пароход нагонит, баграми нас к борту, и вес ссадят на пароход.

— Да поймите вы, — сказал Владимир Ильич, — что он не имеет права этого делать. Если он лодку задержит и силой заставит нас вернуться, будет сидеть в тюрьме за самоуправство.

— Сколько раз он так проделывал, и никогда суда не бывало. Да и кто станет с ним судиться: очень большую силу забрал в Сызрани, и судьи-то у него, должно быть, все свои. Он, слышь, откупил Волгу у города, аренду платит, а нам вот, что хочешь, то и делай.

Лодка по настоянию Владимира Ильича продолжала свой путь на левый берег, хотя было совершенно ясно, что Арефьев приведет свою угрозу в исполнение. Едва лодка достигла середины реки, послышался свисток пароходика, который, отцепив баржу, быстро погнался за лодкой.

— Ну вот вам и переехали, — произнес лодочник. — Сейчас обратно поедете. И никакой суд ничего сделать не может, он всегда правый будет.

Пароход, догнав лодку, остановил машину. Два-три матроса, привычно работая баграми, подтянули лодку к борту и предложили пассажирам перебираться на пароход.

Владимир Ильич стал разъяснять служащим, что они не имеют права задерживать их и будут преданы суду за самоуправство, за что грозит тюрьма.

— Никакого значения, — доказывал он, — не имеет то обстоятельство, что Арефьев арендовал переправу через реку, это его дело, а не наше, и это ни в коем случае не дает права ни ему, ни вам бесчинствовать на Волге и силой задерживать людей.

На это капитан возразил:

— Ничего мы не знаем: нам приказал хозяин парохода, и мы обязаны слушаться и исполнять его распоряжения. Пожалуйста, пересаживайтесь, мы не дадим вам ехать дальше.

Пришлось подчиниться. Но Владимир Ильич сейчас же записал имена и фамилии всех служащих, принимавших участие в задержке лодки, а также лодочника и других свидетелей.

На сызранском берегу пришлось ждать некоторое время перевоза, и опять слышно было, как Арефьев в победном тоне продолжал свои рассуждения о том, что он платит аренду, что лодочники не имеют права перевозить на тот берег, а потому он задерживает лодки и возвращает людей обратно.

Несомненно, были люди, которые не могли не видеть, что купец действует незаконно, но не решались или не хотели тягаться с ним по судам. Одним это было невыгодно с материальной стороны, другие же, предвидя кучу хлопот, судебную волокиту и т. д., по инертности и «русской» лени отказывались от борьбы.

Нужно было Владимиру Ильичу столкнуться всего на несколько часов с этим стоячим обывательским болотом, чтобы основательно встряхнуть его, наказать главного виновника и научить лодочников, как надо бороться за свои права.

По возвращении через несколько дней в Самару Владимир Ильич подал жалобу на Арефьева, обвиняя его в самоуправстве. Суть дела была ясна до очевидности, ни один юрист не мог рассматривать его действия иначе как самоуправство, а за самоуправство по тогдашним законам полагалась тюрьма без замены штрафом.

Однако добиться этого Владимиру Ильичу стоило еще немало хлопот. Дело разбиралось у земского начальника где-то под Сызранью, верст за сто от Самары, куда должен был поехать Владимир Ильич в качестве обвинителя. Несмотря на совершенную ясность дела, земский начальник под каким-то предлогом отложил разбор дела. Второй раз, уже холодной осенью, дело было вновь назначено к слушанию. Владимир Ильич опять поехал туда, но и на этот раз при помощи разных формальных крючкотворств земский отложил дело.

Очевидно, Арефьев, зная о безнадежности своего положения и грозившей ему каре, пустил в ход все свои связи, чтобы оттянуть по возможности дело. Ему и его защитникам казалось, что бросит же наконец этот беспокойный человек ездить за сотню верст без всякой для себя выгоды, без всякой пользы с их точки зрения. Не знали они, что этот человек не меряется обычной меркой, доступной их пониманию, что, чем больше препятствий встречает он на своем пути, тем тверже и непреклоннее становится его решение.

На третий разбор дела Владимир Ильич получил повестку уже зимой, в конце 1892 года. Он стал собираться в путь. Поезд отходил что-то очень рано утром или даже ночью; предстояли бессонная ночь, скучнейшие ожидания в камере земского начальника, на вокзалах и т. д. Хорошо помню, как мать всячески уговаривала брата не ехать.

— Брось ты этого купца, они опять отложат дело, и ты напрасно проездишь, только мучить себя будешь. Кроме того, имей в виду, они там злы на тебя.

— Нет, раз я уж начал дело, должен довести его до конца. На этот раз им не удастся еще оттягивать.

И он стал успокаивать мать.

Действительно, в третий раз земскому начальнику не удалось отложить решение дела: он и защитник Арефьева встретили во Владимире Ильиче серьезного противника, хорошо подготовившегося к предстоявшему бою, и земский начальник волей-неволей вынужден был согласно закону вынести приговор: месяц тюрьмы.

Года два спустя после описанной истории я, проезжая в поезде близко от Сызрани, случайно встретил в вагоне одного из сызранских знакомых Марка Елизарова. В разговоре он расспрашивал про него и его семью и чрезвычайно интересовался Владимиром Ильичем.

— А ведь Арефьев-то просидел тогда месяц в арестном доме. Как ни крутился, а не ушел. Позор для него, весь город знал, а на пристани-то сколько разговору было. До сих пор не может забыть.

Впервые напечатано 24 февраля 1924 г. в газете «Правда».

ПРАВО НА МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

«Из своих 37 лет я более 20 болею,— пишет читательница Л. Уланкина из Горно-Алтайской автономной области,— перенесла операцию на сердце, после которой три года была инвалидом. Затем пошла работать, окончила заочное отделение института. Болезнь прогрессировала, потому я получила вторую группу инвалидности, оставила работу. Теперь стало немного лучше, имею третью группу и работаю секретарем-машинисткой. И всегда и всюду меня окружали добрые отзывчивые люди. Это не красивые слова, не лозунги — это наша действительность».

Добрые отзывчивые люди — это наша действительность... И в первую очередь, конечно, нас окружает заботой государство, о помощи которого автор письма даже не упомянула, настолько это для нас привычно и обыденно. Ведь мы никогда не остаемся один на один со старостью, болезнью, бедой... И гарантируется это статьей 43 Конституции СССР, в которой говорится:

«Граждане СССР имеют право на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, а также потери кормильца.

Это право гарантируется социальным страхованием рабочих, служащих и колхозников, пособиями по временной нетрудоспособности; выплатой за счет государства и колхозов пенсий по возрасту, инвалидности и по случаю потери кормильца; трудоустройством граждан, частично утративших трудоспособность; заботой о престарелых гражданах и об инвалидах; другими формами социального обеспечения».

В первые годы Советской власти под руководством В. И. Ленина разработаны и осуществлены многие декреты по вопросам социального обеспечения рабочих, крестьян, военнослужащих и их семей. Социальное обеспечение в СССР основывается на следующих принципах: во-первых, всеобщность, то есть оно распространяется на всех рабочих, служащих, колхозников и членов их семей; во-вторых, универсальность, то есть предоставление помощи во всех необходимых случаях — по болезни, старости, инвалидности, потери кормильца и т. д.; в-третьих, бесплатность, осуществление социального обеспечения полностью за счет государственных и общественных средств, без каких-либо взносов самих трудящихся. Только в прошлом году, например, расходы на социальное обеспечение и страхование за счет этих фондов составили около 60 миллиардов рублей. За последние четверть века, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, расходы в этой сфере возросли в шесть с лишним раз.

А вот что рассказали советским корреспондентам члены делегации профсоюза учителей Франции Даниель Дюмон, Жозель Дерьен

и Жак Мари, находившиеся в нашей стране по приглашению ВЦСПС.

Ежемесячно каждый француз делает из своей зарплаты отчисления (около 14 процентов) в так называемый фонд социального страхования. Из этого фонда выплачиваются пособия по безработице, по беременности, пособия на детей, оплачиваются медицинские расходы (правда, не полностью), пенсии.

Заметим, кстати, что и в других капиталистических странах фонды социального страхования формируются за счет отчислений из зарплаты самих работников. Ни о какой помощи со стороны государства тут не может быть и речи.

Продолжим сравнения. В нашей стране пенсии и пособия устанавливаются с таким расчетом, чтобы обеспечить трудящимся в старости, в случае болезни и потери трудоспособности нормальные материальные условия жизни. Скажем, пенсия по старости назначается, как правило, в размерах, превышающих половину заработка. В то же время, по данным Международной ассоциации социального обеспечения, соотношение средних размеров пенсий по старости и заработной платы составляет, например, в Великобритании 16,9 процента, во Франции — 20, в Дании — 22,7 процента.

В нашей стране установлен самый низкий в мире возраст выхода на пенсию по старости: мужчины — по достижении 60 лет, женщины — 55. В той же Великобритании, соответственно, 65 и 60, в США — 65, во Франции — 70 лет.

В XII пятилетке в СССР планируется повысить минимальные размеры пенсий рабочим и служащим по возрасту, инвалидности и по случаю потери кормильца, семьям погибших воинов, а также ранее назначенных пенсий колхозникам. Для пенсионеров, постоянно проживающих в сельской местности и связанных с сельским хозяйством, введена выплата пенсий в размере 100 процентов установленных норм. Уже осуществлены меры по увеличению размеров пособий инвалидам с детства и улучшению условий их жизни. Предстоит повысить нормы обеспечения питанием и медикаментами в госпиталях для инвалидов Великой Отечественной войны; в домах-интернатах для престарелых и инвалидов. При этом речь идет не только о материальных благах, но и о создании благоприятных условий для полноценной жизни, об активизации участия ветеранов, пенсионеров и инвалидов в хозяйственной и общественной жизни.

Положительную роль в этом деле должна сыграть учрежденная недавно Всесоюзная организация ветеранов войны и труда.

По решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР создано Бюро Совета Министров СССР по совершенствованию управления социальным развитием, на которое возлагается обеспечение совместно с министерствами и ведомствами реализации выдвинутой XXVII съездом КПСС социальной программы. Особое внимание обращается на разработку и осуществление действенных мер по более полному удовлетворению материальных и духовных потребностей трудящихся, совершенствованию социалистического распределения, неукоснительному проведению принципа социальной справедливости.

Что ж, тем сильнее становится чувство нашей уверенности в завтрашнем дне!

Т. АЛЕКСЕЕВ

Из Уголовного кодекса РСФСР

Статья 92. Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем присвоения или растраты либо путем злоупотребления служебным положением

Присвоение либо растрата государственного или общественного имущества, вверенного виновному, а равно завладение с корыстной целью государственным или общественным имуществом путем злоупотребления должностного лица своим служебным положением — наказывается лишением свободы на срок до четырех лет, или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом от двухсот до одной тысячи рублей с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без такового.

Те же действия, совершенные повторно или по предварительному сговору группой лиц, —

наказываются лишением свободы на срок до семи лет с конфискацией имущества или без таковой или исправительными работами на срок от одного года до двух лет с конфискацией имущества или без таковой с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет или без такового.

Действия, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, причинившие крупный ущерб государству или общественной организации, —

наказываются лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с конфискацией имущества и лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет.

Статья 93. Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем мошенничества

Завладение государственным или общественным имуществом путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество) — наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом от ста до пятисот рублей.

Мошенничество, совершенное повторно или по предварительному сговору группой лиц, —

наказывается лишением свободы на срок до шести лет с конфискацией имущества или без таковой или исправительными работами на срок от одного года до двух лет с конфискацией имущества или без таковой.

Мошенничеством, причинившее крупный ущерб государству или общественной организации или совершенное особо опасным рецидивистом, —

наказывается лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТОЛЬКО ПО ЗАКОНУ!

Изобретателю не выдали положенное вознаграждение... Кредитору не отдали долг... Заказчице испортили платье в ателье... Возник конфликт. Кто его разрешит, к кому обращаться? Об этом рассказывается в статье профессора, доктора юридических наук А. Боннера «Правовой спор».

ПРАВОВОЙ СПОР

Случилась неприятность. В коммунальной квартире, где проживала нуждающаяся в улучшении жилищных условий семья Коптевых, освободилась одна комната. Однако Коптевым не удалось ее занять, потому что появился претендент с ордером на это жилое помещение, выданным исполкомом районного Совета.

— Как же так! — убеждали работников исполкома Коптевы. — Мы же по закону имеем право занять эту комнату!

— Да уж ничего не поделаешь, — пожимали плечами те в ответ. — Теперь уже поздно. Ордер выдан. Потерпите, когда дойдет очередь до вас...

Но такое «решение» вопроса Коптевых, понятно, не устроило. И они обратились в суд с иском о признании ордера недействительным. Возник правовой спор...

Что же такое — правовой спор? Почему в отличие от спора в бытовом, житейском смысле слова он называется *правовым*?

Чтобы разобраться в этом, понять сущность такого спора, вспомним, насколько широко право охватывает буквально все стороны нашей жизни.

Чаще всего граждане и организации добровольно исполняют свои правовые обязанности, без каких-либо помех реализуют принадлежащие им права. Словом, все идет, как в хорошо отлаженном механизме.

И вдруг где-то по каким-то причинам происходит сбой. Нарушено чье-то право. Возникает конфликт, который необходимо разрешить. Обычно он разрешается путем переговоров между участниками правовых отношений либо посредством совершения иных юридически значимых действий. Вышел, например, из строя недавно купленный телевизор или холодильник — владелец неудачной покупки может обратиться в гарантийную мастерскую, где вещь обязаны бесплатно, быстро и качественно отремонтировать.

Или, скажем, распалась семья. Не имеющие совместных несовершеннолетних детей при взаимном согласии супруги подают заявление о разводе в загс, который по истечении трехмесячного срока регистрирует расторжение брака.

Гражданин, обязанный уплачивать алименты, может делать это в добровольном порядке лично или же подать заявление об этом администрации по месту работы... Подобных примеров можно привести множество. Кстати, и с Коптевыми работники исполкома могли решить вопрос своими силами.

Однако в ряде случаев участники правовых отношений не могут или не хотят самостоятельно, без вмешательства компетентных государственных или общественных органов разрешить возникший между ними конфликт. Таким образом, возникает правовой спор, требующий разрешения в установленном законом порядке.

Причем в отличие от спора в житейском смысле этого слова здесь нередко нет никаких разногласий между его участниками. Более того,

порой на словах полностью признается обоснованность требований другой стороны, даются соответствующие заверения — например, уплатить деньги. Но... реально обязанности не исполняются. Правда, бывает и так, что права и обязанности участников правоотношений четко не определены, и сами они не могут их определить без вмешательства компетентных органов.

Приведу пример. После смерти Кашина возник спор о разделе наследственного имущества. Спорящие — жена и отец покойного — относились к числу наследников первой очереди и в другой ситуации были в состоянии уладить возникший между ними правовой конфликт без суда: обратиться в нотариальную контору и получить свидетельства о праве на соответствующую долю наследства, а жена, кроме того, — свидетельство о праве собственности на долю в общем имуществе супругов.

Однако обстоятельства данного дела были нестандартными. Кашину В. И. принадлежал на праве личной собственности дом, и, по утверждению Кашиной, при жизни наследователя он капитально ремонтировался и улучшался. В соответствии же со статьей 22 КоБС РСФСР имущество каждого из супругов может быть признано их общей совместной собственностью, если будет установлено, что в течение брака были произведены вложения, значительно увеличившие стоимость этого имущества (капитальный ремонт, достройка, переоборудование и т. п.). Не соглашаясь с требованием увеличить долю в домовладении своей бывшей невестки, Кашин И. Н. утверждал, что при жизни его сына производился не капитальный, а лишь текущий ремонт дома. К этому следует добавить, что, даже если бы между сторонами не было разногласий по поводу оценки характера произведенных ремонтных работ, разрешить в указанной ситуации свой конфликт без вмешательства суда они бы не смогли. Регистрация изменения долей собственников дома в связи с его капитальным ремонтом, достройкой, переоборудованием и т. п. могла быть произведена лишь на основании судебного решения.

Или другой пример. Аравина и Оглоблин состояли в зарегистрированном браке, а затем расторгли его. Через некоторое время у Аравиной родился ребенок. По личному заявлению Оглоблина, органы загса записали его отцом новорожденного. А спустя несколько лет Аравина обратилась в суд с иском об аннулировании записи об отцовстве, так как фактический отец ребенка — Ломов намерен установить свое отцовство через органы загса. В данном случае никакого спора в бытовом, житейском смысле между сторонами не было, поскольку Оглоблин был согласен как с существом предъявленного к нему требования, так и с его мотивировкой. Однако обратиться в суд было необходимо, потому что аннулировать первичную запись акта гражданского состояния органы загса могут лишь на основании решения суда.

Таким образом, под спором в юридическом смысле слова понимаются не только различного рода конфликты, разногласия между участниками правовых отношений, случаи нарушения чьих-то прав или помех в их осуществлении. К понятию правового спора относятся, как вы убедились, также и любые ситуации, когда для реализации права требуется, согласно закону, решение суда или иного органа, компетентного для разрешения правовых споров и защиты права.

Итак, сущность правового спора выражается в нарушении или неопределенном состоянии права и необходимости получения реше-

ния суда или иного компетентного органа, разрешающего правовой конфликт и оказывающего защиту права.

Причины возникновения правовых споров достаточно разнообразны. Однако главная из них состоит в незнании закона, а чаще — в пренебрежении им, в стремлении поставить собственные интересы выше интересов других граждан. Как правило, это следствие недостаточно высокой правовой, а порой и общей культуры части членов нашего общества — как граждан, так и отдельных должностных лиц, нарушения ими норм социалистической морали. Трудно объяснить как-то по-другому сравнительно распространенные ситуации, когда гражданину или организации полностью ясен круг своих правовых обязанностей, а они их не выполняют. Например, взял в долг деньги — отдай их в определенный срок. Есть несовершеннолетние дети — и родители должны обеспечить их содержание... Однако на практике бывает, что граждане и должностные лица с помощью различных ухищрений стараются увильнуть от выполнения своих прямых обязанностей.

Так, некий Кабанов, уклонявшийся от уплаты алиментов и поэтому вынужденный систематически менять места работы и жительства, нашел «выход»: он послал по почте своей бывшей жене «предсмертную записку»: «Продолжать такую жизнь я больше не могу. Я лишний на этом свете. Прощайте». С помощью дружков была инсценирована обстановка похорон, а к записке приложена «документальная» фотография, на которой «самоубийца» был изображен лежащим в гробу. Однако через некоторое время органы милиции, выполнявшие определение суда о розыске Кабанова, установили место жительства «покойного» и привлекли его к уголовной ответственности за злостное уклонение от уплаты алиментов.

Другой пример. Волосникова сдала пальто в ателье, чтобы там сделали мелкий ремонт. Забрать пальто из ателье заказчица отказалась. Она заявила, что пальто испорчено и носить его невозможно. Пришлось обратиться в суд. Несмотря на то, что существенные дефекты вещи были видны, как говорится, невооруженным глазом, представитель объединения, в которое входило ателье, пытался убедить суд в том, что ее можно носить. Суд удовлетворил требование, Волосниковой и взыскал в ее пользу стоимость испорченного в процессе «ремонта» имущества.

В приведенных случаях одна из сторон в правоотношении действовала явно недобросовестно, и задача суда по защите нарушенного права была относительно несложной. Но бывают иные ситуации, когда заинтересованные лица вынуждены обращаться в суд за защитой права по причине его неопределенности. Последняя может быть связана со сложностью, а порой и с необычайностью обстоятельств дела, а иногда даже с пробелами и противоречиями, имеющимися в действующем законодательстве. Вот пример.

В результате несчастного случая, происшедшего по вине организации, погиб Ильин. На его иждивении находились тяжелобольная дочь в возрасте 10 лет и жена, занятая уходом за ребенком. Встал вопрос: кто должен возместить вред, причиненный смертью кормильца? Что касается доли утраченного заработка, приходящейся на несовершеннолетнего ребенка, здесь было все ясно: организация стала выплачивать ее добровольно. А вот от выплаты содержания вдове покойного она отказалась. В обоснование отказа организация сослалась на закон. Действительно, в соответствии со статьей 460 ГК РСФСР и иными нормативными актами вред, причиненный супругу

умершего или родителю, независимо от возраста и трудоспособности, не работающему и занятому уходом за детьми, внуками, братьями или сестрами умершего, возмещается до достижения ими восьмилетнего возраста. По этой причине первоначально в иске Ильиной судебными органами было отказано. Казалось бы, по закону все сделано правильно. Но здесь ситуация была особая. Вот почему впоследствии указанное решение было отменено. Вышестоящая судебная инстанция правильно обратила внимание на то, что отказ в удовлетворении требования Ильиной противоречит действительному смыслу действующего законодательства. Как видно из медицинского заключения, ребенок страдает параличом и нуждается в постоянном уходе. В связи с этим истица не работала при жизни отца ребенка и не работает на день рассмотрения дела. При данных обстоятельствах считать, что истица утратила право на возмещение вреда в связи с гибелью кормильца по достижении дочерью восьмилетнего возраста нет оснований. При новом рассмотрении дела народным судом иск был удовлетворен.

В данном случае в связи со сложностью и необычностью дела отказ организации объясним и понятен. Но, что греха таить, в жизни не так уж редки случаи, когда организации и их руководители отказываются добровольно выплачивать гражданину основанные на законе, но в силу тех или иных причин не вполне «стандартные» выплаты, в особенности если они более или менее значительные. Некоторые работники бухгалтерий почему-то склонны приравнять это к личной трагедии. И здесь ситуация спора до известной степени создается искусственно. Соответствующим должностным лицам, как правило, абсолютно ясно, что, по существу, они не правы, а требования гражданина законны. Но смириться с необходимостью выплаты денег их «родным» предприятием они не в состоянии. Относительно распространенным является и прием, когда поведение человека, требующего того, что положено ему по закону, объявляется аморальным. «Идите в суд, если у вас хватит совести», — говорит должностное лицо гражданину. Между тем аморально действует именно должностное лицо, попирающее закон и искусственно создающее ситуацию спора.

Впрочем, бывает и так, что между сторонами нет никаких разногласий. Однако в суд они вынуждены обращаться в связи с позицией иных участников правового общения. В данном отношении характерно следующее дело. Смирнов был автором изобретения, использованного в строительстве. Руководитель строительной организации издал приказ, в соответствии с которым Смирнов должен был получить вознаграждение в сумме 720 рублей. Однако здесь в отношения сторон вмешались органы Стройбанка, которым показалось, что изобретатель получит слишком много. В результате ему было выплачено лишь 320 рублей. Остальное вознаграждение, причитающееся ему по закону, Смирнов получил по решению народного суда.

Таким образом, как мы постарались показать, причины правовых споров достаточно разнообразны. Какие же существуют способы их разрешения и защиты права?

Самой древней, но нередко встречающейся и в наши дни является так называемая самозащита. Иначе говоря, человек самостоятельно приходит к выводу о нарушении своего права, определяет его нарушителя, принимает решение о необходимой в данном случае форме защиты права и ее объеме. Таким образом, функции потерпевшего,

судьи и судебного исполнителя в этой самодеятельной форме защиты объединены. Например, гражданин самостоятельно пытается отобрать у другого лица якобы принадлежащее ему имущество или деньги, самолично освобождает жилое помещение и т. д. По существу, здесь идет речь о «праве» сильного. Но понятия «сильный» и «правый», как известно, совпадают не всегда. А самодеятельная форма защиты, о которой идет речь, не что иное, как самоуправство. Причем, как правило, оно бывает связано с нарушением чужого права. Такого рода действия, если в результате их причиняется существенный вред гражданам либо государственным и общественным организациям, наказываются в уголовном порядке по статье 200 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик.

Существуют государственные и общественные органы, специально предназначенные для разрешения правовых споров и защиты нарушенного или оспоренного права. Главные из них — суд и арбитраж. Отдельные категории правовых конфликтов в соответствии с законом разрешают администрация предприятий, комиссии по трудовым спорам, профсоюзные комитеты, товарищеские и третейские суды и некоторые другие органы. Так называемые хозяйственные споры между государственными и общественными предприятиями, организациями или учреждениями (кроме колхозов) разрешают органы арбитража.

Роль и значение судебных органов в деле защиты гражданских прав значительно возросли с принятием ныне действующей Конституции СССР. В частности, в статье 57 Основного Закона страны подчеркнуто, что граждане СССР имеют право на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество.

К сожалению, среди определенной части населения распространено неправильное отношение к судебной защите права. Обращение гражданина в суд порой рассматривается чуть ли не как аморальный поступок.

Нежелание «связываться с судом», стремление уйти от необходимости разрешения спора в установленном законом порядке приводит к тому, что в попытках добиться удовлетворения своих нередко вполне обоснованных претензий граждане порой обращаются к совершенно некомпетентным в данном вопросе инстанциям. Здесь и редакции газет и журналов и самые разнообразие общественные органы. Увы, ни один из перечисленных органов разрешать правовые споры не вправе. Поэтому они должны разъяснять гражданам лишь одно: конкретный правовой спор может разрешить только советский суд, а в случаях, предусмотренных законом, — иные уполномоченные на то органы.

К сожалению, бывает и так, что различные некомпетентные органы пытаются воздействовать на должника, чтобы он уплатил деньги, передал имущество, освободил жилое помещение и т. п. Как правило, ничего хорошего из этого не получается. Не без помощи таких «доброхотов» разрешение порой, в сущности, пустячного конфликта затягивается на длительное время, а иногда и на многие годы. Так, Данилов взял у своего товарища по работе Глебова займы 50 рублей и, несмотря на соответствующие заверения, после длительных проволочек отдал лишь 10. С заявлением по поводу взыскания остальных денег Глебов обратился в цеховой, а затем в заводской комитеты профсоюза, которые безуспешно пытались воздействовать на неисправного должника. Через некоторое время в одной из газет

было опубликовано возмущенное письмо Глебова, которое редакция озаглавила «Пустое слово» и снабдила его соответствующим комментарием. А что же Данилов? Денег он так и не заплатил. Между тем истек установленный законом трехлетний срок исковой давности, в связи с чем возможность судебной защиты права Глебова на получение денег стала бесперспективной.

Не менее парадоксальна история, по поводу которой в свое время выступала газета одного уважаемого ведомства. Работнику этого ведомства, Гришину, в порядке улучшения жилищных условий была предоставлена новая квартира. Гришин переехал в нее, «забыв» освободить от своих вещей сарайчик. Прежнюю его квартиру передали семье Исайкина, который попросил Гришина сарайчик освободить, но тот категорически отказался.

С заявлением по поводу освобождения сарайчика Исайкин в течение многих лет обращался в домоуправление, к руководству предприятия, в котором работал совместно с Гришиным, в вышестоящие органы вплоть до министерства, в советские, партийные, профсоюзные органы разных ступеней, в редакции нескольких газет. Всего в орбиту «глобального» спора о сарайчике было втянуто около двадцати различных инстанций. Многие из них проводили соответствующие проверки, устраивали совещания, выносили решения и давали Исайкину «обнадеживающий» ответ типа: «Ваши претензии по поводу освобождения сарайчика, занятого вещами Гришина, совершенно обоснованны. Нами тов. Гришину предложено сарайчик освободить. Рассмотрение Вашей жалобы взято на контроль». Однако реально сарайчик так и не был освобожден, и это вполне понятно, так как ни одна из разбиравших конфликт «высоких» инстанций не имела права разрешать правовые споры и не была уполномочена на принудительное исполнение принятых решений. Если бы Исайкин своевременно обратился в суд, то его правовой спор был бы разрешен в соответствии с законом, в относительно короткий срок, а в случае отказа Гришина исполнить решение об освобождении сарайчика добровольно, оно было бы реализовано принудительно с помощью судебного исполнителя.

Способы защиты гражданских прав перечислены в статье 6 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, статье 6 ГК РСФСР и соответствующих статьях Гражданских кодексов союзных республик.

Так, суд, арбитраж или третейский суд могут признать наличие или отсутствие соответствующего права. Например, исходя из обстоятельств дела, суд может признать гражданина имеющим либо, напротив, утратившим право на жилую площадь, признать сделку недействительной и так далее.

Правоохранительный орган может своим решением восстановить положение, существовавшее до нарушения права, и пресечь действия, нарушающие право. Например, суд может обязать ответчика устранить повреждения, причиненные жилищу или имуществу, обязать соответствующее лицо не чинить препятствий в пользовании жилой площадью или имуществом.

Один из достаточно распространенных способов защиты гражданских прав — присуждение к исполнению обязанности в натуре. В частности, ответчик может быть присужден к передаче истцу определенного количества имущества соответствующего назначения и качества. Может идти речь также о выполнении определенной работы, например, исправить недостатки проданного имущества или же иму-

щества, созданного в результате ненадлежащего исполнения договора бытового подряда.

Весьма распространенным способом защиты гражданских прав является взыскание с лица, нарушившего право, причиненных убытков, а в случаях, предусмотренных законом или договором, неустойки (штрафа, пени).

В зависимости от конкретных обстоятельств дела суд или иной правоохранительный орган может применить и иные предусмотренные законом способы защиты гражданских прав. Например, в случае неисполнения должником обязательства выполнить определенную работу кредитор вправе выполнить эту работу за счет должника, поскольку иное не вытекает из закона или договора.

Таким образом, в качестве общего вывода можно сказать, что разрешение правовых споров является делом суда, а в случаях, прямо предусмотренных законом, и иных компетентных органов. Более подробно о компетенции соответствующих органов по разрешению отдельных категорий споров речь пойдет в последующих публикациях.

А. БОННЕР,
профессор,
доктор юридических наук

Из Уголовного кодекса РСФСР

Статья 93¹. Хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах

Хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, независимо от способа хищения (статьи 89—93),—

наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества, со ссылкой или без таковой или смертной казнью с конфискацией имущества.

Статья 94. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием

Причинение имущественного ущерба государству или общественной организации путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения —

наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до четырехсот рублей, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или увольнением от должности либо влечет применение мер общественного воздействия.

Статья 94¹. Самовольное использование транспортных средств, машин либо механизмов

Самовольное использование в корыстных целях транспортных средств, машин либо механизмов, принадлежащих предприятиям, учреждениям, организациям, совершенное после наложения административного взыскания за такое же нарушение,—

наказывается лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом от трехсот до одной тысячи рублей, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без такового.

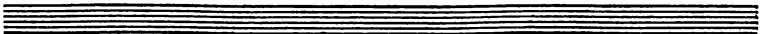
Те же действия, причинившие крупный ущерб,—

наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

Статья 94². Нарушение правил пользования энергией или газом в быту

Самовольное использование в корыстных целях электрической либо тепловой энергии или газа, а равно нарушение правил пользования электрической либо тепловой энергией или газом в быту, совершенные после наложения административного взыскания за такие же нарушения либо причинившие существенный вред,—

наказываются лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом от трехсот до одной тысячи рублей.

«КУРКУЛЬ»

Целый день житель Киева Юрий Авруцкий* ждал важного звонка. А под вечер не выдержал — сам начал накручивать диск. Однако справочная аэрофлота ничего утешительного не сообщила: погода в тот день была летная по всей стране, и самолеты с Камчатки в Москву и из Москвы в Киев летели точно по расписанию. Номер же в Петропавловске-Камчатском молчал...

Примерно пятнадцать — двадцатью часами раньше сотрудники органов внутренних дел «выудили» из-за стойки регистрации Петропавловского аэропорта несколько чемоданов и баулов, которые только-только затащил туда в обход очереди сержант милиции из местного отделения, и вежливо попросили владельца предъявить их содержимое. Очередь дружно ахнула: в чемоданах и баулах ровными рядами были уложены 120-граммовые баночки с красной икрой. Да не пять, не десять — на сувениры с далекой Камчатки жителям материка, а 510 штук.

«Продолжается регистрация билетов и оформление багажа на рейс 52 Петропавловск-Камчатский — Москва». Это объявление диктора уже не касалось 27-летнего Игоря Голубева, покидавшего аэропорт в сопровождении работников милиции. Его теперь ждали совсем другие маршруты...

А Авруцкому позвонили через два дня, причем не по телефону, а в дверь, и те, кого он меньше всего хотел увидеть на пороге своей квартиры.

МЕЧТЫ... МЕЧТЫ...

У абсолютного большинства мальчишек бывают клички.

Рождены они могут быть чем угодно — природой, случаем, характером. Талантом, наконец. Я, например, ужасно завидовал в детстве парню, у которого была кличка «Яшин». Самого же меня звали «Цыпленком» — за худые, жилистые ноги и дурацкую желтую кепочку, купленную родителями. Всего один раз и появился-то в ней во дворе, а обидную кличку заработал на годы. Сколько было пролито из-за нее слез в одиночестве и крови из носов во дворе — ничего не помогало.

У Юры Авруцкого кличка была «Куркуль». Это, пожалуй, куда обиднее и злее «Цыпленка». «Куркуль». Произносишь это слово, и воображение услужливо рисует мальчишку, у которого все есть — и настоящий футбольный мяч, и роликовая доска, и ножик перочинный с двадцатью разными лезвиями, а вот гривенника в долг или денег на билет, когда вся компания собирается в кино, не бывает. Как правило, такой паренек отстает от сверстников в играх, но заменить его на более ценного игрока даже в самом решающем матче с соседним двором невозможно — мячик-то его. И чуть что — тут же его заберет. Одно слово — куркуль.

Однако воображение порой подводит. Юра у себя во дворе был

* Все фамилии в очерке изменены.

парнем контактным, авторитетным, вовсе не прижимистым и самым спортивным. Все перечисленные качества, вероятно, помогли бы ему избавиться от неприятной клички, было бы желание. Однако Юра на «Куркуля» не обижался. Дело в том, что кличка была рождена мечтой.

Кто-то в детстве мечтает стать космонавтом, кто-то разведчиком, кто-то артистом. Юра-«Куркуль» мечтал скопить двести тысяч. Почему именно двести, а не триста или не сто пятьдесят? Трудно сказать. Мечты, они ведь не всегда поддаются логике.

Я уже отмечал, что Юра был парнем спортивным, и это сослужило ему немалую службу. Мой «Яшин», например, давно успел забыть про свои футбольные подвиги. Да и немудрено: за день ему, участковому врачу, столько приходится «набегивать», что потом уже не до футбола. А Юра пошел на штурм спортивных вершин. На Олимп, правда, не взобрался, но есть ведь в спортивной области и другие пики — пониже и поудобнее. Учеба в СПТУ, работа токарем — это все было на втором плане. Юрий Авруцкий главным образом защищал честь родной области на разного рода третьеразрядных лыжных состязаниях.

Шли годы.

Юра вроде бы не мог пожаловаться на жизнь: и зарабатывал неплохо, и ездил по стране порядочно, и уважением пользовался, каким пользуется у нас всякий, защищающий нашу с вами спортивную честь. Но заветная мечта от всего этого благополучия ни на шаг ближе не становилась.

ПЕРВЫЕ СТАРТЫ

Камчатка — это прежде всего рыба, миллионы тонн рыбы на всесоюзный стол. В мороженом, консервированном, копченом виде, в банках и брикетах, с головами и без голов ежедневно отправляются отсюда во все уголки страны минтай, камбала, треска, окунь-терпуг. А в летнюю пору вскипают удивительным разнообразием камчатские реки — это идет на нерест лосось. И каждая рыбина несет в своем чреве тысячи заветных красных шариков. Икра! Хоть не является она товаром не только первой, но даже второй и третьей необходимости, приезжих с Камчатки на материке всегда расспрашивают про житье-бытье с некоторой затаенной завистью — ведь лососевые реки у них текут почти что под ногами...

Может, в этом явно преувеличенном интересе к икре юный камчатский спортсмен и увидел проблеск надежды на ускоренную реализацию мечты? Утверждать не возьмусь. Судебный очерк — вещь документальная, а документа на тему, о чем Юра в то время думал, в моем распоряжении не было. А вот о том, что он делал, был. Об этом Авруцкий сам потом рассказывал на предварительном следствии. Поначалу, на первые свои соревнования с выездом за пределы области, он захватывал по две-три баночки с икрой на сувениры друзьям-соперникам. Потом убедился, что эти баночки без особого труда обмениваются на другие — с «фирменной», а потому остродефицитной лыжной мазью. За мазью на свет божий появились столь же «фирменные» лыжи, которые ей следовало мазать, затем — крепления к этим лыжам, ботинки к креплениям... Спрос на камчатские «сувениры» возрастал прямо пропорционально удаленности соревнований от берегов полуострова. Видимо (необходимая оговорка, поскольку материалами следствия это точно не установлено), на одном из таких соревнований Юра впервые взял не мазь и не креп-

ления, что в конце концов являлось обменом одной вещи на другую, а наличные. И не 4.20, которые баночка лососевой икры стоит в магазине. Пока это было лишь эпизодом. Но за эпизодом расчетливый взгляд Юры «Куркуля» углядел возможность создания системы. После поступления в Киевский институт физкультуры и переезда на жительство в столицу Украины возможность стала реальностью.

Из протокола допроса Ю. Авруцкого:

«...Чуть ли не в каждой компании, где я появлялся, узнав, что я с Камчатки, меня тут же спрашивали, не могу ли я достать икру. Такие же вопросы задавали мне и в институте как студенты, так и преподаватели...»

Итак, спрос, который, как известно, по законам рынка диктует предложение, был устойчивый. И начал Юра совершать челночные рейсы по маршруту Киев — Камчатка — Киев. Случалось, за месяц дважды успевал обернуться туда — обратно. Просто диву даешься, когда он успевал еще и грызть гранит науки. Впрочем, к этому вопросу мы еще вернемся. А пока заметим, что волновали «Куркуля» вовсе не записи в зачетной книжке, а нечто совсем другое. Как-никак, а от родного Петропавловска его отделяли теперь добрые десять тысяч километров. Конечно, в интересах дела не грех и слетать лишний раз в родные пенаты, тем более что стоимость билета, хоть и немалая, с лихвой компенсировалась разницей цен. Но ведь и в Петропавловске икра нынче не лежит на улицах. Случается, выбрасывают ее в продажу в фирменном магазине «Океан», но больше пяти банок на руки не продают. Так что на «Океан» расчет плохой. Иное дело глубинка — дальние поселки, госпромхозы. Там в сезон дефицитная икра продается словно килька какая-нибудь — вразвес из больших бочек. Но и здесь своя сложность: обслуживает торговля только местных жителей, значит, нужно контакт найти. Да и знать к тому же надо, где его искать. Был, наконец, и третий путь к икре — через браконьеров. Однако и их надо отыскать. Не ходят ведь они по улицам, не кричат «браконьеры мы, браконьеры». И на все нужно время. Время, которого и так не хватает в эти короткие прилеты домой. А ну как не успеешь, не достанешь, не найдешь?

Одним словом, волновало «Куркуля» отсутствие компаньонов. Впрочем, за ними дело не стало.

ХАРАКТЕР ВЫДЕРЖАННЫЙ, СПОКОЙНЫЙ

Через два с небольшим года после первых «стартов» на поприще спекуляции Авруцкий оказался на скамье подсудимых. А вместе с ним еще двое — уже упоминаемый Игорь Голубев и Виктор Гребшков.

Знакомство с Голубевым было давним — тоже лыжник, тоже защитник областной спортивной чести. Связывали ли раньше Игоря с «Куркулем» общие интересы, кроме спортивных, следствию выявить не удалось. Вообще, если верить характеристике, выданной Голубеву петропавловским объединением «Продтовары», где он трудился в должности старшего инструктора-методиста по производственной гимнастике, никаких «не тех» интересов у него и быть не могло: «К работе относится добросовестно, проявляет инициативу по внедрению нового, прогрессивного (?) в спорте, обладает

Рисунок Владимира Родина.

организаторскими способностями... Умеет вести за собой товарищей... Характер выдержанный, спокойный...»

Читаешь эти чеканные строки, и как-то сам собой вспоминается «голос за кадром» в популярном телесериале. Поневоле возникает ощущение, что автор их тоже находился под впечатлением этого голоса и в результате перепутал время и место действия...

Что же до «умения вести за собой товарищей», то на следствии Голубев от него всячески открещивался — сам, дескать, попал под влияние, пошел на поводу, «за что, — как сказано в одном из написанных им собственноручно объяснений, — раскаиваюсь в своем действии относительно закона и собственной совести».

Раскаяние — дело важное, тем более что речь идет о молодом парне, у которого если не вся, то большая часть жизни еще впе-

реди. Жаль только, что пришло оно к Голубеву после ареста. А до того мотался он по поручению Авруцкого, да и по собственной инициативе по городам и весям, скупал икру (всего на суде ему насчитали больше 180 кг!), отвозил и отправлял ее в Киев.

ТОЛЬКО ЛЕНИВЫЙ НЕ ВОРУЕТ...

Вспомним последний, несостоявшийся вылет Игоря Голубева на материк. Из багажа у него было извлечено 510 баночек с икрой. Баночек! Скупить такое количество икры в магазинах, где на руки продают по 4—5 баночек, возможным не представляется. Авруцкому, правда, удавалось покупать и больше положенного — выстраивал в очередь мальчишек, которым платил по рублю «сверху». Но и это давало плюс 20—30 баночек, а никак не полтысячи. Следствие совсем уж было собралось поискать каналы «сотрудничества» преступной группы с работниками «Океана», однако экспертиза на корню «зарубила» эту версию: баночки оказались самодельной закатки. Ну что ж, одни консервируют на зиму яблоки, другие закатывают огурчики, а третьим, как выясняется, милей икра. На вкус и цвет, как говорится, товарищей нет. И все было бы замечательно, если бы не одно прискорбное обстоятельство: баночка № 22, в которую закатывалась икра, нигде и никогда в продажу не поступала. Так в поле зрения следственных органов попала Петропавловская жестянобаночная фабрика (ЖБФ).

Из протокола допроса И. Голубева:

— Понимали ли вы, что, проникая на территорию фабрики, вы похищаете государственные материальные ценности?

— Я боялся, что это не положено, понимал, что ящики берутся с территории завода, но о том, что это — хищение государственных ценностей, я не думал.

Ящики с баночками и крышками, о которых шла речь, не установленные следствием работники ЖБФ по указанию Голубева вынесли с территории за две бутылки водки.

«Боялся, но не думал», «догадывался, но не знал», «предполагал, но не осознавал». Что это — неуклюжее вранье в попытке уйти от ответственности? Детский лепет взрослого человека с незаконченным высшим образованием? Преступное легкомыслие? Может ли нормальный человек не отдавать себе отчета в том, что взять фабричные ящики — это значит украсть? Как ни парадоксально, но может. Некоторый свет на причины этого удивительного явления проливает акт ревизии жестянобаночной фабрики, проведенной по указанию следствия.

«...Хищение банки и крышки № 22 практически может производиться на любом этапе производства и со склада готовой продукции... Досмотр выезжающего с территории фабрики транспорта производится формально либо вообще не проводится... Ограждение фабрики отсутствует...»

Хочешь — тащи ящики с банками днем, хочешь — ночью. Хочешь — направо, хочешь — налево. Хочешь — пешком, а хочешь — так грузовик загоняй. Впрочем, нельзя сказать, что борьба с расхитителями на ЖБФ совсем не велась. Велась. Из документов следует, что при попытке вынести баночки было задержано десять человек. Очевидно, самых нахальных — они шагали с ящиками в руках прямо через проходную.

А теперь немного арифметики. Банка № 22 стоит 6 копеек, а крышка к ней — 2 копейки. Между тем, по данным того же акта ревизи, при такой мизерной стоимости интересующей нас тары на складе готовой продукции ЖБФ была обнаружена ее недостача 7400 рублей.

Возьмите, уважаемый читатель, листок бумаги и карандаш, поделите рубли на копейки, и в результате вы получите количество баночек с «левой» икрой, отправившихся за отчетный период с Камчатки на материк.

ПАУТИНА

Виктора Гребешкова к Авруцкому привело поначалу желание... приодеться. Дело в том, что за два предшествовавших описываемым событиям года Виктор несколько поотстал от моды, ибо в местах, где он находился, допускается лишь одна, единая для всех форма одежды. Теперь стремился наверстать упущенное. Ну, а «Куркуль»...

Из перечня промтоваров, содержащегося в обвинительном заключении, можно было бы открыть приличный «фирменный» магазин. «Фирменный», потому что Авруцкий имел «фирму». Немецкие кроссовки и итальянские сапоги, американские джинсы, шотландские свитера, китайские пуховые куртки, японские магнитофоны... Для него не было ничего невозможного. Заказал знакомый модную куртку для своей девушки и получил из Киева такой вот ответ (орфографию сохраняю полностью): «Нашет Наташи не волиуйся такую куртку как у Людки я уже делал одной телки с нашего города...» И такого вот текста — без запятых, с ошибками в каждом слове — целая страница. И это писал студент-заочник Киевского института! Любопытно было бы взглянуть на его вступительное сочинение!

Но вернемся к фирменному магазину «Куркуля». Итак, в нем было все, что только способен пожелать современный молодой человек. Но цены! Киевские фарцовщики полопались бы от зависти, если бы узнали, какие цены заламывал на родине «Куркуль». Причем брал он за товары не деньгами — икрой по госрасценкам: килограмм — 20 рублей.

Из обвинительного заключения:

«...В сентябре — октябре 1984 года по указанию Авруцкого были обменены у неустановленных лиц на джинсовые брюки «Супер перис» и «Джордия клаб» соответственно 13 и 16 кг икры, на две пары кроссовок румынского и итальянского производства — 10 кг икры, на 2 пары кроссовок «Адидас» и «Чемпион» — 12 кг икры, на спортивную сумку-башмак — 2 кг икры...»

Пуховик «Свен» был оценен в 20 кг, вельветовые брюки с рубашкой — 16 кг, японские кроссовки — в 7 кг... Последние обменные операции как раз и проворачивал Гребешков, отработывавший полученные в долг шмотки. В поселке Каряки сговорился с двумя парнями: по 15 кг икры за кроссовки, а в поселке Термальный — реализовал спортивный костюм... Эти договоренности на несколько сотен рублей приблизили «Куркуля» к достижению мечты, а Гребешкову добавили лишнюю статью — часть 4 статьи 208 УК РСФСР — приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. Выменянная им икра была браконьерской...

Столько уже говорилось и писалось о том, что похвальное само

по себе желание красиво и модно одеться должно иметь какие-то тормоза, моральные ограничители, что лишний раз возвращаться к этой теме даже как-то неловко. Но приходится.

В последнее время, когда речь все чаще заходит о борьбе с нетрудовыми доходами и, в частности, со спекуляцией, нет-нет, да услышишь, что ставить спекулянта на одну доску с грабителем или хулиганом все же не следует. Аргументы при этом выдвигаются примерно такие: спекулянт не требует выбора: кошелек или жизнь, не бьет по лицу, не покушается на честь и достоинство, а всего лишь вежливо предлагает приобрести у него острodefицитный товар. Цена выше государственной? А не хотите, так не берите.

Слушаешь эти речи и невольно вспоминаешь «Куркуля».

Была у него заветная мечта — скопить двести тысяч. Непривлекательная по нынешним временам мечта, я бы даже сказал атавистическая. Однако в конце концов его это дело.

Но вот молодой человек переходит от мечтаний к делу, которое изначально носит противоправный характер. И втягивает в него других людей, готовых ради «шмоток» пойти на преступление. И вот уже везут через границу на продажу модные штаны Энрике и Мохаммед. Везут для «Куркуля». Тащит в аэропорт полтысячи «левых» банок Голубев. И тот сержант милиции, без взвешивания пронесший голубевский багаж в центнер весом (для справки: каждый килограмм дополнительного багажа обходится пассажиру на трассе Петропавловск-Камчатский — Москва в 1 рубль 94 копейки) и с позором выгнанный из органов внутренних дел — он тоже «куркулевская» находка: купил у него кроссовки за сто рублей и еще считал себя обязанным как-то отблагодарить.

Как паук плел свою сеть «Куркуль», опутывая ею все новые и новые жертвы. Вот уже бьются в ней «модник» Гребешков, и браконьеры из Каряков и Термального, и работники-алкаши с жестянобаночной фабрики. И работники госпромхоза, закупавшие для Авруцкого килограммами икру, и мальчишки, выстаивавшие за рубль очередь в «Океане», и парни, закатывающие икру в краденые банки. И все они оказались падки на «фирменные» шмотки.

«Куркуль» бил без промаха.

На одном из допросов следователь поинтересовался у Гребешкова: «Как вы считаете, если бы тем парням в поселке Каряки вы предложили не пуховик, а деньги, они бы согласились добывать для вас икру браконьерским способом?» «Не уверен», — ответил Гребешков.

И я не уверен. Ведь именно безобидные кроссовки — элегантные, модные, удобные — оказались звеном, замкнувшим преступную цепочку.

Кстати, «Куркуль» — это не литературный домысел автора. Действительно, произошел удивительно редкий случай: детская кличка осталась при хозяине. Проходили годы, менялось окружение, а кличка шла вместе с Авруцким по жизни. А еще точнее, вела его по жизни. К закономерному и неизбежному финалу.

ПОМНИ, ВАНЯ...

Вернемся еще раз к разговору о степени социальной опасности спекулянта. Помните: не грабит, не хулиганит, на честь и достоинство не покушается...

Среди ближайших подручных Авруцкого вместе с Голубевым и Гребешковым числился еще некто Ваня. Ваня, только что вступивший в совершеннолетие.

Отношения чисто человеческие у них с Авруцким существовали давно: росли по соседству. Разница в возрасте, конечно, ощущалась — Ваня, как и положено младшему, смотрел на спортсмена Юру снизу вверх, почтительно... А отношения деловые начались с того, что в один из своих прилетов в Петропавловск-Камчатский Авруцкий заболел и попал в больницу. Узнав про это, Ваня по старой памяти отправился его навестить. Поговорили о том, о сем, про детские шалости. Как-то, между прочим, Ваня пожаловался, что никак не может достать кроссовки (опять кроссовки!), без которых нынче, как известно, и человек — не человек. И тут «Куркуль» сделал жест вовсе не куркульский, а, наоборот, почти что королевский — взял да подарил Ване собственные кроссовки. Правда, порядком ношенные, но зато фирменные и, главное, задаром. А взамен, впрочем, нет, не взамен, а одновременно, просто к слову пришлось, попросил Ваню оказать ему пару мелких услуг. Так Ваня занял предназначенное ему место в паутине. И начал в поте лица отрабатывать стоптанные кроссовки — менять привезенные «Куркулем» шмотки на икру. 63 килограмма наменял в рекордно короткие сроки. «Куркуль» поблагодарил, пригласил Ваню к себе в Киев. С икрой, разумеется. Обещал, что там, в златом граде, ждут Ваню и новые кроссовки, и другие разные «сюрпризы».

Ваня, действительно, поначалу собирался в Киев. А потом, хоть и был самый молодой в компании, а здравого смысла проявил больше всех. Начал Ваня задумываться, то ли он делает, что нужно. Пока размышлял, от Авруцкого пришло поторапливающее письмо. Вероятно, не стоило бы уделять так много внимания эпистолярному творчеству «Куркуля», если бы не одна фраза.

«Помни, Ваня, — пронкиновенно писал «Куркуль», — держи язык за зубами, иначе вырву. Жду с нетерпением. Пустой приедешь — живой не доедешь».

«Помни, Ваня, пустой приедешь — живой не доедешь». Ни следствие, ни суд эту фразу в вину Авруцкому не вменяли. Бесплезно — сразу отговорится, скажет — шутка. Но в каждой шутке есть, как известно, только доля шутки. Кто знает, как низко успел упасть «Куркуль»? Ведь падал он уже давно. Во всяком случае, для Вани это письмо оказалось решающим — он пришел с повинной. С учетом чистосердечного раскаяния, помощи, оказанной следствию, юного возраста обвинение против Вани не было выдвинуто. И это, безусловно, хорошо. Но помни, Ваня, уже даже не шаг — шагжок отделял тебя от края пропасти.

...Гребешкова взяли дома вместе с приготовленной к отправке икрой, машинкой для закатки баночек, остатками «фирменных» шмоток на обмен. Голубева — с партией икры в аэропорту, Авруцкого — в Киеве. Первый получил пять лет, второй — шесть, «Куркуль» — восемь лет лишения свободы. У всех троих приговоры с дополнительным наказанием — конфискацией имущества. Так что заветной мечте «Куркуля» не суждено осуществиться.

Сергей АЛЕКСАНДРОВИЧ

Из Уголовного кодекса РСФСР

Статья 95. Вымогательство государственного или общественного имущества

Требование передачи государственного или общественного имущества или права на имущество под угрозой насилия над лицом, в ведении или под охраной которого находится это имущество, насилия над его близкими, оглашения позорящих сведений о нем или его близких или истребления их имущества (вымогательство) —

наказывается лишением свободы на срок до четырех лет, или исправительными работами на срок от одного года до двух лет, или штрафом от двухсот до шестисот рублей.

Статья 96. Мелкое хищение государственного или общественного имущества

Мелкое хищение государственного или общественного имущества путем кражи, присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением или мошенничества, совершенное лицом, к которому с учетом обстоятельств дела и личности не могут быть применены меры общественного воздействия или административного взыскания,—

наказывается исправительными работами на срок до одного года или штрафом от ста до двухсот рублей.

То же деяние, повлекшее разукомплектование автомобилей, тракторов, сельскохозяйственной и другой техники при перевозках железнодорожным, водным и иным транспортом, а также в местах постоянного или временного хранения,—

наказывается лишением свободы на срок до шести месяцев, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом от ста до трехсот рублей.

Деяствия, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом, ранее судимым за мелкое хищение, либо ранее совершившим хищение государственного или общественного имущества или личного имущества граждан, предусмотренное статьями 89—93¹, 144—147, 218¹ и 224¹ настоящего Кодекса,—

наказываются лишением свободы на срок до двух лет, или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом от трехсот до пятисот рублей.

Статья 97. Присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного государственного или общественного имущества

Присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного ценного имущества, заведомо принадлежащего государству или общественной организации,—

наказывается исправительными работами на срок до одного года или штрафом до четырехсот рублей либо влечет применение мер общественного воздействия.

То же деяние, причинившее крупный ущерб государству или общественной организации,—

наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до двух лет, или штрафом от ста до пятисот рублей.

СОСРЕДИ
ТЕСЬ
НА
КАЖДОМ
СЛОВО

НОТАРИУСЫ НЕ УЧАСТВУЮТ В ПОГОНЯХ

У них другие сложные функции. Об этом рассказывается в материале В. Стерина

КОМУ ВЫГОДЕН ДЕФИЦИТ?

Почему на ремонте жилья наживаются хапуги и спекулянты? Эту проблему исследует журналист Э. Долот

КАЖДАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ — ШРАМ НА ЛИЦЕ ОБЩЕСТВА

Заметки о документальном фильме Литовской киностудии

По вашей просьбе, уважаемые читатели, знакомим вас с людьми, чья профессия — юрист.

«Я, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НОТАРИУС...»

Задачи нотариата в нашей стране четко сформулированы в Законе СССР «О государственном нотариате»: «Задачами государственного нотариата являются охрана социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, государственных учреждений, предприятий и организаций, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций, укрепление законности и правопорядка, предупреждение правонарушений путем правильного и своевременного удостоверения договоров и других сделок, оформления наследственных прав, совершения исполнительных надписей и иных нотариальных действий» (ст. 1).

Несведущий человек усомнится, как это нотариальные конторы могут «охранять социалистическую собственность», предупреждать правонарушения? У них же, кроме штампов и гербовых печатей, ничего в арсенале нет!

Чтобы таких вопросов не возникало, давайте познакомимся с работой первой Государственной нотариальной конторы города Москвы. Однако почему именно первой? Что это означает?

Обратимся к Закону СССР «О государственном нотариате». Там сказано: «Для совершения нотариальных действий в СССР организуются государственные нотариальные конторы. В столице союзной, автономной республики, краевом, областном центре одна из государственных нотариальных контор учреждается в качестве первой государственной нотариальной конторы для совершения наиболее сложных нотариальных действий...» (ст. 3). Вот что значит первая — для «совершения сложных нотариальных действий».

Когда я со старшим государственным нотариусом первой МГНК поделился сомнениями «непосвященных» лиц, Инна Алексеевна Ломоносова улыбулась:

— Разумеется, нотариусы не участвуют в погонях и задержаниях. У нас другие функции, и, поверьте, очень сложные. Допустим, не разобрался нотариус в фальшивом документе и удостоверил копию с него. Что получилось? Явное ущемление государственных интересов, да и интересы отдельных граждан тоже могут пострадать... Собственно, зачем тратить слова? Не лучше ли познакомиться с повседневной практикой наших отделов?

...В наследственном отделе, который возглавляет заместитель старшего нотариуса Елизавета Николаевна Андрюхина, нам показали одно очень непростое дело.

...К нотариусу обратились граждане М. и К. (закон требует сохранения тайны совершения нотариальных действий, поэтому здесь

и дальше фамилии и инициалы граждан изменены). Они подали заявление о выдаче им свидетельства о праве на наследство. Выяснилось, что у них недавно скончалась сестра. У нее было несколько денежных вкладов в сберегательных кассах и другое ценное имущество. Однако завещание она не оставила. Брат и сестра являлись наследниками второй очереди. А не было ли у умершей наследников первой очереди? Это обязан был выяснить нотариус. Оказалось, что у гражданки Д. был сын. Но он спустя всего четыре дня после смерти матери скоропостижно скончался. Брат и сестра совершенно серьезно полагали, что, коль нет наследников первой очереди, они имеют полное право на наследство сестры. Да, если бы не было сына, то их должны были призвать к наследству (есть такая формула в законе). Однако наследство, на которое они претендовали, принадлежало уже не гражданке Д., а ее сыну. А у него не было прямых наследников. Поэтому, согласно статье 548 ГК РСФСР, брат и сестра гражданки Д. уже никакого права на его наследство не имели. В данном случае наследником стало государство.

Особая бдительность нужна нотариусам при удостоверении различных сделок. Вспомним требование статьи 1 Закона СССР «О государственном нотариате», согласно которому нотариус обязан предупреждать правонарушения путем правильного и своевременного удостоверения договоров и других сделок.

Каждый человек может подарить другому принадлежащее ему имущество и ценности. И нотариус обязан удостоверить эту сделку, но только в том случае, когда в ней есть сам факт дарения. Когда родители дарят своим детям автомашины, дома, другие ценности, вопросов не возникает. Понятно, что человек искренне, от души делает подарок сыну или дочери.

А как, например, можно удостоверить факт дарения, если гражданка заявляет, что деньги на покупку машины ей дал знакомый, который проживает в Сухуми? Нет ли здесь незаконной сделки, желания обойти существующий порядок продажи автомашин? В каждом таком случае нотариус обязан проверить, что происходит именно дарение, а не преследующая корыстные цели махинация. Если нотариус убеждается: факта дарения нет — он вправе отказать в удостоверении сделки. Такой мотивированный отказ вручается обратившемуся в нотариальную контору гражданину. Тот может обжаловать его в судебном порядке.

Нотариус оказывает помощь различным организациям и учреждениям. Возвратить книгу библиотеке или взятую на временное пользование вещь пункту проката он может с помощью такого действия, как исполнительная надпись, которая имеет силу исполнительного листа. ДЭЗы тоже могут использовать эту форму для взыскания задолженности по квартирной плате.

Мы рассказали о том, как сложно бывает нотариусам разобраться в наследственных делах. Но не менее сложно еще и принять меры к охране открывшегося наследства.

— Когда речь идет об охране наследства, — говорит начальник отдела В. С. Глухова, — мы сталкиваемся с целым рядом нерешенных проблем. Одна из них — кому вручать охрану наследственного имущества, если скончался одинокий человек? Мы должны возлагать эту ответственность на должностных лиц домоуправлений и ДЭЗов. Но в их инструкциях и ведомственных актах такой нормы не содержится. Статья 10 закона адресуется непосредственно нам, а не им. Техники-смотрители ДЭЗов, если имущество велико, как прави-

ло, отказываются от нашего поручения по охране наследства. Понять их можно, помещений для хранения в ДЭЗах нет, а все время проверять печати на дверях у техника-смотрителя сил не хватает. Зачастую нам сообщают о смерти одиноких людей с большим опозданием, хотя по закону ДЭЗы и органы внутренних дел должны ставить нас в известность об этом печальном факте в течение трех дней. Но, увы... Пока в актах нотариусы нередко ставят следующую фразу: «От хранения имущества техник-смотритель имярек отказался». И все.

Однако это, так сказать, трудности, которые от нотариусов не зависят. Там же, где они могут помочь гражданам, не считаются ни с чем. Вот лишь несколько записей из книги благодарностей: «Сердечно благодарю коллектив 1 МГНК. Хотя прием был закончен, узнав, что я инвалид Отечественной войны, мне помогли оформить копии документов».

«Я обратилась к нотариусу Гороховой. Мне хочется отметить ее корректность и доброжелательность, и вообще человечность. В. Фомина».

«Сдал на ксерокс документы, а через 4 минуты получил заверенные копии. Благодарю. Рудь».

...В небольшой очереди сидят в огромных холлах особняка граждане. С доверенностями и документами, чтобы снять копии. С договорами дарения... У кабинета, как и у кабинета врачей, лампочка. Вспыхивая, она зовет очередника на прием к нотариусу. И начинается нотариальное действие: «Я, государственный нотариус...»

В. СТЕРИН

г. МОСКВА.

РАУНДЫ НА ПАРКЕТЕ

Насытить рынок разнообразными товарами и услугами — эта задача поставлена XXVII съездом партии. В частности, объем услуг по ремонту и строительству жилищ и других строений по заказам населения увеличится в 1990 году не менее чем в три раза. Особое внимание будет уделено выполнению заказов населения на улучшение отделки квартир.

Между тем некоторые службы сервиса пока что не торопятся перестраивать свою работу. Здесь еще мало порядка. В проигрыше от этого мы, клиенты. В выигрыше — махинатор, «частный предприниматель».

Почему такое происходит, как изжить подобные явления, и пойдет речь в публикуемой ниже статье.

ПО СЛЕДАМ ОДНОГО КОНФЛИКТА

Приказ гласил: старшего прораба Ерихова А. П. в связи с утратой доверия уволить по пункту 2 статьи 254 КЗоТ РСФСР.

Теперь о сути. Из двадцати с лишним лет инженерного стажа Ерихова последние семь приходятся на СУ-1 треста «Мосжилремонт». Здесь он считался грамотным специалистом, имел поощрения, поскольку участок под его руководством нередко занимал в соревновании призовые места. И вдруг — «утрата доверия»... Впрочем, нет, не вдруг. Перемены в СУ-1 начались с приходом нового начальника — В. Михальчука. «С дефицитными материалами, — сказал он прорабам при первой встрече, — каждый дурак план выполнит». Но правила игры таковы, пояснил он далее, что дураку дефицит не достается. Достается умному, знающему, что почем. Соответственно, лично он, Михальчук, не видит никакого смысла ехать за материалами на базу с пустыми руками. Кто эти руки «наполнит», тот на свой участок и получит...

Что же, уяснили прорабы намек? Смирились с таким «налогом на дефицит»? Или, наоборот, подняли шум, пригрозили, что обратятся куда следует? Или, наконец, в самом деле обратились?

— Видите ли, — говорит теперь Александр Петрович, — тут ведь не о тысячах рублей речь — о небольших в общем-то суммах: 20—30 рублей в месяц. Бежать из-за этого в милицию? А как докажешь? А не докажешь — получится клевета... Но и платить эту дань нет охоты. Унизительно вроде...

Вот так, значит. Унижаться неприятно, однако и воевать за свое достоинство чересчур хлопотно. Выход один — подавать заявление об уходе по собственному... нежеланию. Некоторые это и сделали. На освободившиеся места Михальчук взял работников преданных, покладистых — им отныне и предоставлялась львиная доля дефицита. По документам видно, что их участки получали вдвое, втрое, а то и впятеро больше импортной плитки, линолеума, «моющихся» обоев и т. п., нежели продолжавшие упрямяться старшие прорабы Ерихов и Попова. Наконец и Попова уволилась, один Ерихов нарушал общую картину: не платит, но и не уходит.

Еще примечание: надо, чтобы читатель понял, какие, собственно, пружины тут действуют.

Подразделения треста «Мосжилремонт» заняты, по существу, бытовым обслуживанием — обновляют квартиры по заказам населения за наличный расчет. Положим, вы хотите отциклевать и покрыть пол лаком, побелить потолок, сменить обои. Естественное желание.

Если «Мосжилремонт» не в силах предложить заказчикам добротные отделочные материалы, он теряет клиентуру. А без клиента нет процента, — говорят бывалые мастера сервиса, — а без процента перевыполнения плана нет премиальных. Значит, когда прораб дает кому-то «на лапу» за дополнительную порцию отделочного дефицита, он попросту «покупает» свою завтрашнюю премию. Не жаловаться — благодарить должен!

Ну, а что до Ерихова, — так он как бельмо на глазу. Тем более что, несмотря на скверное снабжение, с планом его участок справляется, не подкопаешься. Не подкопаешься? А если все-таки «покопать»?

Первый раунд. Михальчук поручил нескольким доверенным подчиненным опросить клиентов Ерихова: все ли поименованные в заказе-договоре работы в их квартирах выполнены? Представьте, как это выглядело на практике. Вот, скажем, год назад вам отремонтировали квартиру. Уже давно нет того первоначального глянца, уже вы подумываете, что не худо бы снова побелить потолки, как вдруг к вам являются с вопросами: сколько дней у вас работали в прошлом году маляр и плиточник, не можете вспомнить? А сколько рулонов пленки они потратили? А сколько банок белил? А бустилата? Поднатужьтесь, вспоминайте, вспоминайте...

Для солидности ревизоры СУ-1 рекомендовались, как впоследствии было установлено, сотрудниками милиции. «Допрашивали» с пристрастием, с нажимом. Но иногда — по лености, должно быть, — слегка халтурили. Например, опрашивали заказчиков по телефону, а в акте отмечали выезд на место.

Словом, «накопали»-таки. Завышение объемов работ на 358 рублей, в результате чего якобы исполнителям-рабочим начислено зарплаты на 200 рублей больше, чем полагалось.

Заметим, что если бы даже объемы работ были действительно завышены (это означает, что с заказчиков взяли больше, чем следовало), то, как предписывает закон, упомянутые 358 рублей необходимо было им вернуть. А с рабочих-исполнителей, наоборот, 200 рублей удержать. Но как, наверно, догадывается читатель, ни то, ни другое сделано не было. Зато с Ериховым «рассчитались» в полной мере.

Второй раунд. Так появился приказ: Ерихова уволить, материалы передать в органы БХСС. Но произошло незапланированное:

сотрудники БХСС, отправившись по указанным адресам, обнаружили, что никаких приписок вообще нет, все оплаченные заказчиком работы добросовестно выполнены. Установили они и факты, характеризующие стиль работы ревизоров из СУ-1: как приходили самозванцами, как стряпали документы из телефонных разговоров. Обо всем этом сказано в письме ОБХСС руководству треста «Мосжилремонт».

Кажется, все — справедливость победила, не так ли? Оказывается, нет, не все. Начисто проиграв второй раунд, Михальчук, сколь ни странно, сумел выиграть следующий.

Третий раунд. Происходят непонятные события. Трест назначил новую ревизию, которая вопреки данным ОБХСС подтверждает: приписки были. Ерихову в восстановлении на работе отказано.

Четвертый раунд. Ерихов жалуется в Главное управление жилищного хозяйства Мосгорисполкома, которому подчинен «Мосжилремонт». Проводится еще одна ревизия. Ее заключение: приписок не было, старшего прораба Ерихова следует восстановить.

Пятый раунд. Трест, отстаивая честь мундира, приводит возражения. Главк назначает еще одну ревизию. На сей раз ее вывод: приписки были.

Так были или не были? Заместитель начальника главка Афонина официальным письмом уведомила Ерихова, что он реабилитирован и будет восстановлен. Но через месяц она уже новым официальным письмом уведомила его, что прежний ответ на его жалобу следует считать недействительным и что приказ о его увольнении остается в силе.

Шестой раунд. Ерихов апеллирует выше — к исполкому Моссовета. Назначается еще одна проверка. Бедные клиенты! Мало того, что от них требуют воспоминаний о «прошлогоднем снеге», они еще должны запомнить свои сегодняшние ответы, ибо каждый сегодняшний ответ сопоставляют с прошлым и позапрошлым, требуют объяснений по поводу несовпадений... И уже появляется у бывшего клиента «ремонтного сервиса» вполне по-человечески понятное желание указать непрошеному гостю-ревизору на дверь (что, кстати, многие и делали).

Ревизия Моссовета окончательно определила: приписок на участке Ерихова не было. Выявились вопиющие факты предвзятости и недобросовестности некоторых прежних ревизоров. Например, в одном наряде по небрежности табельщицы был нечетко написан номер дома: тройка читалась как восьмерка. Ревизоры пришли по указанному адресу (с восьмеркой в номере дома), искомой квартиры не нашли и составили акт: в отчеты о выполнении плана включен ремонт несуществующей квартиры. Но ведь этот «мифический» ремонт оплачен отнюдь не мифическими, а вполне реальными деньгами, которые кто-то перечислил на текущий счет СУ-1. Стоило об этом задуматься, заглянуть в другие документы, где тройка в адресе выведена совершенно ясно, как пустяковому недоразумению тотчас пришел бы конец. Однако на это потребовалось более полугода!

Распоряжением Моссовета Ерихов восстановлен в прежней должности. Он не работал почти десять месяцев...

Кто ответит за то, что человеку без малого год напрасну мотали нервы? Кто оплатит вынужденный прогул? Неужели государство? А кто сочтет, сколько уже оплаченных человеко-дней и человеко-месяцев потрачено на пустопорожние поиски несуществующего

«криминала»? И, наконец, как нам следует в свете этой истории отнестись к административной деятельности начальника СУ-1 Михальчука? В частности к данным ОБХСС о денежных поборах в том же СУ-1?

КОМУ ВЫГОДЕН ДЕФИЦИТ

Что есть «Мосжилремонт»? На первый взгляд, всего лишь трест. В столице добрая сотня трестов строительного и ремонтно-строительного профиля, но этот особенный. Потому что все остальные выполняют заказы государственных и общественных организаций, а «Мосжилремонт» — заказы граждан, каждого из нас в отдельности. Это единственная на весь город организация, призванная удовлетворять индивидуальные пожелания (и даже прихоти!) в создании домашнего интерьера.

Строители (сто трестов) возводят или ремонтируют ваше жилище так, как его «нарисовал» архитектор. Никто не спрашивает вашего мнения про фасад и фаянс, про колер стен и дверей, вы и в глаза не видите того, кто все это для вас выбирал. И только обосновавшись, справив новоселье, вы начинаете соображать, что теперь хорошо бы пригласить в дом другого строителя — такого, кто будет предъявлять свою работу не государственной комиссии, а вам лично.

Подобного рода запросы еще сравнительно недавно были редкостью. Надо было выбраться из удручающей скученности бараков и коммуналок, чтобы прорезался интерес к мелочам, которым прежде попросту не придавали значения. К форме краника-смесителя, к рисунку обоев, цвету плитки... Иные моралисты по старой привычке клеймят такие интересы как проявление мещанства. Но, скажите на милость, почему стандартная плитка, изготовленная на соседнем ДСК, — не мещанство, а привозная, веселых расцветок — мещанство? И для кого ее везут из-за границы — специально для наших отечественных мещан?

Да, есть еще очереди на жилье, и немалые, но четыре пятых населения живут в отдельных квартирах, и, поскольку для этих «четырех из пяти» жилищная проблема так или иначе решена, у них возникают, естественно, новые потребности...

Теперь уже само название «Мосжилремонт» несет в себе неточность, ибо в нынешних условиях эта организация занимается не только ремонтом. Конечно, жилище ветшает, «снашивается», раз в несколько лет стены и потолки необходимо почистить, побелить, подкрасить, так делали во все времена. Но сейчас, оказывается, чуть ли не половину клиентуры «Мосжилремонта» составляют... новоселы. К чему ремонтировать еще даже не обжитые квартиры? Но люди хотят много — реконструкции своего жилища. По собственному вкусу. На заказ.

Того же хотят и многие другие клиенты — жители старых домов и не очень старых, молодые и пожилые. Всем надо. Все жаждут уюта и красоты. Вот тут коренится секрет необычайного веса влиятельной фирмы, которая только одна и может обеспечить нашим квартирам нестандартную, «заказную» красоту.

...Типичный разговор в конторе под вывеской «Ремонт квартир»:

— Здравствуйте, я хотел бы облицевать стены в ванной комнате.

— Пожалуйста. Оформляю заказ.

— Желательно голубой плиткой...

- Голубой сейчас нет. Идет только желтая.
- Это мне не нравится. А когда пойдет голубая?
- Неизвестно.

— Мне вообще-то не к спеху. Оформите пока мой заказ на голубую плитку, а я согласен подождать. Хоть месяц, хоть два, хоть три...

— Нет, это запрещено. Мы имеем право включать в наряд только те материалы, которые сегодня в наличии.

«Ненавязчив» пока что наш строительный сервис, ох, «ненавязчив»... И не столько потому, что немогущ, сколько потому, что ориентируется на стереотипы вчерашних запросов, когда многим из нас были более или менее безразличны фасон обуви и платья, форма стула, цвет и фактура стены в помещении. Есть, что надеть, есть, на чем сидеть,— и ладно, есть крыша над головой — и хорошо... Но теперь-то нам этого мало!

Приемщица не обманывает: в наличии действительно плитка только одного цвета. Почему? Из-за скудости ассортимента отечественных и привозных материалов? Нет, скорее из-за равнодушия к делу и безответственности. Рабочие СУ-1 в один голос жаловались: выбора почти никогда не бывает, три месяца подряд идет один сорт плитки, потом полгода другой. Покрытия для стен типа «ситец», «гобелен», «осень», «космос», которые пользуются спросом, то появляются, то исчезают. Периодичности никакой, предугадать ничего невозможно. Даже пленка Мытищинского комбината (а Мытищи — это ж почти Москва, четверть часа на электричке) поступает вне какого-либо графика. Но ведь тут-то уж можно было бы заключить прямой договор с обусловленными сроками поставок?

А учет спроса? Он не ведется вовсе. Кто-то когда-то запретил принимать заказы на материал, которого нет в наличии. Об удобствах заказчика никто не подумал: поди-ка побегай каждый день к приёмщице: появилась ли наконец желанная расцветка?

А может, такой запрет кому-то на руку?

У каждого участка — свой склад. У каждого из пятнадцати СУ треста «Мосжилремонт» — еще и централизованный склад. Фонды на материалы выделяются только по метражу, без учета расцветок и рисунка. Значит, если нужного рисунка нет у меня, то он, вполне вероятно, есть у соседа. Можно поискать, потом выменять... Положим, для рядового клиента с улицы я хлопотать не стану, не обязан, а для «нужного» человека, отчего бы и не побегать? Я — ему, он — мне...

Не создается ли дефицит искусственно? Не на искусственных ли строгостях в использовании дефицита зиждется могущество и неуязвимость иного хапуги?

«Мосжилремонт» — фирма строительного профиля, но ведь тут специфика, да еще какая! Работают не бригадами, даже не звеньями, а чаще всего в одиночку. Получил маляр (или плиточник, или паркетчик) наряд сделать то-то и то-то по такому-то адресу — и поминай как звали. Работает ли он, в котором часу приходит к заказчику, в котором уходит — не всякий день проверишь. У мастера объекты — по всему городу, все не объездишь. У прораба, старшего прораба «подконтрольных» объектов еще больше.

На участке А. Ерихова — 45 работников (одна бригада по общестроительным меркам), из них десять заняты управлением и контролем. Не накладно ли? А сверх того аппарат СУ и аппарат треста,

которым, разумеется, тоже не очень-то приходится заниматься организацией работ (поскольку ремонтники рассеяны по городу, работают «на пяточках»), следовательно, и эти немалые группы специалистов заняты по преимуществу контролем. Что же, собственно, контролируют? Какие ищут нарушения? Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны вернуться к проблеме дефицита.

Девилоновая пленка, например, на «черном рынке» стоит втрое, а то и вчетверо дороже номинала. Стало быть, вот простейшая комбинация. Некий гражданин делает заказ на оклейку стен этой пленкой, оплачивает и материал, и работу, а когда к нему является маляр с рулонами пленки, сует ему пятерку «за беспокойство» и просит быть свободным — мол, ты иди, отдыхай, я и сам себе мастер, сам поклею... Может, и не врет, возможно, и впрямь поклейт, тем более что тут и мастерства особого не требуется, но возможно и другое: перепродает уже по спекулятивной цене.

А возможно, плиточник вместо пяти указанных для исполнения в наряд-задании дней управился за четыре, а пятый день прогулял или использовал для выполнения левого заказа...

Для контроля, чтобы ни одна из этих комбинаций (а их бесчисленное множество) не осуществилась, по квартирам заказчиков с утра до ночи ездит мастер, проверяет, действительно ли материалы в соответствии с заданием «положены в дело», действительно ли они стали частью интерьера. Есть ли в этом гарантия?

И вот отправляются в вояж по квартирам ревизоры СУ, треста, КРУ, осматривают квартиры, в которых ремонт выполнен три месяца, полгода, год назад... Ищут, ищут нарушения, иной раз находят, а чаще возвращаются за свои контрольные столы несолоно хлебавши.

Не журналистское дело — предлагать новые организационные структуры, но у меня лично сложилось впечатление, что принятая в «Мосжилремонт» громоздкая многоступенчатая система контроля совершенно неэффективна. Дефицит преспокойно уплывает сквозь вроде бы густое сито «налево» — об этом мне говорили и рабочие, и прорабы, и сам управляющий трестом. И скупает этот дефицит «дядя Вася», частный мастер «на все руки», который в конкурентной борьбе зачастую преспокойненько одолевает могучий «Мосжилремонт» со всеми его многочисленными отделами, ответвлениями и веточками.

— В силах ли вы противостоять частнику? — спрашивал я в тресте.

— Нет, — откровенно признает главный инженер. — По некоторым видам работ не в силах.

Он привел в пример заурядную ситуацию. Допустим, вы желаете отциклевать в своей квартире пол и покрыть его лаком. Если подвернулся «дядя Вася», он договаривается с вами о цене, вполне вероятно, прейскурантной, государственной, сбегает домой за циклевочной машинкой и лаком, включает машинку в розеточку и... через два-три дня все готово, причем и дни-то уходят на то, чтобы лак высох, а чистой работы — считанные часы... Другой вариант — вы обратились на приемный пункт «Мосжилремонта». Примерно через неделю к вам придет сметчик, который обмерит площадь пола, как будто вы сами не можете это сделать, но «нужен контроль, это же денежное дело, как бы приписок не было или иных злоупотреблений». По результатам обмера составят смету, с вами заключат договор, выдадут квитанцию, и с нею вы отправитесь

в сберкассе (как будто нельзя принять уплату на приемном пункте, но «боже упаси, это же деньги, как бы не было воровства или иных злоупотреблений»). Корешок квитанции вы принесете в приемный пункт, после чего — в лучшем случае через неделю, в худшем через месяц или два — к вам придет мастер. И принесет не маленькую, а здоровенную циклевочную машину; в розетку ее не включишь, она требует трехфазного тока, придется отыскивать жэковского электрика и подключаться к домовому распределительному щиту. Но почему, кстати, у рабочего «Мосжилремонта» нет той портативной машинки? А потому, оказывается, что она по безналичному расчету не продается, «Мосжилремонт» ее приобрести не может.

Ладно, дальше. Прострогав пол, мастер вам говорит: «Предупреждаю, лак у меня плохой, он через пару месяцев начнет облезать. Но другого на нашем складе не бывает, другой, который хороший, стойкий, продается только за наличные. Если хотите, сбегайте в хозяйственный магазин, купите лак, а я вам это сделаю в лучшем виде». Но ведь вы и этот «плохой» лак оплатили, а теперь должны еще и в магазине выложить денежки... Впрочем, кто с такими пустяками считается, когда впереди маячит сверкающий пол, придающий квартире поистине праздничный вид?

Вот такой сервис...

Рабочие на участке Ерихова жалуются: нет инструмента, малярные кисти, например, приходится покупать за свой счет. Плитку режут кусачками, о режущем диске и слыхом не слыхивали. Плохо с материалами, даже с самыми ходовыми: то белил нет, то обоев...

Клиенты тоже жалуются: дырку в стене пробить — этого «Мосжилремонт» не делает, за этим пожалуйте в фирму бытовых услуг «Заря», а вот заделает дырку — этого «Заря» не выполняет, это функция «Мосжилремонта». Встроенный шкаф оборудовать — третья фирма нужна — «Изготовление мебели по заказам населения». А вот оклеить этот шкаф пленкой — опять иди в «Мосжилремонт».

Почему же только «дядя Вася» умеет все, почему он один способен заменить собой три могучие фирмы?

— Да мы тоже все умеем. Но на пробитие дырки калькуляции нет, не предусмотрена в ценниках «Мосжилремонта» эта работа. А на встроенный шкаф тоже калькуляции нет. Даже «вытянуть карниз» — уж на что типичная штукатурная работа — и на нее калькуляции нет. Мы ее, конечно, сделаем, коли клиент попросит, но в частном порядке. Так что мы и есть те самые «дяди Васи»...

Вот такие порядки. А над всей этой бестолковщиной — громадный отряд контролеров, которые проверяют, изобличают, сводят сальдо с бульдо и рапортуют о достигнутых успехах.

Прервем повествование. Зададимся вопросом. Не кажется ли вам, читатель, что в таких условиях значительно легче процветать «некристальному» начальнику стройуправления, чем порядочному прорабу? Это я к тому, что восстановлением прораба на работе дело-то не заканчивается...

Что же тут делать? Как прикрыть лазейки спекулянтам и хапугам и сделать это так, чтобы уютно чувствовали себя люди порядочные?

ПУСТЯКОВЫЙ СЛУЧАЙ

Кем надо быть автолюбителю, чтоб его уважали? Каждый из нас: и академик, и мореплаватель, и плотник — легко поймет всю риторичность вопроса. Потому что, кажется, мало кому из нас удалось избежать незаслуженных обид и унижений. В автосервисе и на заправке, в автомагазине и... в ГАИ.

Вот в одном из отделений ГАИ и произошел этот случай — на первый взгляд пустяковый, но он позволяет приоткрыть завесу над природой некоторых загадочных, хотя и вполне жизненных явлений. Таких, например, как не совсем парламентские выражения, срывающиеся с уст инспекторов. Или искренняя их убежденность в том, что при желании автомобиль можно остановить без всякого повода. За что? Водитель порой и сам не знает. Не может понять, в чем же его все-таки обвиняют, какое нарушение он сию минуту допустил.

Автор этих строк — юрист. Казалось бы, его профессиональная принадлежность не имеет здесь значения. Оскорбленные чувства юриста ничем не отличаются от эмоций мореплователя или, скажем, плотника. Хотя, возможно, и отличаются, ибо он знаком с правом не понаслышке. Впрочем, вот конкретный случай — моя встреча с людьми, наделенными властью.

Случилось со мной то, от чего, к сожалению, никто не гарантирован. Помнится, при покупке автомобиля опытные люди говорили: «Не ты кого-нибудь стукнешь, так тебя...» Так оно и вышло. Как именно — в этом предстояло разобраться юному лейтенанту, подоспевшему очень вовремя. «Стукнувший» мою машину таксист собрался отъезжать восвояси. И не успел подойти инспектор, как таксист предложил мне вместе бежать с места происшествия.

— Чирик хочешь? — спросил он. — Бери, и быстро сматываемся!

Я не сразу сообразил, что «чирик», видимо, происходит от слова «червонец». Именно в такую сумму были оценены мои будущие ремонтные расходы.

— А как же инспектор? — покосился я на медленно приближавшегося милиционера.

— Нужны мы ему... — пожал плечами таксист.

Мой законопослушный характер, конечно же, не позволил принять «заманчивое» предложение. Впрочем, всю его «заманчивость» я понял позднее. Тогда же мне показалось, что мы и вправду лейтенанту не нужны. Он нехотя выслушал наши разноречивые объяснения и молча составил протокол. Отобрал у меня права. До выяснения. У таксиста отбирать было нечего — его права изъяли за что-то днем раньше. Я предполагал, что инспектор ГАИ опросит одного-двух очевидцев. Но этого почему-то не случилось.

На другой день я был в отделении ГАИ. Четыре часа провел в грустной очереди к дверям с надписью «группа разбора». За ними оказались два капитана милиции. Один что-то все время писал и даже головы не поднял. Другой пил чай с бутербродами. По всему их виду чувствовалось, что я отнимаю у людей драгоценное время.

— Ну, это пустяки,— заглянув в протокол, протянул капитан помоложе и потерял ко мне всякий интерес. Другой же, выяснив, что таксист не явился, посоветовал подождать. Но, обнаружив отсутствие его водительских прав, добавил тут же, что он вряд ли вообще придет. Капитан записал на календарном листке фамилию таксиста, адрес, передал мне и предложил в следующий раз явиться вместе.

Мой почти двадцатилетний опыт юридической работы подсказывал, почему со мной так поступают. Есть еще, к сожалению, и среди юристов такие, которые относятся к своей работе недобросовестно, бездушно, бюрократически. Их первая заповедь — «получив жалобу, подумай, как от нее быстрее избавиться». Ну а если не получается, действует другая заповедь: «потребуй от заявителя как можно больше документов». Так оттягивается время. А там, глядишь, кто-то из жалобщиков не выдержит, сойдет с дистанции.

Я понял, что капитанам попросту не хотелось возиться с таким пустячным делом. Загрузка у них, что и говорить, большая, вот они и переложили часть своих забот на меня. Как на лицо заинтересованное.

Но обнаружить таксиста мне не удалось. И я пришел снова, один. Первый капитан развел руками: мол, мы-то при чем?

— Как это при чем? — удивился я и напомнил товарищам из ГАИ, что по закону нельзя перекладывать на человека доказывание его непричастности к правонарушению. И для вящей убедительности добавил, что как юристу мне это хорошо известно. Кажется, впервые на меня взглянули с интересом и сочувствием. Я облегченно вздохнул... Уж теперь-то не сомневался: все юридические нормы будут четко соблюдены. Как бы не так!

— Иди заплати в кассу «чирик» и забирай свои права,— по-своему бросил мне капитан, что был повеселее. И взгляд его, мне показалось, выражал следующее: люди мы свои, а уж ты-то, товарищ юрист, должен все понимать сам и, стало быть, не создавать нам лишние трудности.

Итак, спасительный «чирик»... Видно, лишь с его помощью можно было не увязнуть в томительной череде заведенных здесь процедур. Но я опять не внял «полезному» совету. Впрочем, не мог не оценить вдруг возникшего расположения капитанов. Ведь «чирик», то есть десять рублей,— минимальный размер штрафа. Максимальный предел доходит до пятидесяти. Но я-то знал, что не виноват. Ведь административной ответственности подлежит лишь лицо, виновное в нарушении правил движения. Как же было не желать, чтобы в моей «вине» все же разобрались? Тем более, что капитаны именовались группой разбора, пусть даже им не хотелось сейчас в чем-либо разбираться. Все это я, ничтоже сумняшеся, им и высказал.

На меня посмотрели с искренним недоумением и даже обидой. Они-то хотели, как лучше, а я... А веселый капитан даже помрачнел. Он просто не смог снести такой черной неблагодарности и проронил в сердцах:

— Правильно вас, частных, не любят! За десятку удавятся! — И решение моего вопроса вернулось на круги своя.

Дело было, разумеется, не в десяти рублях — как говорится, здоровье дороже. Хотя одной десяткой могло бы и не обойтись, вздумай таксопарк предьявлять мне иск о возмещении ущерба. Но для капитанов все со мной было ясно.

Потом, размышляя о случившемся, я никак не мог найти объяснения их явной недоброжелательности. Хотя мне почудилось в ней нечто знакомое. И к своему ужасу, покопавшись в себе, обнаружил похожее. А я сам?.. Всегда ли вел себя на работе правильно? А мои прежние коллеги, облеченные властью? Как мы в душе относились к посетителям? К тем людям, с которыми сталкивала нас работа? Да, с некоторой долей собственного превосходства.

Раньше меня удивляло, почему иные из моих знакомых не любят соприкасаться с правовыми учреждениями — даже во вполне безобидным поводам. Мне говорили о бесцеремонности, о грубости... Но, общаясь с коллегами в другой обстановке, я ничего такого не замечал.

«Мы» и «они» — так, кажется, называют ученые этот социально-психологический феномен. «Мы», то есть люди, занимающиеся важным делом и потому понимающие друг друга с полуслова. И «они» — все остальные, к которым, естественно, приходится относиться весьма настороженно.

Конечно, работникам милиции чаще, чем кому-либо, приходится сталкиваться с людьми, закон престаупающими. И от этого иным из них кажется, что все кругом занимаются противоправными делами. Это ощущение постепенно может вытеснить чувство реальности. Вот откуда в среде некоторых автоинспекторов недоверчивость к водителям, подозрительность, раздражительность, а то и агрессивность.

Но в тот день я еще об этом не задумывался и потому отправился по второму кругу — к заместителю начальника отделения ГАИ. Он принял меня вполне доброжелательно, посочувствовал, согласился, что подчиненными допущены нарушения и... направил к одному из своих помощников. Тот, в свою очередь, выслушал меня и поручил во всем разобраться — кому бы вы думали — тому самому хмурому капитану, который встретил меня с вежливой ухмылкой. А веселый капитан язвительно заметил: «А вы, оказывается, еще и кляузник». Так замкнулся и этот круг.

Собственно, ничего удивительного не произошло. Где-то я читал, что бюрократ может быть Одобрителем или Отказчиком, но суть его от этого не меняется. Одобритель со всем соглашается, но ничего не решает, направляет к другому, тот — к третьему, пока не дойдет до Отказчика.

Остальное было делом техники. В тот же день была создана комиссия. В нее вошли оба капитана и специально вызванный лейтенант — да, тот самый, что был на дороге. Приглашать таксиста посчитали лишним. Комиссия осмотрела автомобиль и пришла к единодушному выводу о моей виновности в происшествии. Принятие решения облегчило то, что лейтенант, который поначалу меня даже не узнал, неожиданно вспомнил: оказывается, именно я на ровном месте откатился назад, на такси, как будто специально подставившее крыло для удара. Меня оштрафовали. Все на тот же «чрик». И вернули права.

Как ни странно, я с облегчением вздохнул. Можно было, конечно, обратиться с жалобой в суд, и почти наверняка она была бы

удовлетворена — нарушение закона налицо. Но... все было позади. И зная, как загружены судьи, не хотелось вовлекать их еще и в разбирательство заурядного, на мой взгляд, происшествия. Да, и честно говоря, не желал я, чтобы конфликт стал затычным.

Но вот почему случившееся почти не вызвало у меня чувства протеста? Этот вопрос по-прежнему мучает меня. Как и другой: в чем причина той круговой обороны, какую заняли против меня работники ГАИ? Только ли нежелание заниматься пустяками? Или еще уверенность, что с окружающими можно не церемониться?

Мне кажется, что во многих из нас сидит неистребимый пиетет перед каждым, кто в данную минуту обладает какими бы то ни было полномочиями — вахтером, швейцаром, таксистом или продавцом. Преисполненные достоинства у себя на работе, мы, бывает, теряем его после окончания рабочего дня. Представим все того же автоинспектора перед прилавком, например, когда надменный продавец заставляет себя ждать. Или ни с того ни с сего покрякивает на покупателей. Как он поведет себя в этой ситуации? Уверен, даже не пикнет!

Однажды, оказавшись по служебной надобности в одном из подразделений органов внутренних дел, я зашел в буфет, где наблюдал такую картину: буфетчица кричала на посетителей — офицеров милиции с высокими званиями. «Убери руки», — орала она на полковника, например, который случайно дотронулся до прилавка. И полковник милиции покорно убирал руки. Здесь не они, милиционеры, а буфетчица была «при исполнении». Здесь их достоинство, неизменно высокое в служебном кабинете или на дорожном посту ГАИ, как бы теряло в цене.

На дороге инспектор ГАИ может, например, позволить себе застыть как монумент, наблюдая высокомерно, как ты покорно идешь к нему, как бы сгибаясь от сознания собственной ничтожности. Зато потом вы меняетесь социальными ролями. И вот всеильный еще вчера инспектор идет на поклон к вам. В райисполком, к врачу на прием, в ДЭЗ...

Откуда такая готовность к самоунижению? И почему она вселяется в нас лишь за пределами нашего учреждения или заводской проходной? Не оттого ли, что мы привыкли уважать в человеке прежде всего ту общественно полезную функцию, какую он выполняет? Но общеизвестно, что человек сам по себе заслуживает к себе уважения. Почему же тогда на человека «с улицы» порой обращают так мало внимания? Скажем, когда он приходит в ту или иную организацию сам от себя — это одно, и совсем другое, когда он — представитель другого ведомства. Или, например, когда захотел он приехать в другой город, где его не ждут. В гостиницу он может не устроиться. Потому что в глазах гостиничного администратора он никто. Личностью его сделает лишь командировочное удостоверение и бронь. Ведь ГАИ — отнюдь не единственное место, где посторонние внимают знакомому каждому императивному и поучающему, не терпящему возражений тону.

Когда же нам будут рады? Когда будут встречать не обязательно с распростертыми объятиями, но уж точно без унижения достоинства? Мои мысли текут в привычном для юриста направлении. Нас учили, что охрана прав личности может быть усилена лишь путем укрепления их юридических гарантий. У нас прекрасные законы. Но случается, их исполнители опутывают себя какими-то неписаными ведомственными правилами. К чему это приводит? Поду-

мать только, какой громоздкий механизм был приведен в действие из-за случившегося со мной на дороге! А ведь достаточно было всего лишь быстрого и справедливого разбора на месте. А вовсе не волокиты в группе разбора. Хотя создана была эта группа в самых благих целях — во имя моих же законных гарантий. Но, к сожалению, многие смотрят на эти гарантии более реально, чем избобрегающие их юристы. И не желают попадать в такие жернова.

Может быть, выход из создавшегося положения поискать не столько в юридической, сколько в социально-психологической сфере? Думается, мы все очень плохо обучены психологии общения. Или же вовсе этому не обучены. Например, методу эмпатии, благодаря которому человек пытается почувствовать в состоянии другого. Для того чтобы посмотреть на конкретную ситуацию и себя в ней его глазами. Говорят, помогает. Если, допустим, все те, кто входит в контакт с людьми, хоть изредка будут ставить себя на их место. Их, «посторонних», — академика и героя, мореплавателя и плотника.

Л. СИМКИН,
юрист

От редакции

Думается, несмотря на некоторую полемическую запальчивость автора, тема, поднятая в заметках, важна и заслуживает, на наш взгляд, дальнейшего разговора. Читатели пишут нам о далеко не единичных фактах предвзятости, волокиты, бюрократизма должностных лиц. Часто наряду с личной обидой, что в общем-то понятно, читатели справедливо сетуют: партия объявила решительную борьбу бюрократизму, администрированию, бездушному отношению к людям, но вот столкнешься с таким отношением к себе, и испытываешь чувство разочарования — медленно входят перемены в нашу жизнь.

Мы считаем, что Л. Симкин совершенно прав, когда пишет, что каждый из нас обязан «посмотреть на конкретную ситуацию и себя в ней» глазами другого. Спросить себя, а не закрался ли в твою душу растлевающий вирус формализма, равнодушия?

Сегодня должна быть четко определена позиция каждого из нас. Активная жизненная позиция включает и слово, которое ты произнес, и дело, которое делаешь. Как ты его делаешь — этот вопрос сегодня обязан задать себе каждый. И конечно, те, кто облечен определенной властью, по чьей работе, отношению к посетителю люди судят, делают выводы о работе государственного аппарата.

ШРАМ

Стоит на отшибе, в стороне от населенных пунктов, старинная загородная усадьба. Дом с колоннами, тенистые аллеи... Здесь вполне мог бы разместиться модный по нынешним временам музей быта конца девятнадцатого века. Мебель, картины, костюмы... Типичный помещичий дом. Где-нибудь рядышком поставить типичный крестьянский... Касса, киоск с сувенирами и лимонадом, автобусы с веселыми экскурсантами. Но нет ни «типичных» домов, ни киосков, ни автобусов. Вообще посторонних нет. В старинной усадьбе разместились специальная школа. Для тех ребят, которые, несмотря на юный возраст, успели уже вступить в конфликт с законом. Здесь, учась и работая под руководством опытных педагогов, они должны выйти на дорогу жизни — обычной, нормальной, стать полноценными и полноправными членами общества. О роли трудового воспитания в «перековке» юных правонарушителей приехал однажды снимать фильм известный литовский режиссер-документалист Римтаутас Шилинис. Приехал, походил, посмотрел, познакомился с ребятами. И снял совсем другой фильм...

...Человек сорвался в воду. Голова его то исчезает под гребнем накатившей волны, то вновь выныривает. Человек пытается ухватиться за доску, выкарабкаться, но удары волны вновь и вновь сталкивают его обратно...

Эта сцена — единственная «придуманная» Шилинисом в картине. Все остальное — документ. Строгий, временами даже, кажется, сухогато-бесстрастный. Нет даже привычного эмоционально-назидательного дикторского текста, разъясняющего и призывающего.

Крутится лента на магнитофоне. Звучит мальчишеский голос. «Из дома я убежал. А что мне там делать?! Мать каждый день выпивает, мужчин водит, все время разных...» Мы, зрители, слушаем эту запись вместе с той, о которой идет речь. Матерью Ремигиуса. Оплывшее лицо, равнодушный, пустой взгляд.

«Врет он все, — бормочет она, — какие еще мужчины? Да и вообще куда это он сбегал? Куртка-то вот висит за дверью. Не-ет, — в голосе появляется этакая недоверчивая хитринка, — без куртки не уйдет...»

Куртку за дверью купила она. МАТЬ. Это единственная покупка, сделанная ею для сына. Так сказать, проявленная забота. О том, что сын уже некоторое время находится в спецшколе, она не знает. Недосуг было поинтересоваться...

Еще одна исповедь — Томаса. Спокойно, отрешенно, будто о чем-то постороннем или по крайней мере давно прошедшем и отболевшем рассказывает он про тот вечер, когда отец пришел домой выпивши, затеял драку с матерью. Мать схватилась за нож... Отца не стало, мать отбывает срок. Томас связался с дурной компанией, теперь вот в спецшколе.

Гинтарасу повезло больше, чем Ремигиусу и Томасу. У него в наличии оба родителя. Он с ними переписывается. Папе письмо в од-

ну зону, маме — в другую. Они, правда, отвечают не очень часто. Видно, некогда им писать. И здесь та же картина: полная «свобода» от всякого внимания и заботы, компания, спецшкола...

— Встреча с этими ребятами, с их судьбами потрясла меня, — говорит Римтаутас Шилинис. — Потрясла и навсегда оставила шрам в моей душе. Когда-нибудь я, наверное, сниму ту ленту, которую собирался, — про трудовое воспитание. Это очень важно, очень нужно, очень серьезно. Но сейчас я просто не мог не сделать фильма про ЭТО.

У нас множество серьезных и ответственных людей занимаются проблемами «трудных» подростков. Есть инспекции по делам несовершеннолетних и комиссии по работе с несовершеннолетними, есть шефы на заводах и в институтах, есть клубы интересов, есть лагеря труда и отдыха. И все действуют, заседают, работают... Но только параллельно со всем этим есть еще судьбы Ремигюса, Томаса, Гинтараса, других ребят. Школа, в которой снимался фильм, не единственная в стране, и судьбы этих подростков, увы, не уникальны.

Так где же были инспектора и члены комиссий, шефы, школьные учителя, соседи, наконец, мы с вами, когда все ЭТО происходило?! Ведь не в одночасье стала невозможной жизнь дома для Ремигюса, не первый пьяный скандал завершился трагедией в семье Томаса, не один день болтался по улицам осиротевший при живых родителях Гинтарас! Поверьте, и слова мои, да и сам фильм — во все не упрек сотрудникам правоохранительных органов, другим должностным лицам, которые что-то недоделали, невыполнили, недосмотрели. И список тех, кто в силу профессионального или общественного призвания занимается «трудными», я перечислял безо всякой иронии, а, наоборот, с уважением и признательностью к этим людям. Но, видимо, их работы попросту недостаточно. Нужно что-то еще, другое, на качественно ином уровне. Как нам сделать, чтобы сегодня, завтра, через месяц судьба Вани, Гиви или Рашида не повторила судьбы этих троих? Я не знаю. Если бы знал, наверное, не снимал бы фильмы. А делать надо. Сегодня. Сейчас. Всем миром. Я не смотрю на мир сквозь черные очки. Понимаю, что в общей благополучной массе эти ребята с изломанными судьбами составляют малый процент. Но мы не можем, не имеем права закрываться этими благополучными процентами. Каждая человеческая личность бесценна. Каждая человеческая трагедия — шрам на лице общества.

...В школе — праздник. По аллее мимо дома-усадыбы марширует школьный оркестр. Впереди с огромным барабаном вышагивает улыбающийся мальчишка. Дети есть дети, они умеют в любых условиях радоваться жизни, умеют ЗАБЫВАТЬ.

Нам, взрослым, забывать непозволительно. Эти кадры сняты два с лишним года назад. Улыбающийся мальчишка с барабаном сегодня уже совершеннолетний. И отбывает свой первый «взрослый» срок. Дальнейшая судьба героев фильма, к сожалению, подтверждает невеселую статистику спецшкол. Лишь один из троих — Гинтарас — крепко стал на ноги: работает, учится, мечтает стать классным столяром, настоящим мастером. Двум другим вновь не хватило внимания, поддержки, дружеской руки...

Документальный фильм «Шрам» производства Литовской киностудии — лауреат Всесоюзного кинофестиваля в Алма-Ате.

А. СЕРГЕЕВ.

ИНФОРМАЦИЯ КОНСУЛЬТАЦИИ ОТВЕТЫ

ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ЗАКОНЫ

Свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Потребовались новые, советские законы. О первых декретах Октября, подписанных лично Лениным, читайте в статье кандидата юридических наук А. Скрипилева.

ОКРУЖЕНО ПОЧЕТОМ

Человеку присвоили звание «Почетный мастер». О порядке его присвоения и льготах почетным мастерам рассказывает заместитель начальника отдела Госкомтруда СССР О. Фролов.

УЩЕРБ ДОЛЖЕН БЫТЬ ВОЗМЕЩЕН

Произошел несчастный случай. Человеку причинен вред. Кто и как должен его возместить — об этом рассказывает доктор юридических наук профессор В. Рясенцев.

ГРАЖДАНИНОМ БЫТЬ ОБЯЗАН

Что такое гражданство, вы можете узнать из статьи кандидата юридических наук Р. Тимофеевой.

ТРЕБУЕТСЯ СОГЛАСИЕ

Вам не нравится планировка квартиры. Можно ли ее самостоятельно перестроить? «Нет! — отвечает Николай Бывалый. — Для этого необходимо соблюсти установленный порядок!»

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Государственный комитет СССР по труду и социальным вопросам, Государственный комитет СССР по стандартам и Секретариат ВЦСПС 2 июля 1986 года своим совместным постановлением утвердили **ТИПОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ О ГРУППАХ КАЧЕСТВА В ОБЪЕДИНЕНИЯХ, НА ПРЕДПРИЯТИЯХ И В ОРГАНИЗАЦИЯХ**, которое было разработано в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 мая 1986 года «О мерах по коренному повышению качества продукции». Приводим его официальный текст.

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. В современных условиях коренное повышение качества продукции является одной из ключевых экономических и политических задач реализации курса XXVII съезда КПСС на ускорение социально-экономического развития страны, важнейшим фактором интенсификации экономики.

1.2. В целях более широкого привлечения трудящихся к решению вопросов повышения качества и совершенствования производства ЦК КПСС и Совет Министров СССР признали целесообразным создавать в трудовых коллективах группы качества как формы конкретного участия и активного воздействия всех трудящихся на всемерное повышение качества выпускаемой продукции и выполняемых работ, придавая этому характер массового общественного движения.

1.3. Группы качества — это общественные формирования рабочих, инженерно-технических работников и служащих, образуемые на добровольной основе на участках, в цехах, отделах и других подразделениях предприятий. Количество и состав работников в группах качества определяется исходя из производственной целесообразности и конкретных условий работы.

1.4. Основными задачами групп качества являются подготовка и внедрение предложений по улучшению качества, совершенствованию технологических процессов, организации труда и производства.

Предложения групп качества призваны обеспечивать: повышение надежности и долговечности изготавливаемой продукции, увеличение выпуска изделий более высоких сортов, марок, высшей категории качества, сокращение брака и рекламаций, рост производительности труда, улучшение ритмичности производства, рациональное и экономное расходование ресурсов.

Особое внимание в работе групп качества должно быть уделено качеству товаров народного потребления. В этих целях могут создаваться комплексные сквозные группы качества из работников предприятий-изготовителей готовой продукции и предприятий-смежников (поставщиков сырья, материалов, фурнитуры, комплектующих изделий и др.), а также работников торговли, домов моделей, конструкторско-технологических и других организаций.

1.5. Группам качества должны быть предоставлены возможности проявлять в полной мере творческую активность, вырабатывать коллективно прогрессивные решения задач повышения качества продукции и эффективности производства, использовать профессиональное мастерство ее членов при реализации предложений на конкретных рабочих местах.

1.6. Организационное обеспечение эффективной деятельности групп качества предусматривается действующими на предприятиях комплексными системами управления качеством продукции.

1.7. На основе настоящего Типового положения разрабатываются положения о группах качества предприятий с учетом специфики и условий их производства.

2. ПОРЯДОК ОРГАНИЗАЦИИ И РАБОТЫ ГРУПП КАЧЕСТВА

2.1. Администрация предприятий совместно с профсоюзными комитетами и другими общественными организациями:

проводят широкую разъяснительную работу в трудовых коллективах об экономическом и социальном значении деятельности групп качества, о принципах организации, методах их работы, формах материального и морального поощрения активных членов групп;

рекомендуют конкретные участки производства, а также технологические цепочки, комплексы и другие производственные формирования, где в первую очередь целесообразно создание групп качества;

оказывают содействие трудящимся в организации групп качества, в подборе кандидатур руководителей этих групп.

2.2. Состав групп качества обсуждается трудовыми коллективами подразделений, в которых создаются эти группы, и утверждается совместным решением администрации предприятия и профсоюзного комитета.

Руководителя группы качества рекомендуется избирать на собрания группы из числа квалифицированных и инициативных работников (рабочих, инженерно-технических работников, служащих), пользующихся авторитетом, обладающих организаторскими способностями, новаторским подходом.

Руководитель группы обеспечивает активную работу ее членов, деловое обсуждение возникающих проблем, развитие инициативы, уважительное отношение к предложениям членов группы.

2.3. Рабочие заседания и учеба групп качества проводятся, как правило, один раз в неделю в установленные по согласованию с администрацией и профсоюзным комитетом дни и часы как в рабочее (но не более 1 часа в неделю), так и в нерабочее время.

Группы качества:

на основе анализа и выявленных недостатков по качеству продукции, выполняемых работ, организации труда и производства, рекомендованных проблем, предложений советов НТО и ВОИР выбирают конкретные задачи для решения, обращая первоочередное внимание на ликвидацию «узких мест»;

обсуждают намеченные задачи, изучают информацию по ним, статистические и другие материалы, графики, приобретают необходимые знания по обсуждаемым вопросам;

коллективно вырабатывают и вносят предложения по решению проблем повышения качества выпускаемой продукции, выполняемых работ, улучшения организации труда, производства и др.;

изучают передовой опыт, новые достижения в технике, технологии, контроле качества продукции и по другим вопросам, входящим в сферу деятельности групп;

заслушивают сообщения кураторов групп, назначаемых администрацией предприятия, о результатах рассмотрения и внедрения ранее поданных предложений;

рассматривают вопросы морального и материального поощрения в соответствии с личным вкладом каждого члена группы.

2.4. Группы качества имеют право требовать от администрации и общественных организаций своевременного рассмотрения всех внесенных и определения сроков реализации принятых предложений, участвовать в их внедрении, обоснования причин отклонения предложений, привлечения к ответственности виновных в срыве сроков их рассмотрения и внедрения.

2.5. Руководители предприятий:

организуют систематическое обучение членов и руководителей групп качества: использованию новейшей техники, технологии, современной организации производства и труда; методам коллективного решения творческих задач, порядку обсуждения выдвинутых предложений, методам контроля и анализа качества продукции, использованию научно-технической и другой информации, оформлению материалов и документации. Обучение проводится по специальным программам с учетом уровня подготовки и квалификационного состава групп качества;

обеспечивают всестороннюю инженерную поддержку работе групп, своевременно доводят до них техническую, экономическую, статистическую и другую информацию, определяют порядок оказания консультативной помощи специалистами предприятия, а при необходимости — сторонних предприятий и организаций;

определяют подразделение, на которое возлагается оперативная работа по организации, обеспечению и координации деятельности групп качества с учетом специфики управления и организации производства;

назначают кураторов групп (один на несколько групп) для оказания постоянной практической и методической помощи из числа высококвалифицированных инженерно-технических работников, обладающих знаниями в области технологии и организации производства по профилю работы групп качества. Кураторы обеспечивают успешную работу групп, устраняют всевозможные препятствия в их работе, присутствуют на заседаниях групп, проводят консультации с руководителями групп, помогают в привлечении необходимых специалистов и консультантов, анализируют работу и информируют о реализации предложений групп, ведут сбор и обработку информации, осуществляют связь с администрацией и общественными организациями;

разрабатывают перечень проблем, рекомендуемых для решения группами;

обеспечивают рассмотрение всех предложений групп качества в срок до двух недель и информируют о результатах;

определяют сроки и назначают исполнителей, которые несут ответственность за реализацию принятых предложений, информируют о внедрении;

обеспечивают своевременное поощрение членов групп качества и содействующих их работе;

выделяют помещения для работы групп;

устанавливают порядок использования группами материально-технических средств для проведения опытно-экспериментальных работ.

2.6. Ответственность за создание необходимых условий для творческой работы групп качества, их учебы, а также за своевременное

рассмотрение предложений трудящихся и систематическую информацию по реализации их предложений возлагается на руководителей предприятий и их структурных подразделений.

3. МАТЕРИАЛЬНОЕ И МОРАЛЬНОЕ ПОощРЕНИЕ ГРУПП КАЧЕСТВА

3.1. Для поощрения групп качества за достижения в улучшении качества, повышение эффективности труда и производства используются действующие на предприятии системы материального стимулирования.

Члены групп качества при внедрении предложений могут премироваться по положениям о премировании за создание и внедрение новой техники и передовой технологии, содействие изобретательству и рационализации, создание промышленных образцов, за увеличение производства товаров народного потребления на рубль фонда заработной платы и по другим положениям.

Кроме того, администрация предприятий совместно с профсоюзными комитетами может устанавливать специальные премии для групп качества за высокие показатели их деятельности. Группы качества также могут премироваться за работы, направленные на повышение научно-технического уровня производства и качества выпускаемой продукции в соответствии с Типовым положением о порядке образования и использования фонда материального поощрения (единого фонда материального поощрения).

Конкретные размеры премий определяются в зависимости от экономического эффекта, полученного в результате внедрения предложений групп качества, объемов их внедрения, степени участия членов групп качества в разработке, внедрении и освоении мероприятий по реализации предложений.

Распределение выделенных группе средств поощрения должно осуществляться между отдельными ее членами в прямой зависимости от трудового вклада каждого работника в конечные результаты работы группы в целом. При этом может применяться коэффициент трудового участия.

Инициативная работа членов групп качества может поощряться также путем повышения размеров премий за основные результаты хозяйственной деятельности и вознаграждения по итогам работы за год.

Результаты творческой деятельности в группах качества учитываются при установлении надбавок к тарифным ставкам рабочих за высокое профессиональное мастерство и качество работы, к должностным окладам инженерно-технических работников и служащих за высокие достижения в труде, а также при присвоении рабочим более высоких тарифных разрядов, при продвижении инженерно-технических работников и служащих по службе.

3.2. В целях повышения эффективности работы групп качества на предприятиях может организовываться социалистическое соревнование, смотры и конкурсы на лучшую постановку работы групп качества. Победителям присваивается звание «Лучшая группа качества» и выплачиваются денежные премии.

3.3. Деятельность членов групп качества учитывается при присуждении званий «Лучший по профессии», «Отличник качества» и др., при занесении на Доски и в Книги чести предприятий, награждении почетными грамотами, дипломами, общесоюзными знаками «Ударник двенадцатой пятилетки», памятными подарками.

3.4. За выдающиеся достижения в коренном улучшении качества продукции и товаров народного потребления, имеющих важнейшее народнохозяйственное значение, группы качества могут представляться на единовременные премии министерств и ведомств, выплачиваемых с разрешения Совета Министров СССР, и Государственные премии СССР.

3.5. Достижения групп качества и формы поощрения широко освещаются средствами информации и наглядной агитации, отражаются на специальных стендах с показом эффективности их деятельности. Рекомендуется проводить ежегодные собрания членов групп качества, издавать ежемесячные информационные бюллетени об их работе.

ЗВАНИЕ «ПОЧЕТНЫЙ МАСТЕР»

Тот, кто работает на производстве, знает, как велика роль мастера: от его организаторских способностей, активности, настойчивости во многом зависит успех трудового коллектива. Прежде всего именно он должен обеспечить работой всех рабочих смены, добиться, чтобы участок стабильно, в срок и качественно выполнял задание. А дисциплина? Это тоже забота мастера. И как порой бывает обидно, когда некоторые руководители предприятий не считаются с его мнением, не привлекают к участию в решении производственных, технических, социальных задач, не создают необходимых условий для нормальной работы, не принимают мер к повышению престижа мастера.

Чтобы преодолеть перечисленные недостатки, 10 декабря 1985 года Совет Министров СССР и ВЦСПС приняли совместное постановление «О дальнейшем повышении роли мастеров, начальников участков и цехов объединений, предприятий и организаций промышленности и об усилении стимулирования их труда». Постановление, в частности, рекомендовало министерствам и ведомствам совместно с соответствующими профсоюзными органами ввести в промышленности большое звание «Почетный мастер» для поощрения мастеров, имеющих большой опыт работы и добившихся наиболее высоких результатов труда.

25 апреля 1986 года постановлением Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС был утвержден порядок присвоения звания «Почетный мастер» и поощрения этих работников в отраслях промышленности. (Многими промышленными министерствами, такими, например, как Минсельхозмаш СССР, Минстройдормаш СССР, Минхимпром СССР, Минцветмет СССР с учетом специфики работы разработаны отраслевые положения о порядке присвоения звания «Почетный мастер»).

В соответствии с установленным порядком почетное звание учреждается и присваивается министерствами, ведомствами совместно с соответствующими ЦК профсоюзов мастерам, старшим мастерам, контрольным мастерам, старшим контрольным мастерам цехов, служб, лабораторий, отделов производственных и научно-производственных объединений, предприятий, научно-исследовательских учреждений, конструкторских и технологических организаций промышленности.

Звания «Почетный мастер» удостоиваются те, кто продолжительно и безупречно работает на одном предприятии; стабильно добивается более высоких результатов в выполнении плановых заданий и социалистических обязательств; обеспечивает увеличение удельного веса продукции высшей категории качества, ускоренное внедрение в производство достижений науки и техники, передовой технологии,

освоение выпуска новой продукции; эффективно использует новые методы хозяйствования для организации высокопроизводительного труда рабочих и бригад, экономии всех видов ресурсов, улучшения условий труда, распространения передового опыта, развития социалистического соревнования; поддерживает высокую дисциплину и делу. Показывает пример творческого отношения к порученному делу.

Обязательным условием присвоения звания «Почетный мастер» является активное участие в подготовке и повышении квалификации кадров, в их воспитании и приобщении к общественной жизни коллектива.

Почетное звание, как правило, присваивается лицам, ранее удостоенным звания «Мастер I класса».

Кандидатуры на присвоение звания выдвигаются трудовым коллективом, в котором работает мастер. А ходатайство о присвоении почетного звания возбуждается перед министерством и комитетом отраслевого профсоюза администрацией и профсоюзным комитетом предприятия с учетом мнения совета мастеров.

Если показатели производственной деятельности ухудшаются по причинам, зависящим от мастера, или если он совершит проступки, несовместимые со званием «Почетный мастер», министерство и соответствующий профсоюзный орган лишают работника этого звания.

Лица, которым присвоено звание «Почетный мастер», награждаются нагрудным знаком, изготавливаемым министерством. Им вручаются удостоверение и денежное вознаграждение в размере должностного оклада (памятный подарок).

Естественно, что такое награждение должно происходить в торжественной обстановке, на собрании трудового коллектива, приурочиваться к подведению годовых итогов, к отраслевым праздникам. Так, в 1986 году к Дню машиностроителя, например, звание «Почетный мастер Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР» присвоено 105 лучшим мастерам отрасли.

Достоинным представителем отряда «Почетных мастеров» является старший мастер производственного объединения «Харьковский тракторный завод имени С. Орджоникидзе» Алексей Кондратьевич Дягилев. На заводе он работает с 1947 года, в должности мастера 17 лет, в том числе 7 лет — мастер I класса. Он награжден медалью «За доблестный труд». В одиннадцатой пятилетке участку Алексея Кондратьевича четыре раза присваивалось звание «Лучший участок отрасли».

«Почетный мастер» Валентин Валентинович Баженов из производственного объединения «Челябинский тракторный завод имени В. И. Ленина» в должности мастера работает с 1971 года.

Таким мастерам предоставляются преимущества при выдвижении на более высокие руководящие должности, повышении должностных окладов, установлении надбавок, а также в первую очередь льготы социального и бытового характера в соответствии с действующим законодательством и порядком, установленным на предприятии и в отрасли.

О. ФРОЛОВ,
заместитель начальника отдела
социалистического соревнования Госкомтруда СССР

ВСЕМ МИРОМ

Несколько лет назад вся Грузия была потрясена неожиданной вспышкой нового, неведомого до той поры в республике вида преступлений — за короткий срок было похищено с целью выкупа 18 человек, главным образом детей.

Детей любят везде. Но здесь культ ребенка — вековая грузинская традиция. Именно поэтому, несмотря на успешные оперативные действия органов внутренних дел, тревога не уменьшалась, а нарастала. И ползли слухи, один другого страшнее...

Одного из похищенных детей прятали у себя родственники похитителя, проживавшие в селе Какабети. После того как ребенка нашли, организовали сельский сход. В нем участвовали не только жители Какабети. Люди приходили из окрестных сел, приезжали из других районов. Выступления, прозвучавшие на сходе, сродни были тревожному колокольному набату. Не случайно организованную из Какабети телепередачу так и назвали — «Колокола совести». Смотрела ее вся Грузия, обсуждал каждый трудовой коллектив, каждая семья. Не смолкали телефонные звонки в студии, в МВД республики. Срочно была проведена вторая передача — «Телевизионный сход республики». Вели ее поэт Ираклий Абашидзе и народный артист СССР Отар Мегвинетухуцеси. То ли сила воздействия передач была так велика, то ли ощутили, осознали преступники, сколь велико народное негодование, но, во всяком случае, преступления такие более не повторялись.

Организация схода в Какабети явилась одной из многочисленных акций Института общественного мнения, вот уже 20 лет действующего при Министерстве внутренних дел Грузинской ССР.

— Наш институт, — рассказывает ректор К. Е. Кетиладзе, — самостоятельная общественная организация, созданная совместным решением коллегий МВД ГССР и Гостелерадио республики. Руководит его деятельностью Совет из десяти человек, а общая численность института составляет в настоящее время 50 человек. Это деятели литературы и искусства, представители научной интеллигенции, знатные рабочие — одним словом, люди, пользующиеся большим авторитетом в республике. Кстати, проводившие упомянутый «Телевизионный сход республики» И. Абашидзе и О. Мегвинетухуцеси — также члены ИОМ.

Непременное условие членства в нашем институте — это добровольность, искреннее желание внести свой вклад в дело укрепления социалистической законности и правопорядка.

Мы изучаем и формируем общественное мнение вокруг отдельных видов правонарушений, конкретных преступлений, получивших большой общественный резонанс, анализируем причины и условия, способствующие их совершению. Институт направляет свои предложения по укреплению правопорядка в соответствующие министерства и ведомства, вырабатывает рекомендации по широкому привлечению сил общественности к борьбе с правонарушениями.

Основой основ нашей деятельности является гласность. Ведь если мы будем замалчивать какие-либо негативные явления, они от этого не исчезнут. Более того, занавес молчания лишь способствует их дальнейшему распространению, дезориентирует общественность. Вроде бы аксиома, но сколько раз нам приходилось эту аксиому доказывать.

Когда впервые общему собранию Института общественного мнения предложили обсудить вопросы искоренения наркомании, в зале раздались недоуменные голоса: «Зачем это? У нас такой проблемы нет и быть не может. Так, единичные случаи». Предполагая подобную неосведомленность, пресс-группа МВД подготовила документальный фильм, который буквально потряс присутствовавших.

Сегодня же проблема совершенствования борьбы с наркоманией — одно из магистральных направлений деятельности Института общественного мнения. Силами ИОМ было проведено два крупных социологических исследования. Около десяти лет назад почти 80 процентов опрошенных, употреблявших наркотики, среди причин, приведших их к этому пороку, назвали полную неосведомленность о возможных последствиях как медицинского, так и юридического плана. Сейчас разработана целая система информированности. По инициативе института телевидение и радио регулярно выпускают в эфир передачи, посвященные борьбе с наркоманией. «Командировка в ад», «Знак беды», «Дети грешников», «Торговцы смертью» — передачи, собравшие рекордную аудиторию, другие программы убедительно вскрывали пагубные последствия наркомании, показывали подлинное лицо распространителей отравы. Свыше 30 тысяч откликов поступило на телевидение. 800 тысяч человек участвовало в общереспубликанском комсомольском собрании, организованном по материалам одной из таких передач.

Большая группа видных деятелей культуры и науки — членов ИОМ — обратилась с письмом в Центральный Комитет Компартии Грузии и правительство республики. ЦК КП Грузии и Совет Министров республики определили направления борьбы с наркоманией. Создана специальная комиссия.

Нам довелось присутствовать на одном из собраний института, посвященном борьбе с наркоманией. На нем рассматривались различные ее аспекты. Заместитель министра внутренних дел познакомил собравшихся с оперативной обстановкой в республике, главный нарколог Грузии говорил о медицинской стороне вопроса, известный поэт — о социально-нравственной. Общее мнение выразила **министр просвещения республики Н. Ш. Васадзе**, сказавшая в своем выступлении: «Органы внутренних дел проводят значительную работу по искоренению этого зла. Но и мы не можем, не имеем права оставаться в роли пассивных наблюдателей. Победить его можно только совместными усилиями общественности. Всем миром».

Всем миром. Разнообразные формы и методы работы Института общественного мнения направлены на то, чтобы поднять на борьбу самые широкие слои населения. Это и упоминавшиеся уже выступления в прессе и эфире, и встречи на предприятиях в трудовых коллективах, и научные разработки.

Особое внимание уделяется школам. Что греха таить: случается, что директора школ, педагоги предпочитают «не замечать» тревожных симптомов, не выносить сор из избы. В какой-то степени их мож-

но понять. «В нашей школе — и вдруг наркотики! Пятно на весь педагогический коллектив, а стало быть, и «оргвыводы» со стороны соответствующих органов народного образования». А вот результат этой порочной логики: ни один школьник не состоял на наркологическом учете в республике. Между тем значительный процент опрошенных в ходе социологического исследования наркоманов показал, что первые шаги на этом «поприще» они сделали именно в школьном возрасте. Сейчас по инициативе института отношение к проблеме в корне изменено. Теперь выявление фактов употребления наркотиков в школе педагогическим персоналом поощряется, стимулируется.

Предупреждение правонарушений несовершеннолетних является одним из важнейших направлений работы института. Как же она проводится? Об этом рассказал председатель соответствующей секции ИОМ, директор республиканского института усовершенствования учителей, доктор педагогических наук М. Д. Дарчия.

— Наша секция также начала свою работу с социологических исследований. Анкетированием были охвачены как осужденные подростки, отбывающие наказание в воспитательно-трудовой колонии, так и состоящие на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних. Проведенный опрос выявил целый ряд недостатков, в частности очевидную «нестыковку» воспитательно-профилактического воздействия на трудных подростков семьи, школы и милиции, откровенно слабую работу педагогов-организаторов в жэках по месту жительства. Откровенно слабая — это еще мягко сказано. Ведь в большинстве случаев эти самые педагоги-организаторы на практике занимаются сбором квартплаты, секретарской, хозяйственной, любой другой деятельностью, но только не воспитательной работой. Соответствующее письмо по этому поводу мы направили в Минкомунхоз республики.

Острый, откровенный разговор по результатам анкетирования состоялся на расширенном заседании нашей секции, куда были приглашены свыше четырехсот педагогов, директоров школ, работников отделов народного образования, инспекторов ИДН. В работе секции принял участие министр внутренних дел Грузии Ш. В. Горгодзе. В ходе обсуждения проблемы наметились три основных направления ее решения.

Во-первых, это организация работы с педагогами. Ежегодно в институте усовершенствования повышают свою квалификацию 26 тысяч учителей. В учебную программу включен теперь новый курс: профилактика правонарушений несовершеннолетних. К чтению лекций привлекаются сотрудники органов внутренних дел. Кафедры института, которым я руковожу, разрабатывают методическую литературу в помощь учителям средних школ.

Вторым направлением стал поиск новых форм работы с родителями трудных подростков по месту жительства. В частности, мы рекомендовали усилить взаимодействие органов внутренних дел с советами микрорайонов. Кстати, такие советы — тоже пока явление не повсеместное. Но там, где они созданы, организация досуга подростков, в том числе и «трудных», резко улучшилась. В Тбилиси, например, в занятия различных кружков, секций, клубов вовлечено 83 процента подростков, состоящих на учете в ИДН. По нашему мнению, а оно подтверждается статистическими выкладками, это способствует снижению преступности несовершеннолетних.

Широкое распространение получила в Институте общественного мнения индивидуальная работа с подростками. Так, над несовершеннолетними правонарушителями шефствуют писатели Г. Панджикид-

зе, Д. Чарквиани, Ш. Нишнианидзе. Конечно, такое внимание со стороны уважаемых в республике людей оказывает на ребят сильное воздействие.

Многое делается и для организации правовой пропаганды среди молодежи. Знание законов — это, разумеется, еще не гарантия их соблюдения, но заметный шаг к ней. Здесь мне бы особенно хотелось отметить публикацию в журнале «Сабчота самартали» художественно-публицистического произведения члена ИОМ, видного юриста Т. Г. Шавгулидзе «Право для всех».

Наконец, третье направление работы, рекомендованное нашей секцией, — это организация педагогического всеобуча сотрудников органов внутренних дел и прежде всего тех, кто работает в воспитательно-трудовых колониях и инспекциях по делам несовершеннолетних. Предполагается, в частности, проведение целевых курсов, охватывающих широкий круг тем по педагогике и психологии подростков разного возраста, предупреждению правонарушений несовершеннолетних, воспитательно-профилактической работе с ними.

После того как было принято постановление ЦК КПСС «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами» институт активизировал работу в этом направлении. Основные усилия были сосредоточены на предупреждении краж и туеядства — из всех преступлений, связанных с извлечением нетрудовых доходов, эти наиболее распространены в республике. Выездные сессии ИОМ, посвященные данной проблематике, состоялись на Руставском металлургическом и Тбилисском вагоноремонтном заводах. Проводились и другие встречи с трудовыми коллективами. По результатам исследования общественного мнения институт разработал предложения о совершенствовании уголовного законодательства. Усилена ответственность за кражи государственного и общественного имущества, а также личного имущества граждан.

Проблеме искоренения антиобщественного, паразитического существования было посвящено «Обращение ко всем трудящимся городов и сел Грузии», подписанное знатными людьми республики — членами ИОМ.

Кражи. Опасное само по себе, это явление вызывало дополнительную тревогу тем, что среди определенной части молодежи стала проявляться некая «романтизация» воровства. Доходило даже до таких трагических по сути своей ситуаций, когда несовершеннолетний правонарушитель на суде изо всех сил старался «натянуть» себе наказание, связанное с лишением свободы, стремясь попасть в колонию и там окончательно приобщиться к «настоящему» воровскому миру.

Институт общественного мнения прилагает большие усилия для того, чтобы преодолеть — главным образом при помощи средств массовой информации — эту негативную тенденцию, разоблачить лжеромантику, показать молодежи подлинную суть «воровского закона».

За проблемами общевоспитательного плана не забыты и другие, сугубо конкретные. В этом отношении весьма характерна акция ИОМ, предпринятая в связи с участвовавшими кражами икон из древних церквей Сванетии. Было проведено специальное выездное заседание института в поселке Местия, привлечено внимание средств массовой информации к процессу над расхиителями. Документальный фильм об этом процессе был показан по республиканскому телевидению. Принявшие в нем участие искусствоведы расска-

зали зрителям о том, что ущерб, причиняемый подобными кражами, невозможно измерить в рублях. Расхищаются не просто старые иконы — расхищается история, художественное достояние народа. Одновременно по предложению ИОМ МВД республики, выделив дополнительные штаты, организовало охрану церквей Сванетии.

— Обеспечение правопорядка, успешная борьба с преступностью невозможны без опоры на общественность, без широкого обмена мнениями о наиболее эффективных путях преодоления тех или иных негативных явлений, — сказал в беседе с нами министр внутренних дел Грузинской ССР Ш. В. Горгодзе. — Нас не может не интересоваться, что люди думают о положении дел с преступностью, как оценивают предпринимаемые нашими органами меры, на чем считают необходимым сосредоточить дополнительные усилия. Думается, создав Институт общественного мнения, мы нашли удачную форму решения этих задач.

Институт действует в соответствии с Положением, утвержденным коллегией МВД, по плану, разработанному совместно с нашими службами. Все члены института утверждаются министерством. Однако, несмотря на все названные факторы, Институт общественного мнения является самостоятельной организацией, а не дополнительным нашим внеструктурным подразделением. Мы заинтересованы в том, чтобы в работе его не было излишней ведомственности, чтобы он поставлял нам пусть иногда и нелицеприятную, но обязательно объективную информацию.

Одна из важнейших задач ИОМ — укрепление доверия населения к органам внутренних дел, повышение их авторитета. Этому служат и сам факт участия популярных в республике людей в наших мероприятиях, и широкая информация через печать, радио и телевидение об успешных операциях по предотвращению правонарушений, обезвреживанию преступников, и рассказы о лучших наших работниках. Но, говоря об успехах, нельзя обходить стороной недостатки и упущения в нашей деятельности. Открытый, принципиальный разговор о них также способствует не только их искоренению, но и повышению доверия к органам, укреплению их авторитета. В разные годы ИОМ несколько раз проводил опросы общественного мнения о работниках МВД. После обобщения результатов одного из этих опросов группа видных представителей общественности — членов ИОМ обратилась с письмом ко всем работникам милиции. В нем высказывалось беспокойство по поводу проявления грубости, бестактности отдельных сотрудников по отношению к гражданам, имевших место фактов нарушения законности. Это письмо нашло отклик в сердцах личного состава, способствовало оздоровлению обстановки.

Не стану утверждать, что вся деятельность Института общественного мнения была ровной и гладкой. Были свои взлеты и спады, периоды снижения активности, сказывалась порой недостаточность научной базы. Мы, в свою очередь, иногда ослабляли контроль за реализацией выработанных институтом рекомендаций. Однако в целом двадцатилетняя уже история ИОМ безусловно подтверждает полезность и целесообразность его существования.

МВД СССР одобрило опыт деятельности Института общественного мнения при МВД ГССР по изучению, анализу и формированию общественного мнения и рекомендовало его к распространению.

**Б. МИХАЙЛОВ,
С. ВЛАДИМИРОВ**

В

Возмещение причиненного вреда

В кабинет к адвокату, тяжело опираясь на палку, вошел мужчина средних лет.

— Иск хочу предъявить начальнику монтажно-строительного управления,— сказал он,— а произошло вот что. Прочитал я объявление, что строительно-монтажное управление набирает на работу плотников. Пошел туда договориться. Расположено это самое управление в двухэтажном доме с высоким крыльцом. Узнав условия работы, стал спускаться с крыльца. А оно от льда не очищалось. Вот и загремел. Перелом бедренной кости. Отвезли в больницу, где пролежал два месяца. До сих пор трудоспособность не вернулась. Стал инвалидом. Пусть начальник управления оплачивает из своего кармана убытки.

— Иск предъявить можно,— сказал адвокат.— В соответствии со статьей 88 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и статьей 444 ГК РСФСР вред, причиненный личности или имуществу гражданина, должен быть возмещен в полном объеме лицом, причинившим вред. Но вы ошибаетесь,— продолжал адвокат,— полагая, что требования следует предъявить начальнику строительно-монтажного управления. Ваш иск должен быть заявлен к организации, то есть юридическому лицу, отвечающему за вину своих работников.

Статья 88 Основ и статья 445 ГК РСФСР устанавливают ответственность организации за вред, причиненный по вине ее работников при исполнении ими своих трудовых (служебных) обязанностей. Поэтому в вашем случае имущественная ответственность должна быть возложена на строительно-монтажное управление. Закон тем самым надежно ограждает интересы потерпевшего, которому легче взыскать убытки с организации, чем с гражданина. Конечно, беспечность не обойдется без последствий и для виновного работника. Организация вправе взыскать с него то, что выплачено потерпевшему.

Давайте рассмотрим еще несколько ситуаций, связанных с возмещением вреда.

Нередко вред кому-либо причиняют несовершеннолетние. Кто же возместит его? Важное значение здесь имеет возраст. Если подростку нет еще пятнадцати лет, то вред возмещают родители, усыновители, опекун. Если вред нанесен малолетним, находящимся в школе, в детском воспитательном или лечебном учреждении, то ущерб возмещает данное учреждение, если не докажет, что вред возник не по его вине.

...Во время перемены школьники стреляли друг в друга из рогаток. Кусочек проволоки попал в глаз одному из подростков, и он лишился зрения. Родители мальчика предъявили иск школе, преподаватели которой проявили непростительную беспечность. Суд этот иск удовлетворил.

Если вред причинен несовершеннолетним в возрасте от 15 до 18 лет, возместить его он обязан сам. Если же у него нет своего имущества или заработка, достаточного для возмещения вреда, вред должен быть возмещен в соответствующей части его роди-

телями, усыновителями или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине. Эта их обязанность прекращается, когда причинивший вред достигает совершеннолетия, а также в случае, если до достижения этого возраста у него появится имущество или заработок, достаточные для возмещения ущерба.

На производстве произошел несчастный случай со смертельным исходом. Работник, не знающий правил техники безопасности, был направлен в цех для устранения неисправностей в сети высокого напряжения. Он погиб. В данном случае завод обязан возместить ущерб детям и другим нетрудоспособным иждивенцам умершего с учетом утраченного ими содержания.

Читателям, желающим более подробно ознакомиться с вопросами, о которых шла речь в этой статье, рекомендуем обратиться к постановлению Совета Министров СССР от 2 июля 1984 г. утвердившему «Правила возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей» (СП СССР, 1984, отд. 1, № 24, ст. 128), а также к постановлению Пленума Верховного Суда СССР № 13 от 5 сентября 1986 года «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья» (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1986, № 6).

В. РЯСЕНЦЕВ,
доктор юридических наук, профессор

Врачебно-трудо- вая экспертная комиссия

В кабинете участкового врача сидел мужчина средних лет и жаловался на здоровье:

— Доктор, чувствую себя отвратительно, работать больше не могу. В этом году проболел почти пять месяцев. Не могли бы вы направить меня на ВТЭК для установления группы инвалидности.

— Все правильно. Но есть одно «но». Для того, чтобы направить больного на освидетельствование во ВТЭК, необходима длительная или постоянная утрата трудоспособности гражданина. Вы же дольше трех недель на больничном не были и болели простудными заболеваниями.

Врачебно-трудо-вая экспертная комиссия (ВТЭК) — это специальная комиссия, которая создается для определения состояния трудоспособности, постоянной или длительной ее утраты, установления группы и причины инвалидности. В задачи ВТЭК входит также определение для инвалидов условий и видов труда, работ и профессий, доступных им по состоянию здоровья, а также условий и методов, при помощи которых нарушенная трудоспособность может быть восстановлена. Врачебно-трудо-вая экспертная комиссия проверяет правильность использования инвалидов на работе в соответствии с медицинским заключением.

Освидетельствование граждан во ВТЭК проводится, когда установление инвалидности связано с предоставлением права на социальную помощь либо повлечет за собой освобождение от выпол-

нения соответствующих обязанностей, а также в других случаях, предусмотренных законодательством.

Направление больных во врачебно-трудовые экспертные комиссии производится лечебными учреждениями по месту жительства больного либо по месту прикрепления его к лечебно-профилактическому учреждению.

Если больной по состоянию здоровья, согласно заключению врачебно-консультационной комиссии лечебно-профилактического учреждения, не может явиться во ВТЭК, освидетельствование проводится на дому или в стационаре, где он находится на излечении.

О принятом решении по результатам освидетельствования комиссия в трехдневный срок выдает справку больному и направляет извещение соответствующим предприятиям, учреждениям, организациям.

Датой установления инвалидности считается день поступления во ВТЭК документов, необходимых для освидетельствования больного.

Для инвалидов первой группы переосвидетельствование проводится один раз в два года, для инвалидов второй и третьей групп — один раз в год.

В законе предусмотрены случаи, когда группа инвалидности может быть установлена без указания срока переосвидетельствования. В этих случаях, а также досрочно переосвидетельствование проводится при изменении состояния здоровья и трудоспособности больного или при выявлении фактов необоснованного решения ВТЭК.

В отношении инвалидов мужчин старше 60 лет и женщин старше 55 лет переосвидетельствование проводится по их заявлению.

В том случае, если гражданин не согласен с решением ВТЭК, он вправе в течение месяца подать об этом письменное заявление в республиканскую, краевую, областную или центральную городскую (в городах республиканского подчинения) врачебно-трудовую экспертную комиссию. Оно может быть подано также в ту комиссию, где он проходил освидетельствование, либо в соответствующий отдел социального обеспечения. В этом случае орган, принявший заявление, обязан в трехдневный срок со дня получения направить его со всеми имеющимися документами в республиканскую, краевую, областную или центральную городскую (в городах республиканского подчинения) ВТЭК.

Не позднее месяца со дня подачи заявления эти комиссии должны провести переосвидетельствование больного и вынести решение. При несогласии с их выводами гражданин может подать жалобу в Министерство социального обеспечения республики. В случае выявления фактов нарушения законодательства о врачебно-трудовой экспертной комиссии министерство поручает другому составу республиканской, краевой, областной или центральной городской (в городах республиканского подчинения) ВТЭК вновь рассмотреть оспариваемое решение.

И. ГРИШИН,
кандидат юридических наук

Г

Гражданство

С утра Марина Николаевна ходила, как говорится, «сама не своя». На вопросы сослуживцев: что случилось? — отвечала: плохо себя чувствую. Но не высокое давление было причиной такого ее состояния. Вчера она познакомилась со своим будущим зятем. Всем был хорош избранник дочери, но беспокоило то обстоятельство, что был он иностранцем. Если дочь выйдет за него замуж, какова будет ее судьба, как будет решаться вопрос о ее гражданстве, о гражданстве внуков, — вот что не давало покоя Марине Николаевне.

Давайте попробуем ответить на эти вопросы. И для начала рассмотрим, что же такое гражданство.

Под **советским гражданством** принято понимать политико-правовую принадлежность лица к Советскому социалистическому государству, в силу которой государство наделяет гражданина СССР всей полнотой прав и свобод, провозглашаемых и гарантируемых Конституцией СССР и иными законами, защищает и покровительствует ему за границей. А гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию СССР и другие советские законы, уважать правила социалистического общежития, с достоинством нести высокое звание советского гражданина.

Вопросы, связанные с гражданством, регулируются Конституцией СССР и Законом о гражданстве СССР от 1 декабря 1978 года, который введен в действие 15 июня 1979 года.

Согласно этому Закону **советскими гражданами** являются лица, которые либо состояли в гражданстве СССР на день вступления Закона о гражданстве СССР в силу, либо приобрели советское гражданство в соответствии с данным Законом.

В большинстве случаев приобретение гражданства СССР происходит в результате рождения. Так, если оба родителя ребенка в момент его рождения были советскими гражданами, то и сам малыш, независимо от того, где он родился — в СССР или на территории другого государства, будет гражданином СССР.

Существенно отличается от этого порядок определения гражданства детей **при различном гражданстве родителей**. Если к моменту рождения ребенка один из его родителей был гражданином СССР, то и ребенок будет советским гражданином при условии, если он родился на территории СССР или если он родился вне пределов СССР, но его родители (или один из них) в это время имели постоянное место жительства на территории СССР. Если же в момент рождения ребенка оба его родителя имели постоянное место жительства за границей и один из них был гражданином СССР, то гражданство ребенка определяется по их соглашению.

Стать советским гражданином можно и в результате приема **в гражданство**.

Советское законодательство предусматривает строго индивидуальное рассмотрение вопросов, касающихся приема в гражданство СССР. При этом в советских законах в отличие от законодательства большинства буржуазных государств отсутствуют какие-либо дискриминационные ограничения, связанные с приемом в гражданство. Иностранцы граждане и лица без гражданства могут быть, по их ходатайствам, приняты в гражданство СССР, независимо от их про-

исхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, места жительства и других обстоятельств. Это, однако, не означает, что каждый, кто подаст заявление о приеме в гражданство СССР, получит положительный ответ. В каждом конкретном случае вопрос будет решаться в Президиуме Верховного Совета СССР или в Президиуме Верховного Совета союзной республики.

Законодательство нашей страны обеспечивает правовые гарантии сохранения лицом гражданства СССР при любых жизненных обстоятельствах. Так, например, не влечет изменения гражданства супругов вступление в брак гражданина или гражданки СССР с лицом, состоящим в иностранном гражданстве, или лицом без гражданства, либо расторжение такого брака, а также приобретение или утрата гражданства СССР одним из супругов.

И еще одно правило: «проживание гражданина СССР за границей само по себе не влечет утраты гражданства СССР».

Случаи утраты советского гражданства установлены Законом о гражданстве СССР. Среди них можно назвать такие, как выход из гражданства СССР и лишение гражданства СССР.

Вопрос о выходе из советского гражданства решается только Президиумом Верховного Совета СССР на основе поданного гражданином заявления. В Законе о гражданстве СССР перечислены основания, по которым в выходе из советского гражданства может быть отказано.

Выход из советского гражданства не допускается, в частности, если это противоречит интересам государственной безопасности СССР или если лицо, ходатайствующее о выходе, привлечено в качестве обвиняемого либо в отношении его имеется вступивший в законную силу приговор суда, подлежащий исполнению.

Лишение гражданства СССР может иметь место только в исключительных случаях. Такое решение принимается Президиумом Верховного Совета СССР. И главным критерием вынесения такого решения является совершение гражданином действий, порочащих высокое звание гражданина СССР и наносящих ущерб престижу или государственной безопасности.

Лицо, утратившее гражданство СССР, впоследствии по его ходатайству может быть восстановлено в советском гражданстве решением Президиума Верховного Совета СССР при наличии достаточных оснований.

Р. ТИМОФЕЕВА,
кандидат юридических наук

Д

Декреты Октября

27 ноября 1917 года. Около Смольного пикеты солдат и матросов, идут оживленные разговоры. «Что, браток, земля-то теперь наша!» — говорит пожилой бородатый солдат молодому. «Как так?» «А ты про Декрет о земле слышал? Власть теперь наша. У господ землю отбирают и нашему брату дают. Об этом в Декрете о земле и сказано, его сам Ленин писал». «А декрет, это что такое?». «Это, браток, советский закон так называется, наш, значит, закон».

Нужно сказать, что не все законы, принимаемые в первые годы Советской власти, назывались декретами. Существовали и другие термины: «постановление», «положение». Декретами назывались важнейшие нормативные акты, которые выражали основные программные положения большевистской партии. Через них проводилась в жизнь воля победившего в революции пролетариата.

Первым декретом Советской власти был Декрет о мире, принятый Вторым Всероссийским съездом Советов 8 ноября 1917 года. Декрет объявил войну величайшим преступлением против человечества и призвал все воюющие народы и их правительства немедленно начать переговоры о справедливом и демократическом мире, то есть заключить мир без аннексий (захвата чужих земель и насильственного присоединения чужих народностей) и контрибуций (платежей побежденных государств государствам - победителям). Декрет о мире заложил основы внешней политики Советского государства, провозгласив принцип мирного сосуществования государств с различным социально-экономическим строем, право наций на самоопределение, принцип равенства и суверенности народов, отказ от тайной дипломатии.

Второй Всероссийский съезд Советов принял также Декрет о земле. Этот важнейший документ, воплотивший в жизнь чаяния многомиллионного крестьянства, навсегда отменил право частной собственности на землю. Вся земля безвозмездно обращалась во всенародное достояние и переходила в пользование «всех трудящихся на ней». Все помещичьи, удельные, монастырские земли со всем инвентарем передавались без всякого выкупа в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. Всего крестьянам передавалось безвозмездно более 150 млн. десятин земли. Так, выразив волю огромного большинства трудящегося крестьянства, декрет осуществил национализацию земли.

Большую роль в укреплении социалистической законности сыграли Декреты ВЦИК и СНК о суде. 5 декабря 1917 года В. И. Ленин подписал Декрет о суде № 1. Этим актом вместо упраздненных старых судов создавались местные народные суды и революционные трибуналы. Декрет предусматривал прямые демократические выборы судей и заседателей и закреплял принцип сменяемости судей, что способствовало привлечению трудящихся к отправлению правосудия, созданию действительно народного суда. 15 февраля 1918 года ВЦИК утвердил Декрет о суде № 2, закрепивший принцип ведения всех дел на местных языках. Декрет также предусматривал создание окружных судов, члены которых избирались городскими и уездными Советами. 13 июля 1918 года СНК принял Декрет о суде № 3, значительно поднявший роль местных народных судов, в ведение которых были переданы гражданские дела по искам до 10 тысяч рублей и все уголовные дела, кроме дел об особо опасных преступлениях.

Будучи мощным рычагом социалистических преобразований в стране, первые декреты Советской власти заложили прочные основы внутренней и внешней политики нашего государства, утвердили принципы многих отраслей права, действующие и сегодня.

А. СКРИПИЛЕВ,
кандидат юридических наук

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Издательство «Юридическая литература» предлагает вниманию читателей следующие книги.

Л. И. Блинова, Л. Ф. Гришанин. Ответственность за самогоноварение и спекуляцию спиртными напитками.

В популярной форме авторы рассказывают об общественной опасности таких преступлений, как самогоноварение и спекуляция спиртными напитками, об ответственности за данные преступления и мерах борьбы с ними.

«Хулиганству — бой!» Так называется книга Г. И. Кучера из серии «Советский закон и Я».

В ней речь идет о различных видах ответственности за хулиганство — мерах общественного воздействия, административных взысканиях, а также уголовной и материальной ответственности. Автор вскрывает причины хулиганства, на конкретных примерах рассказывает об основных направлениях борьбы с этим преступлением.

Сборник нормативных актов в двух частях **«Уставы добровольных обществ».**

В этом сборнике помещены уставы всесоюзных, республиканских и местных добровольных обществ, таких, как общества изобретателей и рационализаторов, «Знание», охраны памятников истории и культуры, хорового, филателистов, любителей книги, борьбы за трезвость, общества слепых, глухих, Красного Креста и Красного Полумесяца, любителей природы, автолюбителей.

* * *

Для того чтобы узнать, какими правами наделяют нас советские законы, можно пойти на консультацию к юристу, а можно просто открыть и посмотреть сам закон. Поэтому наших читателей, вероятно, заинтересуют выпущенные издательством «Юридическая литература» следующие нормативно-справочные издания:

Конституция [Основной Закон] Союза Советских Социалистических Республик.

Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик. Жилищный кодекс РСФСР.

Кодекс РСФСР об административных правонарушениях.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР.

Уголовный кодекс РСФСР. С изменениями и дополнениями на 1 января 1987 года.

Предлагаемые книги можно приобрести в книжных магазинах, распространяющих общественно-политическую литературу.

КОГДА ХЛОПОТЫ НАПРАСНЫ

Сергея Ниточкина я встретил обвешанного покупками. Одной рукой он крепко прижимал к себе связку рулонов с обоями, в другой держал пилу-ножовку. Из кармана торчала малярная кисть.

— Поздравь, Коля! — возбужденно-радостно выкрикнул он. — Квартиру новую получил! Через две недели жду на новоселье. Запиши адресок...

— А чего так долго? — удивился я. — Может, тебе чем помочь надо. Вот сейчас я, например, свободен.

— Ну, спасибо! Ну, удружил! — заулыбался он. — Мне сейчас, Коля, помощь очень нужна. Пойдем.

Квартира мне очень понравилась. Понятно, в новом доме. Современная планировка. Большая квартира, светлая, теплая.

— Неплохая квартира, — согласился Сергей. — Да вот надо в ней кое-что переделать. Эту стенку между прихожей и большой комнатой я ликвидирую. Комната получится еще больше. А прихожую сделаю небольшой. Шкаф-чулан тоже не нужен. Вторая комната за его счет станет больше на два метра. В кухню же сделаю другую дверь... Все строительные материалы я уже купил.

— А разрешение на это есть? — насторожился я.

— Какое еще разрешение? — удивился он. — Квартира теперь моя, как хочу, так и переделываю.

— Ну нет, — возразил я. — Не твоя, а государственная. Давай-ка поедем ко мне и посмотрим Жилищный кодекс РСФСР. — Смотри, — сказал я Сергею, когда мы открыли ЖК РСФСР, — статья 84 устанавливает, что переустройство, перепланировка жилого помещения и подсобных помещений могут производиться только в целях повышения благоустройства квартиры. Допускаются они лишь с согласия нанимателя, совершеннолетних членов его семьи и наймодателя. И с разрешения исполнительного комитета местного Совета народных депутатов. Наниматель — это тот, на чье имя выдан ордер. Наймодатель — жилищно-эксплуатационная организация, а если ее нет — то соответствующее предприятие, учреждение, организация. Ну а совершеннолетние члены семьи — и так ясно: твоя жена Настя. Твой сын Костя не в счет. Ему только пятнадцать лет.

— А если я все-таки возьму и без этих согласий и разрешений переоборудую так, как мне нравится? — спросил Сергей.

— И об этом сказано в статье 84. Наниматель, допустивший самовольное переустройство или перепланировку жилого или подсобного помещения, обязан за свой счет привести это помещение в прежнее состояние.

— Так что напрасны были мои хлопоты? — вздохнул Сергей.

— Конечно. Делать надо все по закону.

КАК ПОМОГАЮТ САДОВОДАМ

Яркая эмблема «Афес», которая украшает магазины и универмаги венгерских потребительских кооперативов, хорошо знакома жителям страны. Покупатель здесь всегда найдет широкий выбор товаров. Высока и культура обслуживания. Основной сферой приложения сил потребкооперации является сельская местность, но в последние годы эмблема «Афес» «проникла» в столицу и другие крупные города Венгрии. Из чего же складывается широкий ассортимент продукции на прилавках кооперативных магазинов? Прежде всего это результат тесного сотрудничества кооператоров с владельцами садово-огородных участков.

Потребительский кооператив в небольшом городке Чорна считается средним по своим масштабам, но его опыт по развитию сотрудничества с мелкими производителями хорошо известен за пределами области. Чорненский кооператив заключает в зимний период договор с владельцами садово-огородных участков, конкретно обговаривая при этом цену на продукцию, объем закупок, сроки поставок. Кооператоры стремятся заключить как можно больше таких договоров. С этой целью разработана широкая система материальных стимулов.

Например, мелких производителей, выращивающих огурцы и помидоры, кооператив бесплатно обеспечивает семенным материалом. Такая помощь оправдана, хотя и не всегда полностью окупается. Она позволила распространить в индивидуальных хозяйствах лучшие сорта овощей, стабилизировать их урожаи.

Мелкие производители, заключившие договор с кооперативом о сдаче продукции, могут получить бесплатную консультацию специалистов, им предоставляются льготы при приобретении удобрений и химикатов.

Особое внимание кооператив уделяет тем владельцам садово-огородных участков, которые выращивают ранние овощи и фрукты. Они бесплатно обеспечиваются рассадой, им предоставляются дотации в размере 40 процентов расходов на приобретение парниковой пленки. Для закупки оборудования, инвентаря владельцы подсобных хозяйств, заключившие с кооперативом договор, могут получить кредит на льготных условиях.

В результате всех этих мер число владельцев приусадебных участков, сотрудничающих с кооператорами Чорны, за последние 5 лет возросло более чем на 25 процентов. Это помогло кооперативу не только бесперебойно снабжать торговую сеть Чорны и его окрестностей свежими овощами и фруктами, но и наладить через внешнеторговые организации экспорт меда, гусиной печени, мака, орехов.

Не менее важную роль в обеспечении продовольствием страны играют владельцы садовых и приусадебных участков в ГДР. Все они объединены в Союз садоводов и животноводов-любителей

(ССЖЛ). Доля ССЖЛ в государственных закупках составила в 1985 году: по овощам — 11 процентов, мясу (в убойном весе) — 13 процентов, фруктам и ягодам — 33 процента, шерсти — 31 процент, яйцам — 36 процентов и меду — 98 процентов.

Участие граждан в работе ССЖЛ стимулируется различными моральными и материальными средствами. Например, закупочные цены на продукцию членов союза всегда выше, чем розничные. Так, мед у пчеловодов скупается по 14 марок за килограмм, а продается населению по 8 марок. Но такие высокие закупочные цены, оказывается, выгодны государству. Ведь сельскохозяйственная продукция, которую выращивают владельцы приусадебных и садовых участков, не требует от государства ни денежных вкладов, ни рабочей силы, ни техники. В основном члены союза снабжают своей продукцией соседние населенные пункты, что освобождает государство от транспортных расходов и издержек по хранению продукции. К тому же любая дотация обходится государству дешевле, чем закупки аналогичной продукции за рубежом. И, конечно, немаловажную роль имеет социальный аспект деятельности Союза. Ведь он служит мощным рычагом формирования здорового и содержательного отдыха трудящихся.

ССЖЛ имеет свой устав, в котором регламентирована деятельность владельцев садовых и огородных участков. Например, категорически запрещено устанавливать заборы между делянками, зато каждый волен окружить свою территорию «живой» изгородью на собственный вкус. Строго регламентированы размеры построек (до 30 кв. м). Не допускается строительство вторых этажей, установка сараев, кухонь и туалетов отдельно от дачного домика. Зато к услугам членов Союза любой из десяти типовых проектов садовых домиков, которые к тому же могут варьироваться по внешнему оформлению. Каждый садоводческий поселок в ГДР обязан иметь свой клуб, в котором проводятся собрания, лекции, отмечаются дни рождения, свадьбы, праздники. В поселке разрешены только коллективные автостоянки. Обязательно для садоводческого поселка наличие детского городка, спортплощадки, а также кафе.

В настоящее время в распоряжении ССЖЛ свыше 3 тысяч клубов, в которых действует более 200 хороших коллективов и 500 кружков народного творчества и ремесел. ССЖЛ является организатором социалистического соревнования между владельцами садовых участков. Итоги соревнования подводятся в последний день каждого полугодия, а победители поощряются почетными грамотами и ценными подарками. 150 передовиков ССЖЛ премируются турпоездками в СССР и другие социалистические страны, еще 150 — экскурсиями в Берлин.

Вся деятельность Союза садоводов и животноводов-любителей направлена на решение важных государственных задач: обеспечение страны разнообразной сельскохозяйственной продукцией, здорового, плодотворного отдыха трудящихся и воспитание всесторонне развитой личности.

**А. КУЗЬМИН,
В. ЧУДОВ,
корреспонденты ТАСС.**

БУДАПЕШТ.
БЕРЛИН

ТАМ, ГДЕ ПОПИРАЕТСЯ ПРАВО

...В КОМПЬЮТЕРНОМ КРУГЕ

Компьютеры — машины, имеющие дело с информацией. С их появлением возникли проблемы, решение которых в условиях капитализма принимает подчас формы уродливые и опасные. Об использовании ЭВМ для совершения преступлений, об изощренных технических средствах, применяемых монополиями и полицией для нарушения прав человека, читайте материал кандидата юридических наук Ю. Батурина «Троянский конь на ...компьютерах».

С МАФИЕЙ ПОКОНЧЕНО,

считают юристы и власти США. Ей не оправиться после таких судебных процессов, как Бруклинский и Манхэттенский. Но примеры из прошлого, а также тесные связи мафии с сильными мира сего свидетельствуют, что с этой мощной преступной организацией невозможно справиться без коренных социальных преобразований.

В самом сердце Кремниевой долины, в американском штате Калифорния, на перекрестке дорог № 101 и 237 стоит странное здание сине-голубого цвета без единого окна, с усиленной вооруженной охраной. Это здание в Саннивейле известно под названием «Синий куб». Здесь расположен центр управления флотилиями спутников-шпионов США. Насыщенный компьютерными системами, Синий куб по сути нервный центр слежки за всем миром.

С наступлением эпохи «звездных войн» — а, по мнению администрации США, она наступит непременно — куб должен стать одновременно и центром, отдающим команды спутникам, способным уничтожать. Возникает вопрос: не отдаст ли компьютерная нервная система буржуазного общества когда-нибудь приказ уничтожить человека, цивилизацию, жизнь?

Не будем гадать. Попытаемся лишь взглянуть на компьютеризованное общество с разных сторон.

Чтобы не прослыть необъективными, будем строго опираться на документы и свидетельства. Особенно ценны для нас признания «изнутри» — ценны тем, что искренни, что предназначались не для пропаганды, что это — признания.

КОМПЬЮТЕРНАЯ СЛЕЖКА

За стойкой паспортного контроля служащий аэропорта Руасси. Он неторопливо берет каждый протянутый ему документ и раскрывает так, чтобы его страницы попали в поле зрения скрытой телекамеры. При этом обязательно задает ничего не значащий вопрос — просто чтобы потянуть время, необходимые 7 секунд. Но вот они истекли — и на экране дисплея появилась латинская буква «G».

— Прощу вас отойти в сторону.

— В чем дело? Я опоздаю на самолет...

— Вам все объяснят...

Так было задержано и снято с рейса «опасное лицо».., не уплатившее штраф за стоянку автомобиля в неподобающем месте.

Компьютерная картотека французской Службы досье на разыскиваемых лиц дает ответ через 7 секунд в виде кода. При этом каждый индекс имеет определенное значение. Например, если на экране дисплея появляется «F», значит, в поле зрения полиции попал человек, разыскиваемый по заявлению семьи. Буквой «G» обозначены не уплатившие налогов и штрафов, индекс «AL» — сумасшедшие, душевнобольные. Если на экране появился «X» — надо вести наблюдение, не привлекая внимания; «AFO2» означает, что о пассажире необходимо собрать максимум сведений и, если возможно, незаметно сфотографировать его документы; «AFO3» — необходимо сделать то же самое в отношении сопровождающих его лиц; «AFO4» — незаметно предупредить таможенню для того, чтобы его обыскали, и т. д. — всего более двадцати индексов.

Фантастика? Нет. Уже с 1985 года в странах Европейского сообщества вводится единый европейский паспорт, имеющий в качестве второй страницы специальный пластиковый листок с двумя строчками цифр и букв — кодом для автоматического считывания данных с паспорта с помощью ЭВМ.

В некоторых государствах — членах Сообщества разгорелись политические дебаты между сторонниками и противниками «кодирования» личности. В ФРГ такое «кодирование» вызывает особенно неприятные ассоциации у людей прогрессивных убеждений. «Однажды Германия уже практиковала нумерацию людей: вспомним Освенцим! Как же быть с теми, кто и сегодня еще носит на себе эти вытатуированные освенцимские номера? Может быть, господин федеральный министр внутренних дел хотя бы избавит их от закодированного удостоверения личности, потому что их и без того легко опознать?» — с горечью задает вопрос гамбургский журнал «Штерн». — И если чувство элементарного стыда удерживает этих политических деятелей от того, чтобы после татуировок Освенцима вновь пытаться подвергнуть «нумерации» своих «подданных», то пусть они хотя бы почитают конституцию, чтобы понять: закодировать человека — значит нарушить его права и попортить его достоинство».

В ФРГ и Дании листок с кодовой полосой — не только страница паспорта, но и национальное удостоверение личности. В этих странах каждый житель уже сегодня является обладателем одного или нескольких покрытых пластиковой пленкой документов, где указывается так называемый «личный номер», соответствующий номеру в Общеввропейской системе социального страхования.

Личный номер используется в качестве идентификаторов во многих областях повседневной жизни — в системах здравоохранения, сбора налогов, сдачи и найма жилья, в банковских операциях и т. д.

Полицейскому, взявшему в руки европаспорт, достаточно будет лишь ввести полосу с кодом в электронно-оптическое устройство считывания, подключенное к терминалу ЭВМ, и через две секунды он получит из компьютерного досье инструкции относительно владельца паспорта. Подобные удостоверения дают «возможность использовать их для осуществления тотального контроля, — предупреждает «Штерн». — С технической точки зрения не представляет никаких сложностей заложить в электронный мозг все то, что госу-

дарство знает о нас, считает, что знает, или должно знать: был ли человек судим, за что и сколько раз; участвовал ли он в демонстрациях и чем при этом обратил на себя внимание; считается ли он лояльным или «врагом конституции»; является ли членом партии или только поддерживает ее; участвует ли в движении за мир; страдает ли какой-либо наследственной болезнью; находится ли на государственной службе и подвергался ли «запрету на профессию», часто ли менял работы; не безработный ли он; какого он вероисповедания...»

Дело в том, что введение европаспорта самым непосредственным образом связывают с установлением так называемой «европейской юридической зоны». Ее создание предусматривает объединение полицейских систем и карательного аппарата стран Сообщества. Предполагается унифицировать и законы, ограничивающие демократические права граждан.

Показательно, что стандартизация форм и размеров знаков кодовой полосы европаспорта проводилась в рамках Интерпола. Это обстоятельство вновь заставляет вспомнить времена нацизма. С 1938 по 1940 год президентом Интерпола был штандартенфюрер СС полковник гестапо Отто Стайнхаусл. На следующие два года его сменил группенфюрер СС, глава военной полиции рейха Рейнхард Гейдрих. Затем вплоть до капитуляции Германии Интерпол возглавлял шеф гестапо и СД группенфюрер СС Эрнст Кальтенбруннер. Гитлеровцы ввели и сделали массовой практикой фабрикации «уголовных дел» на политических деятелей. Кальтенбруннер повешен, но ядовитые семена остались. Видный сотрудник Интерпола в 1946—1956 гг. западногерманский гражданин Федерик Лоуват оказался одним из бывших заместителей Кальтенбруннера. А с 1968 по 1972 год этой организацией руководил представитель ФРГ Пауль Дикопф, в прошлом офицер СС. Сегодня в Интерполе любят сослаться на статью третьей своего устава, запрещающую участвовать в расследовании акций политического характера. Но на проходившей в конце 1985 года в Вашингтоне 54-й генеральной ассамблее международной организации уголовной полиции администрация США добивалась такой модификации этой статьи, которая позволила бы привлекать Интерпол к политическим преследованиям. Выступая на ассамблее, министр юстиции США Эдвин Миз заявил, что между США и западными членами Интерпола налажен эффективный обмен информацией, в том числе о «преступлениях политического свойства», и такой обмен должен расширяться.

Целям такого рода обмена информацией служит и объединение в рамках «европейской юридической зоны» компьютерных досье в единую сеть. Во Франции компьютерные картотеки имеют Служба досье на разыскиваемых лиц, Главное управление внешней безопасности, служба по борьбе с терроризмом, военная контрразведка и другие. В Великобритании обладателями наиболее крупных компьютерных досье являются службы МИ-5 (контрразведка) и МИ-6 (внешняя безопасность).

Сектор контрразведки, носящий гриф А-1, подключается к компьютерной картотеке министерства здравоохранения и социального обеспечения, в которой содержатся данные практически о всех достигших совершеннолетия жителей страны, а также к компьютерным досье Скотланд-ярда, налогового и других ведомств.

В Ирландии сразу же после того, как было объявлено о введении в качестве официального личного документа европейского пас-

порта, который должен заменить ирландский национальный паспорт, общественная организация «Движение за суверенитет Ирландии», выступающая за выход республики из Европейского сообщества, опубликовала заявление протеста. В нем подчеркивалось, что новая паспортная система вводится в стране по решению руководящих органов Сообщества без согласия ирландского парламента и населения страны. Компьютерное прочтение сведений паспорта и использование электронных досье облегчает для полиции и иммиграционных властей возможность вести слежку за жителями стран Западной Европы, что является грубым нарушением гражданских прав и свобод.

Действительно, как же все это согласуется с заявлениями о праве человека на «частную сферу жизни»? В ряде буржуазных стран компьютеризация общества вызвала к жизни законодательную регламентацию сбора, обработки, хранения и использования информации о гражданах. Характерно, однако, что в законах провозглашаются общие принципы обращения с информацией о личности, декларируются права граждан, а затем из них предусматриваются многочисленные исключения. А федеральный закон ФРГ «О защите от злоупотреблений данными о личности при обработке информации» вообще не ставит ограничений на сбор государственными органами каких-либо сведений о гражданах. Более того, в законе дан перечень учреждений, деятельность которых по сбору и хранению информации о частной жизни граждан остается вне любого контроля как со стороны граждан, так и со стороны федеральных уполномоченных по защите данных — чиновников, специально назначаемых для предотвращения злоупотреблений в этой области. К числу не подпадающих под контроль учреждений относятся ведомство по охране конституции, военная контрразведка, федеральный уголовный розыск, прокуратура, полиция. А ведь именно в деятельности карательных органов империалистических государств, являющихся важным звеном государственной организации современного буржуазного общества и практически осуществляющих волю господствующего класса, проявляется наиболее частое нарушение прав и свобод граждан капиталистических стран. Все это дало основание Германской коммунистической партии на одном из своих съездов заявить: «Нашу страну накинута плотная сеть слежки, перед лицом которой граждане почти беззащитны».

Во Франции для контроля за соблюдением закона «Об информатике, картотеках и свободах граждан» создан особый орган — Национальная комиссия по информатике и свободам граждан, — который был поставлен в весьма затруднительное, если не шекотливое положение. Дело в том, что закон об информатике и свободах в принципе запрещает сбор таких сведений о гражданах, как вероисповедание, политические взгляды и т. п. Но, конечно же, предусмотрены и обычные исключения для тех случаев, когда речь идет о «государственной безопасности, обороне и охране общественного порядка». Эти исключения должны быть узаконены специальными декретами.

Лишь спустя пять лет после принятия закона об информатике и свободах и уже после того, как оснащение большинства картотек и досье электронными средствами было завершено, министерство внутренних дел и министерство обороны представили Комиссии по информатике и свободам проекты декретов, потребовав сделать их секретными. Но закон об информатике и свободах не предусматривает засекречивания этих декретов. В нем лишь указывается, что

тайными могут оставаться административные постановления, предусматриваемые этими декретами. Такая вот головоломка... Без компьютера не решить.

Не отстают от своих европейских коллег «рыцари плаща и компьютера» в США. В конце 1984 года в Вашингтоне было объявлено о начале строительства в пригороде столицы нового крупного исследовательского центра, на создание которого выделено 12 миллионов долларов. Он будет заниматься разработкой сверхмощных компьютеров нового поколения. В числе крупнейших заказчиков — Агентство национальной безопасности (АНБ) — секретная организация правительства США, занимающаяся электронной разведкой. АНБ насчитывает в шесть раз больше служащих, чем ЦРУ, и прослушивает не только связь других стран, но и значительную часть связи США с остальным миром. Когда быстродействующие компьютеры наталкиваются на одно из заранее определенных «опасных» слов («коммунистический», «права человека» и т. п.), означающих, что данный текст представляет для АНБ интерес, печатается его копия для дальнейшего изучения.

Один из членов американского кассационного суда, где в 1982 году слушалось дело об использовании информации, собираемой АНБ, считал эту деятельность вполне законной. Но американские борцы за гражданские права считают, что АНБ нарушает конституционные права граждан уже в силу того, что сам метод требует профильтровывать личные сообщения ни в чем не замешанных отправителей. В среднем при прослушивании одного телефона фиксируются разговоры 50 человек — как виновных, а чаще всего не виновных ни в чем. В период между 1945 и 1975 годами АНБ получило копии почти всех текстов, отправленных за границу. Во время войны во Вьетнаме АНБ контролировало переговоры и переписку Джейн Фонды, доктора Бенджамена Спока и других, кто числился в «черном списке» противников войны. Сегодня компьютерными досье охвачены десятки и сотни тысяч активистов, недовольных существующим режимом, всех тех, кто может «поставить в затруднительное положение» президента, его сотрудников и руководителей государственных ведомств. В соответствии с инструкцией ЦРУ под названием «Защитная информация» должны собираться данные о лицах, выразивших в отношении правительства и его представителей угрозы, «иррациональные» либо «преувеличенные» высказывания об участниках антиамериканских и антиправительственных демонстраций как в США, так и за рубежом, участниках «гражданских беспорядков».

Никакого контроля за достоверностью собранной информации при внесении ее в компьютерное досье и при пользовании им не существует ни в США, ни в других капиталистических странах. Так, в ФРГ, в земельном уголовном регистре баварской полиции обнаружена информация об одном шестилетнем мальчике, который был зарегистрирован за то, что без разрешения удалился с места, где произошла авария. Там же фигурировал и 84-летний старик, компьютерное дело на которого было заведено будто бы за подготовку агрессивной войны, и 81-летняя женщина как активная проститутка. Еще одной жертвой компьютера оказался человек, совершивший, согласно данным, введенным в память компьютера, преступление за 22 месяца до своего рождения.

Таким образом, формально провозглашаемые в законодательстве буржуазных государств юридические гарантии по защите граждан

от посягательств организаций и учреждений, использующих компьютерную технику, имеют ограниченный характер и на практике мало способствуют охране их прав и свобод, зафиксированных в нормативных актах.

БУКСИР НА КАНАТЕ

Хотя 23 штата запрещают своим полицейским департаментам пользоваться прослушивающими устройствами, хотя дело это очень дорогое (прослушивание одного телефонного канала стоило в 1982 году 34 тысячи долларов), хотя как способ поимки уголовных преступников оно просто неэффективно (за последние годы прослушивание телефонов привело к осуждению в среднем 900 преступников в год, в большинстве своем мелких мошенников и уличных торговцев наркотиками), сейчас этот метод используется все более широко. В 1982 году число судебных постановлений, санкционировавших прослушивание телефонов, подскочило особенно резко — на 22 процента и в дальнейшем продолжало расти. Только федеральные органы с 1977 по 1982 год прослушали, по официальным данным, разговоры 260 тысяч человек — в большинстве своем ни в чем не повинных.

Должностные лица обязаны выключать аппаратуру, если в разговоре нет ничего подозрительного. Реальность, однако, совсем иная. Когда к телефонной сети округа Бакс (штат Пенсильвания) был подключен мощный компьютер, власти объявили, что он предназначен для быстрой записи и передачи в полицию и спасательные службы срочных вызовов в случае пожара или ограбления. Лишь через два года выяснилось, что основная функция компьютера — отнюдь не регистрация звонков о преступлениях и несчастных случаях, а тотальная электронная слежка за населением округа. Все телефонные разговоры фиксировались, и если в них усматривалось малейшее инакомыслие, то ничего не подозревающие граждане «самой демократической страны» попадали в списки неблагонадежных. Такова основная цель компьютерной слежки, от которой американцы сегодня не могут укрыться даже в церкви. На судебном процессе в городе Финикс (штат Аризона) вскрылось, что церковь отныне перестала быть святыщем. ФБР установило в ряде церквей штата подслушивающие устройства.

Когда-то телефонные разговоры были возможны только при наличии проводов, сейчас многие ведутся по микроволновой связи. Чтобы перехватить микроволны, достаточно установить на их пути небольшие параболические антенны. Если речь идет о магистральном канале связи, требуется изощренный компьютерный анализ, чтобы расшифровывать сигналы.

Связь с другими странами через спутники еще легче перехватить. При наличии хорошей параболической антенны можно перехватывать радиogramмы, передаваемые через спутники, из любой точки США.

Радиотелефонная связь тоже уязвима. Если кто-то пользуется дешевым аппаратом, соседи могут прослушивать его разговор по средневолновому приемнику. «Эта форма проникновения в частную жизнь не становится менее серьезной оттого, что осуществляется с такой легкостью или используется не через людей, а с помощью компьютеров», — сказал Дэвид Уоттерс, инженер-связист, бывший консультант ЦРУ.

Формально обязанность следить за тем, чтобы должностные лица соблюдали нормы прослушивания телефонных разговоров, установленные в специальном законе 1968 года, возложена на суды. Но, по признанию должностных лиц судебного-полицейских органов, на деле на уровне штатов обеспечить контроль очень трудно. Техника со времени принятия упомянутого закона не стояла на месте. И сейчас должностные лица пользуются некоторыми приспособлениями, которые упомянутый закон не предусматривал. Например, электронные регистраторы, фиксирующие набираемые номера, а не разговоры, позволяют выявлять связи контролируемого лица.

Подслушивание все чаще дополняется слежкой с помощью потайных камер. «Когда у вас прослушивается телефон, вы сможете держать язык за зубами. Но когда в потолок вмонтирован потайной фотоаппарат, остается только спрятаться под стол», — так выразился по поводу этой методики один федеральный судья, назвав ее «особенно назойливой». Однако доказательства, полученные подобным способом, он лично не сбрасывал со счетов.

Одна сотрудница даласской фирмы «Э-Систем инкорпорейтед», изготавливающей сверхизощренную аппаратуру для слежки, гневно возмутилась, заметив две маленькие лампочки в туалете. Понадобилось какое-то время, чтобы убедить ее, что это всего лишь прослушивающие устройства и ни одно из них не следит за тем, что происходит в дамском туалете.

Несмотря на некоторые законодательные ограничения, не встречается препятствий организация компьютерной слежки и в Европе. В Великобритании главный центр перехвата телефонных разговоров размещается в Лондоне под крышей почтового ведомства в районе Челси. Компьютерная техника позволяет «почтовому ведомству» одновременно прослушивать две тысячи телефонных аппаратов внутри страны. На жаргоне тех, кто занимается этим малопочетным делом, сведения, собранные путем подслушивания, именуется «буксиром на канате».

Прогрессивные общественные деятели в Соединенных Штатах Америки и других буржуазных государствах поднимают вопрос о незаконности компьютерных перехватов личных разговоров и переписки, о неэффективности имеющихся на этот счет немногочисленных запретов. Но оказывается, что сплошь и рядом возникают ситуации, которые вообще не регулируются ни одним из законов — их просто нет: столь быстрыми темпами входит компьютерная техника в обиход.

В «раннюю компьютерную эру» ЭВМ быстро росли и высказывались опасения, что когда-нибудь появится гигантский компьютер, хранящий данные обо всех гражданах. Техническое развитие пошло по иному пути. И большие, и средние, и домашние микрокомпьютеры объединились в сети невообразимой сложности и «научились» переговариваться. Эти сети позволяют забронировать место на самолет, сделать покупку, передать телеграмму. В компьютерной памяти остаются «информационные следы» человека: на какие издания он подписывается, какие книги заказывает в библиотеке, каково его финансовое положение и состояние здоровья, где он предъявляет чек к оплате, когда и на какую сумму покупает товар. В результате — что там спецслужба! — все торгово-финансовые организации, а при некотором умении любое лицо, даже жена, может следить за вашими действиями и передвижениями.

В Швеции, как сообщает журнал «Эуропео», был задуман и осуществлен под руководством профессора Карла-Гуннара Янсона проект «Метрополис», цель которого — проанализировать от рождения до могилы поведение всех лиц, родившихся в Стокгольмской губернии в 1953 году, с помощью данных, полученных без разрешения заинтересованных лиц из самых разных источников (в компьютерных досье зафиксирована даже интенсивность родовых схваток у матерей).

Когда сведения о «Метрополисе» просочились в печать, 15117 шведов, на которых были заведены досье, организовали демонстрации протеста. Каждый нес плакат с написанными на нем девятью цифрами личного кода, с помощью которого государство, используя компьютеры, следит за социальным поведением граждан.

Но «Метрополис» — всего лишь видимая часть айсберга. Стало известно о гораздо более тревожном проекте под названием «Рекс», к которому непосредственно причастно государство. Чтобы выявить лиц, нечестно заполняющих декларации о доходах, власти попытались связать десятка два архивов в единую гигантскую электронную систему, в которую должны поступать данные налогового управления, акционерных обществ, картотеки на лиц, имеющих судимость, картотеки вексельных кредитов. 67 процентов шведов опасаются, что правительство может использовать собираемую информацию против них, а 73 процента убеждены, что номер их личного кода используется не так, как следует.

По мнению директора Совета по контролю за сбором информации — государственного органа, созданного в 1973 году для защиты частной жизни граждан, Яна Фриза, — власти используют электронную технику для расширения контроля над обществом, вместо того чтобы стараться с ее помощью сделать общество более гуманным.

(Продолжение следует.)

Ю. БАТУРИН,
кандидат юридических наук

УМРЕТ ЛИ МАФИЯ?

...Удача улыбнулась полицейским дождливой мартовской ночью 1983 года. Энтони Коралло, нынешний глава преступной семьи Луккезе (одной из пяти могущественнейших кланов нью-Йоркской мафии — Гамбино, Дженовезе, Луккезе, Бонанно, Коломбо), оставил свой черный «ягуар» у дверей ресторана без присмотра охранников. Два агента группы по борьбе с организованной преступностью бросились к автомобилю. Один осторожно отпер дверь, одновременно прижав кнопку освещения, — свет в салоне не загорелся. Второй набросил на переднее сиденье полиэтиленовую пленку, чтобы не попали капли дождя. В их распоряжении было минут двадцать! Они все успели: размонтировать панель приборов, установить подслушивающее устройство, собрать все обратно и запереть «ягуар», прежде чем послышались шаги охранников Коралло.

Четыре месяца работал микрофон. За «ягуаром» следовали, сменяя одна другую, машины полиции, ретранслировавшие передачу в установленное на грузовом автомобиле записывающее устройство. Таких данных о мафии получать еще не удавалось никогда...

Второй, не меньшей удачей органов правосудия был 56-летний Доминик Лофаро, «солдат» семьи Гамбино. В 1984 году он был арестован по обвинению в торговле героином. Лофаро предложили выбор: 20 лет тюрьмы или сотрудничество с властями. «Солдат» (т. е. низший чин в иерархии мафии) предпочел стать осведомителем. Тем самым он нарушил знаменитый закон мафии — «Омерта»: молчание под страхом смерти. Доминика снабдили миниатюрным магнитофончиком размером с две пачки жевательной резинки, который крепился у него на поясице. Дали и зажигалку с кнопкой, нажатие на которую включало запись. Лофаро обсуждал дела семьи Гамбино со своими боссами, а затем прятал записанные кассеты в номера «Нью-Йорк таймс» и выбрасывал газету в определенный мусорный ящик. Так за два года полиция получила более 50 записей. Инспектор, работавший с Домиником Лофаро, говорил: «Я все думаю, сколько же бессонных ночей провел он, зная, что, если попадетсЯ, его будут медленно резать на части...»

На легкую смерть надежды нет. Недавно итальянская полиция проникла в подвал, служивший сицилианской мафии местом пыток. Там были окровавленные крюки и веревки, большой чан с кислотой: в него бросали обезображенное, искалеченное тело жертвы...

Нью-Йоркским агентам удалось записать также несколько разговоров мафиози Илларио Заннино. Однажды в машине он объяснял своему молодому «солдату», как опасно убивать лишь одного члена соперничающей «семьи». «Если кого-то убираешь, — внушал Заннино, — сначала обязательно убери тех, кто вокруг него. Он может быть самой грязной дрянью на свете, но кому-то он нравится. И этот кто-то может добраться до тебя...»

После нескольких лет скрупулезного расследования полицейские власти решили, что дело можно передавать в суд. В двух районах города — Манхэттене и Бруклине — начались два процесса.

НАСЛЕДНИКИ «СЧАСТЛИВЧИКА» ЛУЧАНО

Эти солидные пожилые люди, враждавшие в высшем американском обществе, не похожи на убийц. 75-летний Энтони Салерно («Толстяк Тони») — глава клана Дженовезе, 73-летний Энтони Коралло — глава Луккезе, Кармине Персико — глава Коломбо... Всего восемь человек. Обвинение стремилось доказать, что они — непосредственные члены или же исполнители приказов комиссии — своего рода «совета директоров» нью-йоркской мафии. Эта комиссия распределяет доходы, разграничивает сферы деятельности кланов и улаживает споры между ними. Создал ее знаменитый мафиози «Счастливчик» Лучано, основатель семьи Дженовезе. Впервые Лучано собрал комиссию в 1929 году после кровопролитной войны между кланами мафиози.

Около 30 лет существование комиссии оставалось тайной для полиции. Впервые власти услышали о ней в 1957 году. В 1963 году из клана мафии вылетела первая «певчая птичка» — человек, согласившийся давать показания вопреки жестокому закону «Омерта». Это был Джозеф Валачи. Его показания в подкомиссии сената США совершили переворот в представлении о мафии. «Коза ностра», как именует себя американская мафия, предстала в истинном свете: мощная, безжалостная преступная организация.

Сейчас «коза ностра» насчитывает в США более 1700 «серьезных» членов — тех, кто дал клятву на верность мафии и входит в число ее «солдат», «лейтенантов», «капитанов». Половина приходится на пять американских семей.

Обвинение на Манхэттенском процессе доказало, что комиссия в ее нынешнем составе отдала в 1979 году приказ о трех убийствах, руководила крупными ростовщическими операциями, а также направила щупальца мафии в государственное строительство Нью-Йорка. Преступные семьи взяли в свои руки все поставки цемента, подчинили себе десятки строительных компаний. Если бизнесмены не принимали предложенные им «правила игры», не хотели делиться доходами, у них тут же возникали проблемы: рабочие начинали бастовать, поставки цемента прерывались...

Что касается трех убийств, совершенных по приказу комиссии, то это были убийства внутри мафии. Главу семьи Бонанно Кармине Галанте и двоих его приближенных изрешетили пулями за то, что Галанте вознамерился прибрать к рукам семью Гамбино. Новым главой Бонанно стал убийца старого босса — Филип Растелли.

Адвокаты мафии честно отработывали астрономические гонорары. Они избрали необычную форму защиты: не отрицали существования «коза ностры», но утверждали: «Только из того, что человек входит в мафию, вовсе не следует, что он совершил преступление или даже согласен совершить преступление». А комиссия, дескать, лишь «круглый стол» нелегальных бизнесменов, за которым обсуждаются такие вопросы, как прием в мафию новых членов, или улаживаются споры...

Процесс в Манхэттене завершился. Сам Персико осужден на 39 лет, а семь его сообщников — к различным срокам заключения. Но мафиози встретили приговор с улыбкой — им хорошо известно из предыдущего опыта, что за решеткой они надолго не задержатся.

КАРЬЕРА «ДОНА ЩЕГОЛЯ»

Во втором суде, в Бруклине, подсудимый — глава мощнейшей в Нью-Йорке семьи Гамбино, 45-летний Джон Готти, которого прозвали «дон Щеголь» за любовь к изысканному костюмам по 1800 долларов каждый. Готти был предан Домиником Лофаро, который испугался 20 лет тюрьмы. Другой свидетель против Готти — тоже его бывший «коллега» Уилфред Донсон. Когда в 1981 году детективы Нью-Йорка арестовали У. Донсона, при нем в бумажном пакете находилось 50 тысяч долларов. Донсон предложил детективам взять их себе, развлечься в уик-энд. Но те предъявили ему обвинение в попытке подкупа... Вскоре Донсон «запел»: держал полицию в курсе того, как поднимался по ступенькам преступной иерархии Джон Готти, подсказывал, где установить микрофоны... И вот Готти — на скамье подсудимых. Причем в тот момент, когда он достиг своей цели — власти над семьей Гамбино.

...Готти родился в Бронксе, нищем районе Нью-Йорка. Через некоторое время семья переехала в Браунсвилл, квартал насилия, уличных банд. В одну из них, подчиненную семье Гамбино, приняли и Джона. Вскоре он стал «солдатом», несколько раз попадал в тюрьму за кражи. В конце 60-х он приближенный Аниелло Деллакроссе, второго человека после Карло Гамбино. В 1973 году Готти участвовал в расправе над ирландцем, похитившим племянника Гамбино, и его акции пошли вверх. После смерти старого Гамбино в 1976 году место главы семьи должен был занять Деллакроссе, а Готти стал бы вторым боссом. Но междоусобная борьба закончилась тем, что семью возглавил родственник Карло Гамбино — Пол Кастеллано. Деллакроссе так и остался вторым. А Готти — третьим. К тому же отношения между Кастеллано и Готти не складывались: Кастеллано опасался «дона Щеголя». Когда в 1985 году умер Деллакроссе, Кастеллано не позволил Готти занять его место, а повысил своего шоферателохранителя Томаса Билотти.

И тут Джон Готти доказал, что опасения Кастеллано были не напрасны. Ярким полднем у ресторана в Манхэттене раздался пулеметные очереди. Кастеллано и Билоттиполнили список жертв вечной борьбы мафиози за власть. Причастность Готти к убийству была очевидна, но доказать ее не удалось... Как не удалось найти труп человека, жившего в соседнем с Готти доме. В 1979 году этот сосед сбил на своей машине 12-летнего сына Готти. Мальчик виноват был сам: водитель не мог предотвратить столкновение... Семья Готти долго не снимала траур. А потом, через несколько месяцев, сосед исчез. Полиции так ничего и не удалось узнать. Но в клане Гамбино ходили слухи, что автомобиль вместе с запертым внутри обезумевшим от ужаса человеком спрессовали на нью-йоркской свалке старых машин...

И вот Готти — глава семьи Гамбино. Но он правил недолго — всего год.

КТО УБИЛ СЭМА ГЯНКАНУ!

Мафия будет повержена. Так считают обвинители на обоих процессах. Надеются, что от такого удара не оправится вся американская «коза ностра». И все же надежды эти выглядят несколько наивно. Вряд ли тюремные решетки останавливают организацию, путившую столь глубокие корни в экономическую, да и политическую жизнь Америки. Только один факт: в 1985 году прибыль мафии составила, по самым скромным оценкам, 26 миллиардов долларов...

Да и история борьбы с мафией в США не дает оснований для оптимизма. В 1943 году удалось упрятать за решетку семерых главарей преступного мира, взимавших дань с продюсеров Голливуда. В 1975 году многочисленные расследования и слушания, в том числе в сенате, казалось, подорвали основу деятельности мафии. Многие посчитали, например, что от «коза nostra» очищены наконец профсоюзы. Но, увы... Все вернулось на круги своя. А только что в США разразился новый скандал, показавший, сколь раскидисто древо мафии.

За решетку сел президент крупной компании по производству грампластинок и кассет «Рулет рекордз» Моррис Ливи, а с ним еще 21 человек. Они были представителями мафии в музыкальном бизнесе. Угрозами, насилием заставляли владельцев магазинов покупать у них продукцию «Рулет рекордз». Одного отказавшегося зверски убили. Убили детектива, напавшего на их след. Под контроль мафии в конечном счете попал гигантский музыкальный конгломерат «Эм-си-эй». Незаконные прибыли достигли 4 миллиардов долларов в год.

Раскидистое дерево. Глубокие корни. И где-то там, глубоко под землей, переплетаются они с корнями могущественнейших, влиятельнейших служб и институтов США. Эти переплетения, эти связи не упомянуты ни в Бруклинском, ни в Манхэттенском суде. Они тайна тайн, и редко кто рискнет нарушить тут закон «Омерта». Но они существуют. Журнал «Тайм» рассказал о том, что в 1975 году разбирательство действий мафии в конечном счете ни к чему ни приведет. Почему? Один из главных ответов на этот вопрос — в имени «Сэм Гьянкана».

Покойный директор ФБР Дж. Эдгар Гувер велел собрать специальное досье на Гьянкана. Однажды в конгрессе он сказал: у Гьянканы есть чем шантажировать даже правительство США.

Итак, жизнь и смерть мафиози Сэма Гьянканы.

Он родился в 1908 году в Чикаго. Юношей вступил в банду Аль Капоне — мафиози, который чуть было не добился абсолютной власти в Чикаго. Гьянкана был шофером во время налетов, а затем — «солдатом» Аль Капоне. В 1947-м босс чикагской мафии умер. Вскоре Гьянкана занял его место. Он вошел и в состав гангстерской комиссии наряду с нью-йоркскими боссами.

К Сэму Гьянкане часто обращались с просьбами убить того или иного человека. Но не главу государства. А в 1959 году Сэму предложили именно это. «Заказчиком» выступило Центральное разведывательное управление США. Намеченная жертва — лидер только что победившей кубинской революции Фидель Кастро.

В ЦРУ было разработано несколько планов физической ликвидации Кастро: и отравленными сигарами, и ядовитыми таблетками... Но вот появился новый вариант. Директор службы безопасности ЦРУ полковник Шеффилд Эдвардс доложил заместителю директора ЦРУ по планированию Ричарду М. Бисселу, что для убийства Кастро идеально подходит мафия. Мотив очевиден: из-за революции на Кубе мафия потеряла миллиардные прибыли от гаванских казино и поэтому-де мстит Кастро. Решение было принято. Работавший на ЦРУ бывший агент ФБР Роберт Мэхью начал искать человека в мафии, который взялся бы за это дело. В конце концов Мэхью вышел на Сэма Гьянкана. Ему были переданы отравленные таблетки и обещаны двести тысяч долларов. Но не деньги влекли чикагского босса. Он хотел установить с ЦРУ

и Белым домом связи, которые впоследствии спасали бы его от любых неприятностей.

В октябре 1960 года Гьянкана, уже подготовивший несколько мафиози для выполнения задания, решил, видимо, проверить заинтересованность ЦРУ в его персоне. Подружка Сэма, певица Филлис Макгайр, встречалась тайком с известным актером. Гьянкана потребовал, чтобы ЦРУ установило в гостиничном номере актера подслушивающее устройство. ЦРУ продемонстрировало полную готовность выполнить пожелание гангстера. Но агент, проникший в номер, был схвачен! Полицейское управление Лас-Вегаса, где это случилось, собиралось передать дело ФБР. Но ЦРУ быстро приняло меры: в противном случае могла всплыть вся история с задуманным покушением. Адвокат ЦРУ Лоуренс Хоустон связался с помощником министра юстиции Гербертом Миллером, а затем Хоустон, Миллер и уже упоминавшийся полковник ЦРУ Эдвардс обратились к только что назначенному министром юстиции Роберту Кеннеди. Дело замаяли.

Гьянкана честно готовил и посылал убийц, но безуспешно.

Двое мафиози вообще предпочли бежать из Америки, чем отправляться на столь рискованное дело...

ЦРУ вновь выручило чикагского босса в 1965 году: тогда министерство юстиции занялось расследованием деятельности комиссии мафии. Гьянкана, будучи представителем чикагской семьи в комиссии, интересовал органы правосудия едва ли не в первую очередь.

Добиться серьезного приговора не удалось, и Гьянкану осудили лишь за неуважение к суду: он отказывался давать показания перед большим жури.

Однако уже через год и этот приговор был отменен: ЦРУ настояло на том, чтобы Гьянкану «оставили в покое». Вдруг обиженный мафиози начнет говорить?

Прошло почти десять лет.

20 июня 1975 года Гьянкана должен был давать показания перед сенатской комиссией. На сей раз все было куда серьезнее, чем амурные интриги или даже деятельность «совета директоров» мафии. Сенатская комиссия расследовала связи мафии с ЦРУ. В частности в отношении Кубы. Гьянкана уже выступал перед комиссией и пока удачно уходил от вопросов. Но ходили слухи, что 20 июня его наконец припрут к стенке.

В полночь 19 июня Сэм Гьянкану убили в собственном доме, во время вечеринки в семейном кругу. Сэм спустился на нижний этаж взять какую-то еду. Там его и нашли убитого тремя выпущенными в упор пулями. Все в точности по ритуалу мафии: одна — в горло (за то, что говорил), вторая — в рот (чтобы больше уже ничего не сказал), третья — в затылок (последняя точка — для верности). Так мафия расправляется с теми, кто начинает «петь», то есть нарушает закон «Омерта».

Но Сэм был не из тех, кто выбалтывал секреты мафии. К тому же его смерть окружают более чем странные обстоятельства.

Дом мафиози находился под постоянным наблюдением, однако никто не смог точно установить, кто входил и выходил из него во время убийства. В докладе чикагской полиции говорится, что дежурившие там агенты «на двадцать минут расслабились», то есть куда-то отошли... Однако репортеры «Чикаго сан-таймс» видели агентов в это время на посту! Другой факт. Гьянкана был убит из ре-

вольвера 22-го калибра — «мелочь» по стандартам мафии, которая в таких случаях пользуется почти исключительно 45-м калибром. Зато есть профессионалы, которые применяют именно 22-й калибр с глушителем. Это классическое оружие секретных служб. В частности, его выдавали агентам американского отдела стратегических служб во время второй мировой войны...

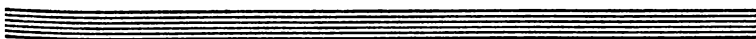
Чарльз Эшман, автор книги «Связи ЦРУ с мафией», убежден: Гьянкану убило ЦРУ. Лэнгли надоело следить за тем, чтобы мафиози не проболтался.

Вот такая история Сэма Гьянканы, босса чикагской мафии. Нетрудно предположить, что аналогичные отношения и сегодня связывают мафию и ЦРУ.

Например, в 1982 году в Нью-Йорке шел суд над 11 мафиози, торговавшими привезенным из Пакистана героином. Но дело в том, что производство героина в Пакистане — занятие афганских контрреволюционеров, опекаемых ЦРУ. Датский журналист Хенрик Крюгер утверждает, что ЦРУ само помогло душманам наладить транспортную перевозку героина в Западную Европу и США. Для этого, пишет он, ЦРУ связало их с американской мафией. В таком случае было бы логично, если бы ЦРУ воспрепятствовало процессу в Нью-Йорке. Так и вышло. Процесс проходил за закрытыми дверями, и все 11 обвиняемых получили на удивление мягкие приговоры.

Считают, что мафия появилась в США в конце XIX века. Первое убийство «коза ностры» произошло в Луизиане в 1889 году. С тех пор организованной преступности не раз предрекали скорый конец. В начале 70-х журнал «Лайф» утверждал, что мафия отжила свое. Но нет больше журнала «Лайф»: он прогорел и прекратил существование. А мафия жива. Слишком тесно связана она с верхушкой американского общества, чтобы погибнуть. И слишком тесно связана с секретными американскими службами. Приведу в заключение цитату Чарльза Эшмана: «Легко заметить, сколько похожего у мафии и ЦРУ. Обе организации используют «крыши», чтобы замаскировать свою истинную деятельность. Ни одна не задумывается над тем, откуда получены средства. Каждая прикладывает максимум усилий, чтобы «отмыть» деньги, исключить возможность того, чтобы их пути в ее сейф можно было проследить...»

Л. ЕЛИН,
журналист-международник.

Фрагмент романа-хроники

Период с девятьсот седьмого по девятьсот двенадцатый год часть исследователей относит к вполне благополучным годам нашего государства, отмеченным началом демократического процесса, столь непривычного для традиций абсолютистского строя, в то время как другая часть ученых видит в этих именно годах окончательное созревание того накального чувства гнева, которое и привело к свержению династии Романовых и торжеству социалистической революции.

Эти исследования (в противовес тем, которые в своих поисках руководствуются более эмоциями, чем объективным анализом фактов, не чужды мистике и былинному ладу) утверждают, что после разгрома первой русской революции, несмотря на провозглашение ряда свобод, под скипетром самодержавного государя и надзором тайной полиции сановная реакция России начала массивное наступление на самое понятие прогресса, всячески старалась оторвать страну от Европы, переживавшей экономический бум, страшилась «диффузии республиканских идей» и не хотела (а может быть, не могла) видеть реальные процессы, происходившие в стране: «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Именно эти годы не могут не привлекать к себе пристального внимания историков, ибо глубинные сдвиги социальной структуры русского общества со всей очевидностью подтверждали положение о затаенной сущности кануна революции: «низы не хотят жить по-старому, верхи не умеют жить по-новому».

Надежды на программу, выдвинутую политическим лидером (таким в ту пору считали Столыпина), были лишены основания, поскольку даже самый одаренный политик обречен на провал, если он лишен поддержки масс, во-первых, и, во-вторых, пытается провести нововведения самолично, без помощи штаба убежденных единомышленников.

Действительно, несмотря на все потрясения первой русской революции, государственный аппарат империи — не только охранка, армия и дипломатия, но и министерства промышленности, торговли, связи, транспорта, финансов — остались прежними по форме и духу; смена двух-трех министров не внесла кардинальных коррективов в экономический организм страны, что совершенно необходимо мировому прогрессу, который вне и без России просто-напросто невозможен. Законодательство, без которого прогресс немислим, также не претерпело никаких изменений. Буржуазные партии не могли да и не очень-то умели скорректировать право в угоду намечавшимся процессам капиталистического, то есть в сравнении с общинным, прогрессивного развития; монархия ничего не хотела отдавать капиталистическому конкуренту; сам держу; я абсолют.

Именно поэтому надежды слабой русской буржуазии на эволюционный путь развития, на то, что с Царским Селом можно сговориться добром, были иллюзией.

Именно поэтому — как реакция на державную непопозволительность — Россию разведали сановные интриги, подсиживания, бес- сильные попытки сколачивания блоков, противостоявших друг другу.

Именно поэтому Россия той поры — ежечасно и ежедневно — становилась конденсатом революции, которая лишь и могла вывести страну из состояния общинной отсталости на дорогу прогресса.

Тщательное исследование документов той эпохи подтверждает, что из ста двадцатимиллионного населения империи всего лишь несколько тысяч человек, объединенных Лениным в большевистскую партию, были теми искрами в ночи, которые пунктирно освещали путь в будущее.

...Одним из таких человеко-искр был Феликс Дзержинский.

I

Дзержинский спешил в Петербург потому, что там начинался суд над депутатами разогнанной Столыпиным первой государственной Думы.

В поезде, прижавшись головою к холодному стеклу, по которому ползли крупные капли дождя, Дзержинский читал корреспонденцию в черносотенном «Русском Знамени» о выступлении председателя «Союза Русского Народа» доктора Дубровина перед союзниками в Вологде:

«Наш народ не принимал и не примет Думу, поскольку она есть не что иное, как порождение сил, чуждых русской национальной

идее, которая была, есть и будет идеей самодержавной, персонифицированной в образе вождя, неограниченного монарха, принимающего решения, неподвластные ничьему обсуждению. Пусть Запад, прогнивший в конституционном разврате, называет Русь-матушку «державой рабов», пусть! Это от страха перед нашей могучей силой, раскинувшейся от Варшавы до Владивостока! Какая еще в мире держава может сравниться с нашей силой и раздольем?! Заговор иноземных сил против русского духа — вот что такое Дума!»

Дзержинский сунул газету в карман, недоуменно пожал плечами. Неужели этот самый доктор не видит, что Россия отстала от Запада по всем направлениям? Неужели национализм может сделать человека полубезумным?

Кадеты в своих газетах прекраснотушничали, упоенно писали о новой поре, когда исполнительная и законодательная власть найдут в себе мужество завершить под скипетром государя то, что началось в стране после того, как завершилась революция. А что началось? Отчаяние, неверие в способность сановников и молодящихся приват-доцентов сделать хоть что-нибудь, салонное сотрясение воздуха, пустая болтовня, страх перед кардинальным решением.

Правоцентристская партия «17 октября», гучковские октябристы (ах, Кирилл Прокопьевич Николаев, не к тем вы примкнули, жаль, голова светлая, болезнь страны видели еще в девятьсот втором, отчего же эдакий пируэт?!) бранили кадетов за левизну, социал-демократов — за бунтарство. «Союз Русского Народа» — за негибкость, на одной только первой полосе сорок семь раз повторено: «патриотизм и национализм»; крылатый лозунг Александра Ивановича Гучкова; десять процентов грамотных на всю страну, про метрополитен знают пятьдесят тысяч, имеющих деньги на выезд в Берлин или Париж; махонькая Англия лет чугуна в три раза больше России, а уж сколько пароходов строит и паровозов,— сказать страшно, позор Российской империи, плетемся в хвосте прогресса, стыд и срам.

Ощущать надвигание общественных катаклизмов дано отнюдь не каждому политику; требовать знания социальных подробностей, которыми всегда отмечен кризис умирающей власти,— значит мечтать о невозможном; таланты, как правило, рождаются передовой идеей; эпохи посредственности отмечены серостью искусства и науки; именно революция выдвигает тех, кто умеет в капле воды видеть звезды.

...Спускаясь по мокрым ступеням вокзала, Дзержинский сразу же заметил толстого, громадного Евно Азефа. Тот, подняв воротник дорожного пальто, быстро шел к закрытому экипажу. Лицо человека, который ждал его в нем, было видно Дзержинскому одно лишь мгновение — незнакомое, холеное, несколько мертвенное.

Товарищи эсеры, подумал Дзержинский, верны себе: шикарные городские революционеры, при этом защитники крестьянской общины!

...Дзержинский не знал и не мог тогда знать, что встречал Азефа не товарищ по партии, а Александр Васильевич Герасимов, начальник петербургской охранки, сыгравший, кстати говоря, не последнюю роль в дальнейшей судьбе Феликса Эдмундовича.

...Свиты Его величества генерал-майор Дмитрий Федорович Трепов принадлежал к старинному дворянскому роду. Братья его — Александр, егермейстер, сенатор, член государственного совета; Владимир, тайный советник и шталмейстер, член государственного совета и сенатор; Федор, генерал-адъютант, член государственного совета и сенатор, — воспитывались, как и он сам, в доме отца, Федора Федоровича, того самого Санкт-Петербургского градоначальника, в которого 24 января 1878 года стреляла Вера Ивановна Засулич — мсть за порку в тюрьмах и доведение арестантов до самоубийства.

Младший сын, Дмитрий Трепов, пережил покушение на отца особенно тяжело, поэтому, кончив Пажеский корпус и прослужив в лейб-гвардии конном полку, он отказался от карьеры, которая, конечно же, была бы стремительной, поменял форму гвардейца на жандармские погоны и сделался московским обер-полицмейстером в возрасте сорока одного года; поставил на Зубатова, устроил с его помощью торжественное шествие рабочих во главе с великим князем Сергеем Александровичем к памятнику Александру II, нареченному «освободителем»; возложили венки, провели панихиду; никаких революционных выступлений не было; Трепов ликовал: план Зубатова оказался той панацеей, которая даст империи успокоение, позволит навсегда искоренить крамолу революции, бредни социалистов, одержимых западной идеей.

Однако же перемещения, на которые столь скор Двор (кто первый нащепал на ухо государыне или Самому, тот и победил), больно ранили Трепова, когда он, не справившись с беспорядками в первопрестольной, был отлучен от должности с приказом отправиться в действующую армию, на Дальний Восток. А как он мог справиться с чернью, когда войска терпели поражения в Маньчжурии, цены в Москве росли ежемесячно, власть отталчивалась, являя народу державную величавость, которая на самом-то деле была проявлением обломовщины — люди, лишённые здоровой общественной идеи, не могли предложить ничего нового; удержание, только удержание существующего, никаких реформ, ни в коем случае не отступать от привычного: «не нами положено, не нам и менять»...

Спасло чудо: в день, когда было объявлено про его отлучение от должности, девятнадцатилетний студент Полторацкий стрелял в Трепова за то, что по его приказу были избиты демонстранты, генерал отделался испугом; нажал на связи, появились сообщения в прессе; страдалцы, шуты и убогие нравились государю; тут еще подвалило «красное воскресенье» — вместо дальневосточной окраины Трепов был переведен в Петербург, генерал-губернатором; приказ «патронов не жалеть» сделал его знаменем черносотенцев; назначили — спустя три месяца — товарищем министра внутренних дел и «заведовавшим полицией», с оставлением в должности генерал-губернатора; в конце октября девятьсот пятого года, когда тучи ступили над Царским Селом, получил назначение дворцовым комендантом — самый близкий к государю сановник, вхож в кабинет в любое время дня...

Именно он, Дмитрий Федорович Трепов, позвонив директору департамента полиции Лопухину, спросил, кого тот может рекомендовать на пост начальника петербургской охраны.

— Полковника Герасимова, — ответил Лопухин. — Он Харьков крепко держит.

Вызвав Герасимова в Петербург, Лопухин посоветовал:

— Не вздумайте отказываться, Александр Васильевич. После «красного воскресенья» Трепов получил неограниченные полномочия от государя, человек он норова крутого, поломаете себе карьеру.

Герасимов тем не менее весь день — накануне визита к петербургскому диктатору — готовил фразу, которая бы мотивировала резонность отказа: «Чтобы бороться с революцией, город надо знать как свой карман».

В кабинете Трепова, однако, сник и, кляня себя за врожденное рабство по отношению к вышестоящему начальнику, покорно согласился, заметив лишь, что боится не оправдать, подвести, не сдюжить.

— Рачковский поможет, — хмуро произнес Трепов. — Завтра с утра и приступайте с богом.

Герасимов прикрыл на мгновение веки и, стараясь не терять достоинство, произнес:

— Но я должен сдать Харьков преемнику и семью сюда перевозить...

— Через две недели вам надлежит быть здесь, — сказал Трепов, — Время не ждет.

В тот день, когда — ровно через две недели — Герасимов вошел в кабинет Трепова, тот стоял у телефонного аппарата бледный, с капельками пота на висках, повторяя:

— Господи, вот ужас-то, вот ужас, ужас, ужас, ужас...

Так Герасимов узнал про то, что в Москве взорван бомбой эсеровских террористов великий князь Сергей Александрович.

...Часом позже Трепов бурей ворвался в кабинет директора департамента полиции Лопухина и, не прикрыв дверь, выкрикнул гневно:

— Убийца!

Через пять минут об этом узнал аппарат тайной полиции России. Лопухин был обречен.

Да, здесь, в столице, схарчат в одночасье, подумал тогда Герасимов; кто смел, тот и съел; в смутное время о себе думать надо, только так и дано выжить, иначе погибель, нищета и беславие.

...Старый змей Рачковский, состоя экспертом при Трепове, долго всматривался в холеное лицо Герасимова (провинциал, следит за внешностью, усы фиксатурит, удлиняет каблук, чтоб казаться выше, глаза, однако, торговые, с хитринкой), а потом грустно вздохнул:

— Дмитрию Федоровичу известно, что в городе появилась террористическая группа. Готовят акт против великого князя Владимира, генерал-губернатора, бог знает, против кого еще... Денег не жалейте, но подлецов найдите. Если преуспеете — победитель, прохлопаете — конец вашему будущему, время крутое, кости хрустят, сначала-то своих ломают, это легче, искать не надо, под рукою, есть на ком зло выместить. Ну, а я чем могу, понятно, помогу.

— Чем же? — поинтересовался Герасимов, не отводя взгляда от пергаментного лица Рачковского; мало в нем русского; женат на француженке, большую часть жизни провел в Европе, заведующий заграничной агентурой; znalся с папой Львом тринадцатым, открыто ненавидел немцев, стоял за русско-французское единение; не иначе, республиканец. Немец, как и русский, консерватор и монархист; кайзера чтит, а для француза нет авторитета, несет, что душе угодно — на этом-то и погорел, голубь, когда прислал из Парижа письмо

вдовствующей императрице Марии Федоровне, что ясновидец месье Филипп на самом деле скрытый масон, подведенный к Николаю и государыне змеями. Письмо не влестило, не угадал настроения самого; министр Плеве, несмотря на бывшие заслуги Рачковского — Народную Волю он ведь разгромил, никто другой, — несмотря на его фантастические связи в кабинетах Европы, вышвырнул его в отставку. Лишь после того, как сам Плеве был разорван террористами в ключья и началась заваруха, Трепов возвратил Рачковского на права директора политической части департамента полиции с неограниченными полномочиями.

...Рачковский не только выдержал пронизывающий взгляд Герасимова, но самого шефа охранки заставил опустить глаза долу, подумав при этом: «Ты так на своих харьковских «подметок» * смотри, на меня не смей, затопчу». Слово «взорву» даже про себя боялся произнести, поскольку министра Плеве с его подачи боевики порвали в ключья, не с чьей-нибудь еще.

— Помогу идеями, — улыбнулся наконец Рачковский. — Они дорого стоят, а что есть на свете дороже, чем мужская дружба, Александр Васильевич?

Такой перешагнет через труп и не посмотрит, подумал Герасимов, пожимая руку Рачковскому, либо его действительно держать в друзьях, или закапывать так, чтобы не поднялся.

Вернувшись тогда в охранку, Герасимов, не испрашивая разрешения Трепова (тот увиливал от однозначных ответов, повторял, как все, что, мол, торопиться не надо, пусть все идет своим чередом, главное не проявлять суеты, величие державы говорит само за себя; европейские писаки только и ждут, как бы за что нас укусить, не дадим им такой привилегии, выдержка и еще раз выдержка, достойная нашей исторической традиции), вызвал помощников и сказал, что берет на себя внешнее наблюдение: будь то прослеживание маршрутов Витте и Трепова — в целях, понятно, их же безопасности, — наблюдение за членами государственной Думы и работу по летучим отрядам эсеровских террористов.

После этого отправился в кабинет Евстратия Павловича Медникова, ближайшего друга и помощника Зубатова, уволенного покойным Плеве без права проживания в столицах. Как часто бывало и ранее, увольнение начальника не сказалось на его аппарате. Поболел три месяца, дождавшись, пока уляжется шум, вернулся на службу как ни в чем не бывало. Был Медников коротконог, увалист, но в движениях между тем порывист; грамоте не учен; из унтеров; семья занималась в Ярославской губернии мелкой торговлей, пробавляясь розничным товаром; резвый на ум, сыпавший северными словечками, мол, сын народа, по-иностранию брезгую, да и рафинированным петербургским тоже — сплошные ужимки; именно этот человек, с зубатовской еще поры, ведал секретной агентурой северной столицы.

Первая встреча с ним состоялась у Герасимова три года назад: в благословенные годы тишины и мира в империи сыск еще возглавлял Зубатов, был вызван в северную столицу с отчетом.

Посмеиваясь, рассыпая словечки, словно горох по деревянному столу, Медников тогда говорил:

— Плохо работаете, Александр Васильевич, с руки вон плохо, срам, срам! Ни единой типографии в своем Харькове не открыли,

* Агентура охранки.

а поручик Кременецкий в Екатеринославской губернии каждый год четыре штуки накрывает...

Герасимов заохолодел от гнева:

— Я типографии не арестовываю потому, милостивый государь Евстратий Павлович, что у нас таких нет, а самому ставить на деньги департамента, чем занимается Кременецкий, чтоб внеочередные награды получать,— увольте, не стану.

После этого до крайности неприятного разговора сразу же отправился к начальнику департамента полиции Лопухину:

— Алексей Александрович, допустимо ли, что Медников и его фавориты тратят деньги департамента, помогая революционерам ставить подпольные типографии, а потом, арестовав последних, получают за это награды и звания?

Лопухин тогда мягко успокоил Герасимова, отпустил с миром, намекнув на скорое его повышение по службе; слово сдержал, через месяц дал погоны подполковника. Воистину смелых бояться; кто кулаком по столу стучает, тот и победил; молчуна отбрасывают с дороги мыском сапога, раб не страшен, цыкнешь на такого — в штаны наложит; страшатся громких, на том Европа силу набрала, только мы радеем, чтоб все мышами жили, не высывались...

...И вот, спустя три года, увидав Герасимова в своем маленьком полутемном кабинетике, Медников сорвался со стула, рассыпался горохом поздравлений; может, чего и не так было, так из-за того это, что пень неученный, но служить, чего не отнять, умею и начальству предан душой.

— Молодец,— прервал его Герасимов.— Знаю. Только вы меня и отучили на слово верить, Евстратий Павлович. Делу верю. Вы по указанию Трепова и министра Дурново кому отчеты ежедневные по секретной агентуре передаете?

— Ну как же, Рачковскому, вашему советнику, и передаю, Александр Васильевич.

— Так вот, отныне вы не ему только передавайте, а все, абсолютно все — мне. И никому больше. Ясно?

— Ну, как же не понять, Александр Васильевич?! Все будет исполнено как надобно, уж не сомневайтесь.

— Причем запомните: меня террор волнует. Сейчас. В данный, конкретный момент. Именно террор.

— Значит, социал-демократов не освещать?

— Господь с вами,— усмехнулся Герасимов и не отказал себе в унижающем собеседника,— милейший... И социал-демократов освещать, и наблюдение за Думой вести, и перлюстрировать письма наших аристократов, и собирать полнейшую информацию о Милюкове, Гучкове, Дубровине. И все мне на стол. Но главное — террор. А сейчас пораскиньте, милейший, кого бы вы мне назвали как самого опасного человека в терроре?

— Савинков, кто же еще,— ответил Медников, глядя на Герасимова влюбленным взглядом.

— Подходов у вас к нему нет?

— У меня? — переспросил тот.

— Не у министра же.

— Ах, если бы,— ответил после некоторой паузы Медников.— Не подкрадешься к такому бесу, осторожен и смел.

В тот же день три филера, привезенные Герасимовым из Харькова, доложили, что Медников из охраны отправился поздней ночью

к Рачковскому, соблюдая при этом все меры предосторожности: трижды проверился, сворачивал в проходные дворы, видно, сильно нервничал.

II

Кухарка Рачковского, завербованная Герасимовым, всего разговора друзей не слышала, но ей запомнилась фраза Рачковского: «Запомни, за Филипповского ты мне головой ответишь. Он мой. Он мне нужен. А потому — тебе. И если он попадет к Герасимову, отвечать тебе придется головой, я двойной игры не прощаю».

Именно в это время Евно Филиппович Азеф с осторожной подачи Рачковского (через третьи руки, никаких улик или прямых контактов) начал подготовку акта против министра внутренних дел Дурново, который перестал устраивать Трепова, поскольку личная разведка столичного диктатора принесла ему на блюдечке подарок: имя человека, который был готов взять на себя министерство внутренних дел, чтобы навести в стране жестокий, но вполне справедливый порядок; звали его Петр Аркадьевич Столыпин; в отличие от Дурново, да практически от всех людей, входивших в орбиту Двора, он имел программу действий, во время бунтов не растерялся, был готов на волевые решения, не страшился ответственности.

Естественно, наблюдение Герасимова засекло трех «извозчиков», тершихся вокруг дома Дурново; почерк эсеров, те и Плеве таким же образом обложили; бомбисты, ясное дело; осуществлял связь между ними Азеф.

Старик филер, начавший службу еще в Третьей Канцелярии Его Императорского Величества в прошлом веке, обозначил в своих безграмотных рапортах некоего человека, замеченного вместе с «извозчиками» «нашим Филипповским»; как на грех, в это время Медников лежал с простудой, и рапортчики попали Герасимову; тот вызвал старого филера на «дружескую беседу», угостил рюмкой хереса и поинтересовался, отчего человека, подозреваемого в терроре, он называет «нашим».

— Да, господи,— сияя глазами, отрапортовал филер,— мне ж его еще три года назад в Москве Евстратий Павлович Медников показал. В булочной Филиппова это было, оттого мы его и обозвали «Филипповским». Самый, сказал тогда Евстратий Павлович, ценный сотрудник охраны, страх и гроза, умница и прохиндей...

Такая кличка никем ни разу в охране не произносилась. Герасимов отправился в департамент полиции, к Рачковскому. Тот, хоть и формально, числился начальником секретной части, несмотря на то, что проводил все дни в приемной Трепова.

Выслушав вопрос Герасимова, пожал плечами, отошел к сейфу, где хранились имена «коронной» агентуры, принес на стол американские картотеки, предложил шефу охраны самому посмотреть все формуляры, недоумевал, откуда мог появиться этот самый «Филипповский»: «Скорее всего фантазия филера, они к старости все фантазеры; у меня, увы, сейчас нет никого, кто бы имел выходы на террор, я ж все больше чистой политикой занимаюсь, Александр Васильевич...»

Герасимов выразил благодарственное удовлетворение ответом «старшего друга», но, вернувшись к себе, повелел Филипповского

схватить при первой же возможности; когда ему возразили, что это может провалить всю операцию по слежению за группой террористов, ответил:

— Не надо учить ученого. А коли решитесь жаловаться, сверну в бараний рог, ибо выполняю личное указание министра.

Личного указания не было; никто, даже Трепов, обо всем этом не знал; Филипповского подстерегли, сунули в закрытый экипаж и доставили в кабинет Герасимова.

Азеф, сдерживая ярость, протянул Герасимову паспорт:

— Меня знают в свете, я инженер Черкес, если я не буду освобожден, завтра же Петербург прочтет в повременной печати о полицейском произволе, который был возможен лишь до манифеста, дарованного нам государем! Кто-то хочет бросить тень на монарха и тех, кто стоит с ним рядом во имя святого дела обновления России.

Ярился он долго, минут двадцать, Герасимов сидел за столом, отодвинувшись в тень так, чтобы свет бронзовой настольной лампы под большим зеленым абажуром не освещал лица. Дав арестованному пошуметь, тихо, чуть не шепотом спросил:

— Скажите, а работа в качестве секретного агента тайной полиции никак не бросает тень на священную особу монарха, ратующего за обновление России?

Азеф на какое-то мгновение опешил, потом поднялся во весь свой громадный рост:

— Да вы о чем?! Мне?! Такое?!

— Именно. Но в развитие нынешнего демократического эксперимента я даю вам право ответить мне «да» или «нет».

— Нет! Нет! И еще раз нет!

— Ваш ответ меня удовлетворяет, несмотря на то, что он лжив. Я никуда не тороплюсь, комната вам здесь приготовлена, отправляйтесь туда, посидите, подумайте и, когда решите говорить со мною начистоту, дайте знать... Пока еще я готов к продолжению беседы с вами.

...Через два дня Азеф попросился к Герасимову:

— Да, я был агентом департамента полиции. Готов рассказать обо всем вполне откровенно, но лишь при одном условии: я хочу, чтобы при нашей беседе присутствовал мой непосредственный начальник.

— А кто это, позвольте полюбопытствовать?

— Петр Иванович Рачковский.

Герасимов медленно, картинным жестом снял трубку телефонного аппарата, сказал барышне номер, приложил рожок к своим чувственным, несколько даже женственным губам и сказал, чуть пошмываясь:

— Петр Иванович, слава богу, тут задержали этого самого Филипповского, о котором я вас спрашивал, а вы ответствовал, что он вам совершеннейшим образом неизвестен. И, представьте, он принес устное заявление, что прекрасно знаком и, более того, служил под вашим началом, освещая социал-революционеров.

— Да быть того не может, Александр Васильевич,— с подкупающей искренностью отвечивал Рачковский.— Какой же это Филипповский!? Прямо ума не приложу, вот ведь беда! Какой хоть он из себя? Вы-то его уже видели самолечно?

— Так он напротив меня сидит, как не видеть,— сказал Герасимов, дружески улыбувшись Азефу.— Только он отказывается со

мною беседовать, коли вы не придете,— как-никак непосредственный многолетний руководитель...

— Он здоровый такой, да? — спросил Рачковский.— Губищи, как у негра, и глаз маслиной?

— Ну, губы у него вовсе не негритянские,— ответил Герасимов и сразу же заметил в глазах Азефа такую глубокую, яростную и униженную ненависть, какую редко видел в жизни.

Когда Рачковский приехал к Герасимову и засеменял было к Азефу, тот поднялся во весь свой огромный рост, руки ему не подали и закричал:

— Сучье вымя! Я твою маму видел в белых тапочках! Ну, долбаный мышонок, сын...

Такой матерщины Герасимов в своей жизни не слышал ни разу; приехав в Петербург, он со свойственной ему тщательностью знакомился с городом, побывал, конечно же, и в трущобах на Калашниковской набережной, но даже там, среди босяков и продажных девок, ему не доводилось слышать извержения вдохновенной брани, свидетелем которой он стал.

— Неблагодарный мелкий чинодрал! — продолжал буйствовать Азеф.— Вы делали на мне карьеру! Моя информация докладывалась в Сферы! За вашей подписью! А потом вы бросили меня — революции и все такое прочее! Без денег! Без инструкций! Ни на одно мое письмо не ответили! И чтобы не сдохнуть с голода, я именно по вашей милости связался с бомбистами! Да, да, это я ставлю акт против Дурново! Я писал вам, предупреждал добром, что необходимы помощь и поддержка, объяснял ситуацию, говорил, что все может кончиться! А вы?!

Рачковский стремительно глянул на Герасимова, сохранявшего отстраненную невозмутимость, с ужасом подумал о том, в какой мере этот харьковский провинциал вник в затаенный смысл происходящего, и чуть что не взмолился:

— Евгений Филиппович, да не волнуйтесь же так, бога ради! Право, все образуется! Винюсь! Винюсь перед вами, но ведь мы подданные обстоятельство, постарайтесь понять меня верно!

Неужели и впрямь именно милейший Петр Иванович, думал между тем Герасимов, затеял комбинацию по устранению министра Дурново таким долгим образом? Он Азефа знает много лет, характер его изучил вполне, мог достаточно четко представить себе, куда повернет подопечного, оставь его на произвол судьбы, темперамент южный, гонору тьма, ума палата, ясное дело, пойдет в то предприятие, которое сулит выгоду. А успех акта против Дурново означает огромный приток пожертвований в кассу бомбистов партии эсеров. А кто их кассой распоряжается? Он, Евгений Филиппович. На акт идут несчитанные деньги, герою — карты в руки, конспирация предполагает полнейшую неподотчетность, кровавое дело строится на вере, иначе нельзя...

— Хотели меня под тыльную пулю подвести?! — бушевал Азеф.— Чтоб все шито-крыто?! Не выйдет! Не пальцем сделан!

А ведь удача мне сама в руки плывет, подумал Герасимов. Трепов валит премьера Витте, будут искать нового, главная пружина российской иерархии не премьер, а министр внутренних дел, тот, кто держит, вот уж воистину несчастная держава,— «тащить и не пущать», разрешили б дело,— не было б никаких революций! А то как собаки на сене — сами не могут и тем, кто умеет, перекрывают

дорогу. Только потому все эти Милюковы с Гучковыми и появляются, им бы свободу поступка, так ведь нет, нельзя, хоть ты тресни! А господа бомбисты тут как тут, спасители отечества! Дудки, Петр Иванович Рачковский, не ты, мумия парижская, а я стану строить комбинации! Я, и никто другой!

— Господа,— вступил наконец в разговор Герасимов, отчего-то горестно вздохнувши, не отводя при этом взгляда от лица Азефа, пошедшего красными нервическими пятнами,— зачем вы все о прошлом?! Я сострадаю Евгению Филипповичу и обязан сказать об этом совершенно открыто, как на духу. Вопрос с актом против его высокопревосходительства министра внутренних дел империи закрыт, я полагаю. Видимо, теперь Евгений Филиппович найдет возможным сменить гнев на милость и предложит выход из создавшегося положения... Как будем жить дальше, вот в чем вопрос. Что станем делать в самое ближайшее будущее?

Азеф неожиданно рассмеялся:

— Вы спросите Рачковского, как он хотел члена нашего ЦК Рутенберга купить? Спросите, каков его агент поп Гапон? Выдал он Петру Ивановичу нашу боевую организацию?

Герасимов посмотрел на Рачковского вопрошающе. Тот залился мелким, колыхающимся смехом, по-птичь, как-то жалостливо завертел головой, словно собирался клевать корм, мазанул лицо Герасимова стремительным взглядом и снова забегал по кабинету.

— Да вы сядьте,— продолжал между тем Азеф, испытывая злоданное удовлетворение,— у вас и в спине испуг чувствуется, Петр Иванович. Я по спине человека снимаю еще точнее, чем по лицу... Знаете, где сейчас ваш агент Гапон находится? Нет? Он, голубь, уже месяц как висит на крючке в заброшенной дачке на финской границе. А под крюк Рутенберга, который его казнил по приговору нашего ЦК, его ведь вы подвели... Между прочим, коли б вы с ним вместе пошли на ту дачку, как хотели, и вас бы вздернули. А пятьдесят тысяч золотом, что вы на операцию по вербовке Рутенберга получили у Дурново с Лопухиным, тью-тью! С концами...— Азеф потер лицо своей большой, оладьистой ладонью и, наконец, обернулся к Герасимову.— Что же касается моего будущего сотрудничества с вами, то сначала извольте уплатить мне пять тысяч рублей— жалованье за то время, что господин Рачковский игры водил с Гапоном. И еще семь тысяч на оплату подготовки акта против Дурново: извозчики, гостиницы, трактиры, экипажи, кони. И впредь прошу выплачивать мне тысячу рублей золотом ежемесячно. Без всяких предварительных условий... Акт на Дурново прервите легко: сообщите в газетах, контролируемых вами, что напали на след бомбистов. И поставите слежку: за моими «извозчиками». Пусть их пасут денно и ночью, группа сама распадется. Я буду звать продолжать террор, убеждать, что мы Дурново поднимем, несмотря на это, с экипажем и конями в воздух,— мне не поверят, предложат повременить, поискать новые возможности. Ни одного из моих «извозчиков» не брать, иначе засветите меня, а я вам еще пригожусь.

Дурново выслушал доклад Герасимова, жестко усмехнулся, когда начальник столичной охраны запустил про то, что Азеф, согласившись вернуться на работу, подвергает свою жизнь смертельному

рису — революционеры провокаторов казнят безжалостно, — и поинтересовался:

— А когда меня «извозчики» с динамитом ждут, моя жизнь риску не подвергается?! Я во дворец выехать не могу — по вашему же указанию, полковник! Я, министр, вынужден вам подчиниться! Каково мне в глаза государю глядеть?

Герасимов понимающе вздохнул, подумав при этом: «Чего ж мне-то врешь, голубь?! К какому государю я тебя не пускал?! Ты ж тайком по ночам к Зинаиде Сергеевне едешь, в номера! И к Полине Семеновне, в ее дом, — благо, вдова, ничего не остерегается, кричит так, что прохожие вздрагивают, думая, не насилуют ли кого... Конспиратор дерьмовый...»

— Хочет этот самый Азеф работать, — продолжил Дурново, — пусть себе пашет, я не против: время беспокойное, каждый сотрудник позарез нужен. Что же касается риска, то мы его оплачиваем. — И легко подписал документ, калькулирующий расходы за труд Азефа, добавив при этом: — Пусть его по-прежнему Рачковский курирует, но все встречи проводить в вашем присутствии. Все до единой.

Герасимов, однако, решил по-своему, ибо достаточно уже обжиллся в столице, получил информацию, которая есть ключ к незримому могуществу, вошел во вкус дворцовых интриг и начал грести на себя — хватит каштаны из огня таскать. Раз в месяц он встречался с Азефом в присутствии Рачковского, а дважды — с глазу на глаз. Во время этих-то бесед и рождалась стратегия террора, на который — в своей борьбе за власть и продвижение вверх по карьерной лестнице — решил поставить Герасимов, понимая, что рискует он не чем-нибудь, а головой.

...После разгона первой Думы, которая показалась двору слишком революционной, после того как Трепов и Рачковский скупались и Витте и вместо Сергея Юльевича пришел вечно дремавший Горемыкин, а Дурново, получив почетную отставку, сразу же свалил в Швейцарию, вместо него в столице появился новый министр, Столыпин, — провинциал с цепкими челюстями. Когда дедушка Горемыкин ушел на покой, уступив место Петру Аркадьевичу, когда выбрали вторую Думу, но она, по мнению Столыпина, оказалась еще более левой, чем первая, именно Герасимов — в обстановке полнейшей секретности — обговорил с Азефом план провокации, которая позволила и эту, неугодную правительству, Думу разогнать.

...Именно поэтому Герасимов самолично встречал Азефа на вокзале, не предполагая даже, что зеленые глаза Дзержинского фотографически точно зафиксировали его лицо в закрытом экипаже, куда садился руководитель эсеровской боевки Азеф, знакомый Феликсу Эдмундовичу еще по Швейцарии, — свели их там Яцек Каляев* и Савинков три года тому назад.

...Ах, память, память! Духовная категория куда более страшная по своей взрывоопасности, чем тонны динамита; если взрывчатка может разложиться, сделаться рыхлой массой, без запаха и вкуса, то память уничтожить нельзя, — вечная категория, всяческое умолчание лишь укрепляет ее мощь, делая по прошествии лет все более страшной для безнравственных тиранов, лишенных социальной идеи и человеческой порядочности.

* Дзержинский по-дружески звал Ивана Каляева Яцекком.

III

Получив через верных друзей пропуск на процесс по делу бывших членов первой государственной Думы, Дзержинский зашел в писчебумажную лавку Лилина, что на Невском, спросил у приказчика два маленьких блокнота и дюжину карандашей.

Молодой сонный парень, в поддевке, бритый под горшок, но в очках, завернул требуемое в бумажный срыв, назвал цену и лаюше, с подвывом зевнул.

— Вы карандаши, пожалуйста, заточите,— попросил Дзержинский,— они мне потребуются в самом близком будущем.

— Придете домой и обточите,— ответил приказчик.

— Тогда, быть может, у вас есть бритва? Я это сделаю сам, с вашего разрешения. На улице достаточно сильный мороз...

Приказчик осклабился:

— Что, русский мороз не для кожи ляха?

Дзержинский осмотрел его круглое лицо: бородка клинышком, тщательно подстриженные усы, сальные волосы, глаза маленькие, серые, круглые, в них нескрываемое презрение к ляху, который и говорит-то с акцентом.

— Где хозяин? — спросил Дзержинский холодно.— Извольте пригласить его для объяснения...

Приказчик как-то враз сник. Дзержинскому показалось даже, что волосы его стали еще более маслянистыми, словно бы с а л и л и с ь изнутри, от страха.

— А зачем? — осведомился парень совсем другим уже голосом.

Дзержинский стукнул ладонью по прилавку, повысил голос:

— Я что, обратился к вам с невыполнимой просьбою?!

— Что там случилось? — послышался дребезжащий, усталый голос на втором этаже. По крутой лесенке спустился высокий старик в шотландском пледе, накинута поверх длинного, старой моды, сюртука; воротник его был до того высоким, что, казалось, держал шею, насильственно ее вытягивая.

— Добрый день, милостивый государь.— Дзержинский чуть поклонился старику.— Я хочу поставить вас в известность: как журналист, я обязан сделать все, чтобы вашу лавку обходили стороной мало-мальски пристойные люди. Я не злоупотребляю пером, согласитесь, это оружие страшнее пушки, но сейчас я был бы бесчестным человеком, не сделав этого...

— Заранее простите меня,— сказал старик,— хотя я не знаю, чем вызвал ваш гнев... Понятно, во всех случаях визитер прав, а хозяин нет, но объясните, что произошло?

— Пусть это сделает ваш служащий,— ответил Дзержинский и медленно пошел к двери.

Приказчик молча бухнулся на колени, а потом, тонко взвизгнув, начал хватать хозяина за руку, чтобы поцеловать ее:

— Да, господи, Иван Яковлевич, бес попутал! Оне просили карандаши заточить! А я ответил, чтоб сами это дома сделали...

— Милостивый государь,— остановил Дзержинского старик,— позвольте мне покорнейше отточить вам карандаши. Право, не оттого, что я боюсь бойкота моей лавки, я обязан это сделать.— Он брезгливо выдернул свою руку из толстых пальцев приказчика.— Однако, полагаю, вас огорчил не только безнравственный отказ этого человека... Я допускаю, что он,— старик кивнул на по-преж-

нему стоявшего на коленях приказчика,— вполне мог сказать нечто, задевшее ваши национальные чувства, не правда ли?

— Верно,— согласился Дзержинский.— Тогда отчего же, зная это, вы держите такого служащего?

— Посоветуйте другого, на тот же оклад содержания,— буду премного благодарен...

— Иван Яковлевич, отец родимый,— взмолился приказчик,— простите за ради Христа темного сироту! Все ж про поляков так говорят, ну я и повторил, винюся, не лишайте места!

— А кто это «все»? — поинтересовался Дзержинский.— В «Союзе Русского народа»? Вы их сходки посещаете?

— Так ведь они за успокоение говорят, чтоб смута поскорей кончилась!

— Боже мой, боже мой,— вздохнул старик, начав затачивать карандаши,— какой это ужас, милостивый государь: темнота и доверчивая тупость... Неграмотные люди повторяют все, что им вдалбливают одержимые фанатики... Судить надо не его, а тех образованных, казалось бы, людей, которые учат их мерзости: во всех наших горестях, видите ли, виноват кто угодно, только не мы, русские... А ведь мы кругом виноваты, мы! «Страна рабов, страна господ»... Ах, было б поболее господ, а то ведь рабы, кругом рабы... Вот, извольте, я заточил карандаши.— Старик подвинул Дзержинскому семь «фарберов» и начал медленно подниматься по скрипучей лесенке. Остановился, стараясь унять одышку, и улыбнулся какой-то отрешенной улыбкой.— Между прочим, в этом доме у моего деда Ивана Ивановича Лилина обычно покупал перья ваш великий соотечественник пан Адам Мицкевич...

В час дня в здании окружного суда, что на Литейном, при огромном скоплении зевак на улице (в помещение не пустили жандармы) начался процесс над членами распущенной первой Думы...

В час двадцать приехал Герасимов, устроился в самом уголке тесного зала, скрыв глаза темным пенсне; борода припудрена, чтобы казалась седой. Дзержинский сидел рядом, записывал происходящее.

Герасимов мельком глянул на Дзержинского; понял, что нерусский, видимо, щелкопер с Запада, их здесь сегодня множество; пусть себе пишут, дело сделано; во всем и всегда главное — прихлопнуть, доведя до конца задуманное, потом пусть визжат, не страшно, лет через двадцать клубок начнет раскручиваться, но мне-то будет седьмой десяток, главное — сладко прожить те годы, когда ты силен, каждый день в радость, по утрам тело звенит, ласки просит; медленно, ищуще перевел взгляд на следующий ряд (неосознанно искал в лицах ассоциативное сходство; верил, что все люди есть единое существо, раздробленное на осколки)...

В третьем ряду Герасимов заметил девушку, невыразимо похожую на несчастную Танечку Леонтьеву. Красавица, умница, дочь якутского вице-губернатора, вступила в отряд эсеровских бомбистов, а ведь была вхожа во Двор, в ближайшие дни ей предстояло сделаться фрейлиной Александры Федоровны, императрицы всея белая и желтая... Вот ужас-то, господа! Уж после ее гибели Герасимов узнал, что бомбисты одобрили план Леонтьевой: во время бала, где отвели роль уличной продавщицы цветов, Танечка должна была подойти к государю с букетиком незабудок, а подо-

шла, так и засадила б в монарха обойму,— ответ на убийство во время кровавого воскресенья...

В Петропавловской крепости несчастная лишилась ума, польку-бабочку сама с собою в камере танцевала. Отец вымолил ей освобождение, отправил в Швейцарию, в Интерлакен, в лучшую санаторию, а Танечка как в себя пришла, так сразу к Борису Викторовичу, к дьяволу Савинкову: «Хочу вернуться в террор». Тот порыв одобрил, но просил еще маленько подлечиться... Так ведь нет, пристрелила в своем санатории семидесятилетнего парижского коммерсанта Шарля Мюллера, решив, что он не кто иной, как Дурново. Тот (это бомбистам было известно) ездил за границу под этой именно фамилией, и француз был похож на отставного министра, да и говорил по-немецки с акцентом — все французы по-иностранному так говорят, шовинисты. Швейцарский суд приговорил Татьяну к десятилетнему тюремному заключению; конец жизни; Швейцария не Россия, добром не договоришься, в агенты не перевербуешь, и отступить нельзя, за законом парламент смотрит, как что не так — сразу скандал...

Ровно в час дня (время как высшее выражение неизбежности формы соблюдалось у судебных особо тщательно) пристав объявил, чтобы собравшиеся встали. Вошли старший председатель судебной палаты Крашенинников и члены присутствия Лихачев, Зейферт и Олышев; обвинитель, товарищ прокурора Зиберт; расселись и защитники, цвет Петербурга,— члены третьей уже Думы Маклаков-второй и Пергамент; Елисеев, Базунов, Маргулис, Мандельштам, Гиллерсон, Соколов, Муравьев, Андронников, Тесленко, Лисицин, Гольдштейн...

...Герасимов сунул в рот длинный янтарный мундштук; слава богу, что черная сотня вовремя убрала Иоллоса и Герценштейна; эти соловьи такое бы здесь насвирители, ого-го-го!

Про то, что «Союз Русского народа» провел этот акт с подачи департамента полиции, думать не хотел. Зачем? Виновные будут наказаны, пусть мавры делают свое дело, на то они и мавры; нет слаще ощущения, чем то, которое острее всего понимает артист цирка, работающий с куклами,— дерг пальчиком, и нет куколки, дерг другим, куколка возносится вверх, дерг третьим — и нет петербургского градоначальника фон дер Лауница! А не надо было покушаться на чужое! Захотел, кисонька, получить под свой контроль центральную охрану со всей агентурой и филерами! Дудки-с! Своего не отдадим! Кто ж тайное могущество добром отдает?!

Азеф назвал Герасимову дату предстоящего покушения на фон дер Лауница, но молил, чтобы информация была организована от другого лица; был издерган, говорил, что чует у себя на спине глаза врагов, лицо действительно сделалось желтым, отекившим, старческим.

Герасимов пустил наиболее доверенную агентуру по следам, которые обозначил Азеф; данные подтвердились: боевики Льва Зильберберга действительно готовили акт на третье января девятьсот седьмого года, во время торжественного открытия нового медицинского института во главе с принцем Петром Ольденбургским.

Петр Аркадьевич Столыпин был, понятно, как и фон дер Лауниц, приглашен на открытие.

Позвонив фон дер Лауницу, чтобы предупредить о ситуации, Герасимов был прямо-таки шокирован грубой бестактностью градо-

Рисунок Олега Вуколова.

начальника: «Вы мне поскорей агентуру свою передавайте, а я уж наведу порядок!»

После этого Герасимов сразу же отправился к премьеру: когда состоялась их первая встреча, Столыпин, выслушав подробный двухчасовой доклад шефа охраны, позволил приезжать домой в любое время суток: «Мне приятен разговор с вами, полковник. Я давно не встречал человека такой компетентности и такта; воп-

рос террора — вопрос вопросов, некое политическое средоточение всей ситуации в империи. Эсеры провозгласили, что на время работы государственной Думы они террор прекращают. Вы верите в это?»

Герасимов тогда поднял глаза на Столыпина, долго молчал, а потом тихо ответил: «Вам террор поболее, чем им, нужен, Петр Аркадьевич, чего стоит хирург без скальпеля?»

Тот ничего не сказал, только глаза отвел, резко поднялся со стула, простился сухо, сдержанным кивком.

Герасимов вернулся к себе в охрану и только здесь, оставшись один, ощутил жуткий, холодящий душу ужас: «Кого решил себе в союзники брать?! На что замахнулся, вошь?! Пусть себе газеты пишут про свободу и гласность, а ты — таис! Шепотком! Иначе у нас нельзя! Нас сначала Византия раздавила, потом иго, в нас страх вдавлен, самости нету!»

Тем не менее назавтра от Столыпина позвонили в десять вечера и осведомились, нет ли каких новостей; «Петр Аркадьевич готов вас принять».

Во время аудиенции Столыпин был весел, слушал, не перебивая, затем пригласил на чашку чая, представил жене, Ольге Борисовне. Герасимов ликовал; пронесло, взял н а ж и в у, иначе б дражайшей не отрекомендовал как «верного стража империи»; пойдет дело, теперь наладить пару подконтрольных террористических актов, получить законное право — как ответ на действие бомбистов — на террор правительства, вот тебе и пост товарища министра внутренних дел, внеочередной крест и генеральская звезда!

Когда Герасимов, узнав о предстоящем покушении, приехал в Зимний, Столыпин, выслушав полковника, вопросительно посмотрел на Ольгу Борисовну; теперь они довольно часто беседовали втроем — высшее проявление доверия к сослуживцу.

— Александр Васильевич прав, ты не должен ехать на церемонию, — испуганно сказала Ольга Борисовна.

— Я полагаю, — возразил Столыпин, — что Александр Васильевич сможет поставить такую охрану, что бомбисты ничего не сделают.

Герасимов отрицательно покачал головой:

— Я на себя такую ответственность не возьму. Повторю заклинаю не ездить туда...

...На следующий день фон дер Лауниц, открыто заявлявший свою неприязнь к Герасимову, сухо поинтересовался:

— Ваши люди будут на церемонии в медицинском институте?

— Непременно, Владимир Федорович. Я отрядил практически всех моих филеров...

— Петр Аркадьевич пожалует?

— Конечно, — спокойно ответил Герасимов, зная совершенно точно, что премьер решил не ехать (Ольга Борисовна ликующе сообщила, что смогла отговорить мужа).

— А мне советуете не быть? — усмехнулся фон дер Лауниц. — Что, трусом норовите меня представить в сферах? Не выйдет, полковник! Как-никак, а я свиты его величества генерал-майор, мне ли страшиться бомбистов?!

— Я не смею ни на чем настаивать, мой долг состоит в том, чтобы загода предупредить об опасности.

— Вы, кстати, приготовили для меня списки своей агентуры? Акт передачи проведем в моем кабинете на следующей неделе. Политическую охрану беру себе.

— Хорошо,— ответил Герасимов и поднялся,— я не премину от-
дать соответствующие указания...

Этим же вечером Герасимов нанес ряд визитов, в том числе повстречался и с адъютантом принца Ольденбургского, ротмистром Линком, вручил ему браунинг: «Хотя здание блокировано, но каждый, кого увидите с револьвером в руке,— ваш! Стреляйте без колебаний, это — бомбист, охрана жизни принца распространяется и на вас, но его высочеству ничего не говорите, не надо его нервировать попусту».

Третьего января фон дер Лауниц был застрелен на лестнице медицинского института; ротмистр Линк всадил две пули в затылок бомбиста,— концы в воду!

Вот так-то на чужое покушаться, господин свитский генерал! С нами шутить опасно, мы откусываться умеем...

Понятно, о передаче самой секретной агентуры охраны новому градоначальнику никто не заикался более. Столыпин повелел на террор ответить террором. Акция была оправданной, эсеры не сдержали своего слова, отмщение будет безжалостным, око за око, зуб за зуб!

...Дзержинский быстро записывал происходящее в зале; за время работы в газете научился скорописи, чуть ли не стенографии, ни одну фразу, которая казалась ему существенной, не пропускал: **Рамишвили** (социал-демократ, привезен в суд из тюремной больницы). Я хочу сделать заявление.

Председатель. Пожалуйста.

Рамишвили. Новые силы в октябрьские дни победили старую власть. Манифест 17-го октября был величайшим днем в жизни русского народа — сам народ, своими собственными силами добыл свои права...

Председатель. Подсудимый, я останавливаю вас: ничего подобного не было!

Рамишвили. Я хотел сказать...

Председатель. Полемики с собой я не допущу...

Рамишвили. Дело в том, что народ поверил власти, слово принял за дело и покинул боевую позицию, не закрепив за собою завоеваний. Да и никто не мог ожидать, что найдется такой лютый враг народа, который пожелает отнять у него все. Верный борец за свободу народа и освобождение свое, низший пролетариат чутьем понял желание врага и убеждал народ продолжать борьбу. Напрасно. Широкие народные массы увлеклись желанием использовать плоды первой победы, оставить борьбу и начать жить новой, свободной жизнью в новой, свободной атмосфере. А в это время побежденный противник борющегося народа продолжал зорко следить...

Председатель. Не употребляйте таких выражений!

Рамишвили. Свобода еще не успела окрепнуть в сознании народа и...

Председатель. Это не имеет никакого отношения к вопросу о вашей виновности, прошу говорить только об этом.

Рамишвили. По мере успокоения волны народного волнения старая власть вторглась в область нового права. Власть, желая отвя-
заться от вырванного у нее манифеста...

Председатель. Подсудимый, я последний раз прошу не употреблять таких выражений...

Раишвили. Но тогда немисливо говорить.

Председатель. Однако большинство говоривших не вызывало моих замечаний.

Раишвили. Если мне нельзя говорить в свое оправдание фактов, имевших место в действительной жизни, я постараюсь обойти их. Власть не хотела сразу уничтожить манифест, она подбиралась к нему умело, осторожно.

Председатель. Суд не желает слушать о приписываемых вами власти попытках. Я в последний раз предупреждаю вас. (Среди подсудимых сильный ропот.)

Раишвили. Я желал бы...

Председатель. Я вновь заявляю, что полемики с собой не допущу.

Раишвили. Выборгское воззвание не послужило сигналом к восстанию. Оно скорее сыграло успокаивающую роль. В залу суда нас привели не за те революционные последствия, которые воззвание не могло вызвать, а за наши выступления против правительства. В заключение моего принужденного слова...

Председатель. Вас никто не принуждал говорить.

Раишвили. Я считаю свое слово принужденным потому, что вы лишили меня права сказать то, что я хотел. Конечно, вы можете наложить наказание, и мы будем его нести, но нам важен другой суд. Во вторую Думу были выбраны такие же, как мы. И вторую Думу разогнали, а моих друзей осудили в каторгу! Над нами же, членами первой Думы, произвело свой суд все культурное человечество. В Западной Европе состоялись десятки народных митингов, высказавших сочувствие русским. И вы знаете, что это были собрания не пролетариата, который вы преследуете огнем и мечом, а всех граждан. Даже в Англии представитель власти сказал: убили Думу, да здравствует Дума! Этот великий суд человечества — с нами. Вы сможете дать нам наказание. Но раз страна поставила свои вопросы, от них вам не уйти. Правительству остается одно — пойти на уступки, или сама жизнь его заставит уступить.

Председатель. Я вас прошу не касаться правительства.

Раишвили. И то обстоятельство, что первая государственная Дума — на скамье подсудимых, говорит, что правительство, несомненно, на уступки не пойдет. Итак — слово за народом.

После речи подсудимого Раишвили объявляется перерыв.

Подсудимые — левые, трудовики и социал-демократы подходят к оратору и благодарят за великолепно сказанную речь. Сам Раишвили, кажется, еще бледнее и хуже (если только это возможно!) вчерашнего, оживленно обменивается впечатлениями с товарищами по обвинению.

Через час заседание возобновляется.

Товарищ прокурора. В чем обвиняются бывшие члены государственной Думы? В том, что распространяли воззвание, призывающее к неповиновению законам. Поэтому раньше всего нам нужно остановиться на содержании распространенного возвания. Оно призывает население России к неповиновению законам. В течение всего судебного следствия подсудимые говорили о высоком пьедестале, на который они ставили то, что они совершили. Но я думаю, что перед этим судом, о котором они тоже так много говорили, то есть перед судом истории, вряд ли этот пьедестал устоит. Я думаю, господа судьи, что история через несколько лет скажет нам: «Я не понимаю, почему вы, которые призваны были издавать новые зако-

ны, сами выше закона; я не понимаю, почему вы, призванные законодательствовать, сочли себя вправе совершить преступное деяние, предусмотренное существовавшими в то время законами, и когда вас за это преступление привлекли к суду, вы возмущались этим судом? Почему вы пошли против родины? Хотя вы говорите, что ваши действия направлены были против правительства, но правительство и страна настолько тесно связаны, что такой способ борьбы против правительства допустим быть не может. Какая бы борьба ни велась против него, она является всегда преступлением...

Герасимов обвел взглядом зал, не торопясь, ряд за рядом, лицо за лицом; отчет о реакции собравшихся (в случае, если она будет такой, как предполагалось) доложит Столыпину сегодня же.

По тому, как хорохористо поднимались со своих скамеек подсудимые (все, кроме Рамишвили и Окунева, под стражей не состояли), понял, что его задумка удалась; гордые дракой, веселые, окруженные толпой репортеров, бывшие члены Думы шли к выходу как триумфаторы: вполне демократичный спектакль; Столыпин будет доволен; о нынешнем положении в стране речи не было, а именно этого и опасались в правительстве; что ж, победа!

Задержавшись взглядом на Держинском (очень значительное лицо, черты кажутся знакомыми; явно не русский, значит, поэтому и не сидел в закутке, а устроился здесь, среди слушателей, добрую половину которых составляла агентура охраны; «положительно, я видел его, только не могу взять в толк, фотографическое ли изображение или же встречались в свете»), Герасимов медленно поднялся со скамьи.

Отчего судейские даже зрителей заставляют сидеть в неудобной позе, подумал он. Неужели для того, чтобы всех подданных приучать к идее несвободы, которая связывается с самим понятием российского закона, выраженного через зал, где слушается дело? Чуть прихрамывая (конспирация, на хромого не подумают, что шеф охраны), двинулся следом за подсудимыми, которым загодя дали понять, что никому из них не грозит арест: джентльменский уговор можно и не скреплять актом подписания, народ у нас извилистый, все между строк читает, там же ищет надежду, ненависть, любовь и страх.

На второй день процесса, когда объявили очередной перерыв, Держинский вышел на Литейный и остановил мальчишку, который размахивал над головой пачкой газет, выкрикивая:

— Думские интеллигентки поднимают руку на святое! Святая Русь не пощадит отступников! Читайте «Волгу» и «Россию»! Самая честная информация, истинно национальный голос!

— Ну-ка, давай мне все истинно национальные голоса,— улынулся Держинский.

— А — вот оне! — мальчишка с трудом разжал синие, скрючившиеся на морозном ветру пальцы.— Берите, дяденька, у меня сил нету рукой шевелить...

Держинский достал из кармана своей легкой франтоватой пелерины перчатки, надел мальчишке на руки:

— И не кричи так, не надрывайся, голос сорвешь, ангину получишь...

Перешел проспект, толкнул тяжелую дверь чайной и устроился с газетами возле окна (всегда норовил устроиться возле окна — еще с первого ареста; особенно важно иметь возможность стоять

поближе к свету в тюремной теплушке, особенно когда открывается кровохарканье; не мог забыть, как студент Ежи Глювацкий, боевик из ППС, как-то сказал: «Милый Юзеф, учитеесь мудрости у собак: они ложатся именно там и так именно, как более всего угодно их организму; животные осознают себя с рожденья; мы — только перед смертью»).

Пробежав «истинно национальные голоса», Дзержинский задержался на тех абзацах, которые можно использовать в развернутых корреспонденциях; подчеркивая, ярился, вчитываясь в текст: «Подсудимые позорили Думу своим поведением, своим нескрываемым сочувствием крамольникам и явным покровительством им. Какие же это радетели о благе народа, реформаторы судеб государственных, и чем они схожи с конституционалистами? Кто же не понимает, что это люди личных страстей, безвольные их рабы, притом одержимые манией величия, для которых весь интерес заключается в том, чтобы при всяком удобном случае проафишировать себя.

Мы, хвастаются они на суде, всему делу голова, мы порешили реформу еще на земском съезде: манифест 17 октября лишь мудрое исполнение нашего плана. Они ничего не хотят оставить на долю истории, умственного прогресса и инициативы личной воли Монарха.

...Трутни вы в государственном улье, кликуши, болтуны!

Но мне все-таки жаль их. Это люди не ума, не таланта, не серьезных знаний, — это люди страстей, безвольные маньяки, одержимые манией величия, прекрасно исполняющие роль Хлестакова. Будь они не взрослые, я бы применил к ним педагогический способ лечения, а так как они все мужи уже зрелые, то было бы самое лучшее предложить им оставить Россию и не пытаться впредь благодетельствовать ей. Здесь такие кликуши вредны, особенно в переживаемое время. Пусть воображают себя великими людьми в изгнании, лишь бы не пакостничали на родине».

...Решив посетить биржу (почувствовав в себе игрока, хотя крупно играть пока еще боялся), Герасимов загодя знал, что на вечернее заседание суда вполне можно и задержаться: идет задуманный им и прорепетированный заранее спектакль; пусть говорильня продолжается — некий подарок прессе после безжалостного военного суда над социал-демократами второй Думы, распущенной полгода назад; дали, голубоньке, поработать только семь месяцев, пока Столыпин готовил новый выборный закон: от тысячи дворян — один выборщик; от ста двадцати пяти тысяч рабочих — тоже один; тут уж левый элемент не пролезет, дудки-с; пришла пора сформировать Думу, удобную правительству, а не наоборот. Ан не вышло! Герасимов точно, в самых мелких подробностях помнил свою операцию по разгону второй Думы, которая оказалась еще более левой, чем первая, — за счет ленинцев, плехановцев и трудовиков; Столыпин даже горестно усмехнулся: «А может, воистину, Александр Васильевич, от добра добра не ищут? Мы же во второй Думе получили настоящих якобинцев в лице социал-демократов; в первой Думе подобного не было».

Столыпин — всего за несколько месяцев пребывания у власти — научился византийскому искусству политической интриги: выражать мысль и желание не столько словами, сколько взглядом, аллегорич-

ческим замечанием, намеком. Конечно, это сказывалось на темпоритме работы, ибо приходилось не час и не день, а порою неделю раздумывать над тем, как складывалась очередная беседа с премьером, вспоминать все ее повороты и извивы, строить несколько схем, тщательно их анализировать, прежде чем принять решение. Проклятому англичанину легче: бабахнул от чистого сердца в парламенте, назвал все своими именами,— и айда вперед! А у нас сплошная хитрость и постепенная осторожность! Несчастливая Россия, кто ее только в рабство не скручивал?! Триста лет инокультурного ига, триста лет собственного крепостничества, сколько же поколений раздавлены страхом?! Герасимов иногда с ужасом прислушивался к тем словам, которые постоянно, помимо его воли, жили в нем; покрывался испаряной, словно какой пьяница, право; наказал лакею заваривать валерианового корня — не ровен час, брякнешь что, не уследимши за языком, вот тогда и расхлебывай; у нас все что угодно простят, кроме с л о в а.

После трех дней, прошедших с того памятного разговора, когда Столыпин заметил, что вторая Дума оказалась еще хуже первой, Герасимов отправился к премьеру и за чаем, перед тем как откланяться, п р о б р о с и л:

— Петр Аркадьевич, полагаю, если бы правительство потребовало от Думы выдать закону социал-демократическую фракцию, лишив этих депутатов неприкосновенности, нужный баланс правого и левого крыла обрел бы желаемую стабильность.

Столыпин отставил подстаканник (никогда не держал блюдце), покачал головой:

— Да разве они пойдут на это? Думе престижнее принять из моих рук рескрипт о новом роспуске, чтобы затем попрекать диктаторством, нежели выдать правосудию социал-демократических террористов...

Это был уж не намек, но план желаемой комбинации; никого не должно волновать, что социал-демократы были традиционными противниками террора; совершенно не важно, что доводы депутатов, будь то ленинцы или плехановцы, опровержениям не поддавались (ход затаенных мыслей премьеря сделался Герасимову совершенно понятным).

Утром он пригласил к себе полковника Кулакова:

— Вы мне говорили о вашем сотруднике... «Казанская», кажется? Она по-прежнему освещает социал-демократов?

— Конечно.

— Фамилия ее...

— Шорникова, Екатерина Шорникова.

— Она с вами в Казани начала работать?

— Да.

— Смышлена?

— Весьма.

— Сейчас, если мне не изменяет память, она состоит секретарем военной организации социал-демократов?

— Да. И пропагандистом.

— Прекрасно. Сколько вы ей платите?

— Пятьдесят рублей ежемесячно.

— Не будете возражать, если я встречусь с ней?

— Хотите забрать себе? — усмехнувшись, спросил Кулаков.— Обидно, конечно, я ее три года пестовал...

— Помилуйте, полковник,— вздохнул Герасимов,— неужели вы полагаете, что я могу позволить себе некорпоративный поступок?! Шорникова была, есть и впредь будет вашим и только вашим сотрудником. Речь идет лишь о том, чтобы я ее сам помял,— сколь может оказаться полезной в том предприятии, которое нам предстоит осуществить...

— Извольте назначить время, Александр Васильевич... Я вызову ее на конспиративную квартиру.

Оглядев Шорникову оценивающим взглядом,— ничего привлекательного, лицо обычное, хотя фигурка вертлявенькая,— Герасимов пожал влажную ладонь женщины (двадцать четыре года всего, а выглядит на тридцать с гаком; что страх делает с человеком), поинтересовался:

— Что будете пить, Екатерина Николаевна? Чай, шоколад, кофей?

— Кофе, пожалуйста.

— Покрепче?

Шорникова пожала плечами:

— Я не очень ощущаю разницу между обычным и крепким.

— Ну что вы, милая?! Крепкий кофе отличим сугубо, горчинка совершенно особая, очень пикантно...

Герасимов приготовил кофе на спиртовке, подал тоненькую чашечку женщине, поставил перед нею вазу с пирожными, себе налил рюмку коньяку; выпив, поинтересовался:

— Алкоголь не употребляете?

— Когда невмочь,— ответила женщина, выпив кофе залпом.

— Не изволите ли коньячку?

— Нет, благодарю. У меня сегодня встреча в организации, там нельзя появляться, если от тебя пахнет...

— Да, да, это вы совершенно правы... Екатерина Николаевна, вы решили работать с нами после того, как вас арестовали в Казани?

— Именно так.

— К какой партии тогда принадлежали?

Шорникова несколько раздраженно спросила:

— Разве вы не почитали мой формуляр, прежде чем назначить встречу?

Не иначе, как полковник Кулаков просвещал барышню подробностями нашего ремесла, подумал Герасимов, откуда б иначе в ее лексиконе наше словечко? Хотя ныне революционер Бурцев и полкестче печатает в «Былом», а дамочка, судя по всему, не чужда книге:

— Конечно, читал, Екатерина Николаевна, как же иначе... Позвольте полюбопытствовать, откуда к вам пришло это типично жандармское словечко?

Шорникова как-то странно, словно марионетка, пожала острыми плечами, отчего ее голова словно бы провалилась в туловище, и, задумчиво глядя в переносье полковника недвижными глазами, заметила:

— Длохо, что вы, руководители имперской охраны, встречаете настоящих революционеров только в тюрьме, во время допросов. Там вы кажетесь себе победителями; послабее, вроде меня, ломаются в казематах; но ведь таких меньшинство... Вам бы самим

парик надеть, очки какие, тужурку поплоче да походить бы на рефераты эсдеков или эсеров... Это ведь не сельские сходки, куда урядники сгоняют послушных мужиков, это турниры интеллектов... Там не то что «формуляр» услышишь, там такие ваши понятия, как «освещение», «филерское наблюдение», «секретная агентура», разбирают досконально не по книгам, там собираются люди большого эксперимента... Вас как звать-то? — неожиданно спросила Шорникова. — Или секрет? Тогда хоть назовитесь псевдонимом, а то мне говорить трудно.

— Меня зовут Василием Александровичем. Я коллега по работе вашего руководителя...

— Кулакова, что ль?

— Он вам представился такой фамилией?

Шорникова сухо усмехнулась:

— Нет. Он назвался Велембовским. Но в тех кругах, где я вращалась в Казани до ареста, о полковнике Кулакове было известно все. Он соблюдал инструкцию, не сердитесь на него, он себя не расшифровывал...

— Екатерина Николаевна, скажите откровенно, — начал Герасимов, испытывая некоторое неудобство от моментальной реакции молодой барышни, — он понудил вас к сотрудничеству или вы сами решили связать свою жизнь с делом охраны спокойствия подданных империи?

— Не знаю, — ответила Шорникова. — Сейчас каждый мой ответ будет в какой-то степени корыстным. Да, да, это так, я сама себя потеряла, господин Герасимов... То есть, Василий Александрович, простите пожалуйста...

— Изволили видеть мой фотографический портрет?

— Нет. Но словесный портрет знаю... Как-никак, я член военного комитета социал-демократов... Охранников, особенно таких, как вы, наиболее именитых, надобно знать в лицо...

— Не сочтите за труд рассказать, кто составил мой словесный портрет?

— Да разве мои коллеги по борьбе с самодержавием допустят такое, чтобы остались следы? — Шорникова вдруг странно, словно вспомнив что-то комическое, рассмеялась. — Наши конспираторы тоже учёны...

— А все-таки кто вам ближе по духу? Я ни в коей мере не сомневаюсь в вашей искренности, вопрос носит чисто риторический характер, поверьте. Один мой сотрудник — мы близки с ним, дружим много лет — признался, что в среде прежних единомышленников ему дышится вольготнее, чище... Я поинтересовался: отчего? И он ответил: «В ваших коллегах порою слишком заметна алчность и корысть, инстинкт гончих... И никакой идеи — лишь бы догнать и схватить за горло». Я возразил: «Но ведь венец нашей работы — это вербовка бывшего противника, заключение договора о сотрудничестве, дружба до гробовой доски». А он мне: «Самое понятие «вербовки» таит в себе оттенок презрительности. У вас завербованных «подметками» зовут». На что я ему заметил: «Я бы, имея силу, таких офицеров охраны ссылал в Сибирь». А он горестно вздохнул: «Станьте сильными! Я хочу быть с теми, кто сейчас сильнее»... Вот так-то, Екатерина Николаевна...

— Что касается меня, — Шорникова снова подняла острые плечи, — то я испугалась тюрьмы, Александр Васильевич... Тюрьма очень страшное место, особенно для женщины. Я обыкновенный

корыстный предатель... Корысть, обостренное ощущение неудобства, страх... Я надежнее вашего друга, который подчеркивал строчки в сочинении мракобесов... Я гадина, Александр Васильевич, мне пути назад нет, а ваш друг был двойником, вы его бойтесь.

Ну и девка, подумал Герасимов, ну и чувствительная, Кузякин-то и вправду был двойником, но меня это устраивало, я его как через лупу наблюдал, психологию двойного предателя тайной полиции надобно знать, без этого никак нельзя...

— Зря вы эдак-то о себе,— заметил Герасимов, вздохнув, и сразу же понял, что женщина ощутила неискренность вдоха; не взбрыкнула б, стерва, агент тогда хорошо работает, когда в империи мир и благодать, а если все враскачку идет, вильнет хвостом — ищи ветра в поле! — Я к вам с серьезным предложением, Екатерина Николаевна... Если позволите, я поначалу задам вам вопрос: списками военной организации вы владеете в полной мере?

— Конечно.

— Недоверия к себе со стороны товарищей не ощущали?

— Нет.

— Вы сердитесь на меня за что-то?

— Теперь нет. А когда вы вознамерились прочитать мне проповедь о том, сколь благородна моя работа и как вы цените мой мужественный труд, я заохолодела... Не надо эмоций, господин Герасимов. Я слишком эмоциональна, поэтому предпочитаю отношения вполне деловые: вы оплачиваете мой труд, я гарантирую качество. И все. Уговорились?

— Конечно, Екатерина Николаевна. Раз и навсегда... Поэтому я совершенно откровенно открываю мой замысел, хотя делать этого, вы же все про нас знаете, не имею права... Мне хотелось бы связать военную организацию с думской фракцией социал-демократов. Возможно такое?

— Думаю, да.

— Как это можно сделать?

— Очень просто. Я запущу идею моим матросикам и солдатам, что нужно связаться с социал-демократами и передать им наказ о солдатских требованиях к правительству. Вам ведь не моя организация нужна? Вам нужны социал-демократы в Думе, видимо, так?

— Ну, это как пойдет,— с некоторым страхом ответил Герасимов, так точно в десятку била барышня.

Шорникова поморщилась:

— Будет вам, полковник... Начинаете серьезное дело и не верите тому, кто вам его поставит... Мы ведь, перевербованные, люди без кожи, обидчивы, как женщины в критическом возрасте. Если уж начинаем дело, так доверие, причем полное, до конца... Я ведь знаю всех членов ЦК, всех членов социал-демократической организации, постоянно встречаюсь с Карповым, Чхеидзе, Мартовым, Доманским, Троцким...

— Карпов — это...

— Да, да, именно так — Ленин.

— Где он, кстати, сейчас?

— Постоянно меняет квартиры, вы ж за ним охотитесь, газеты с его статьями конфискуете...

— Словом, место его нынешнего жительства вам неизвестно?

— Нет.

— А сможете узнать?

— По-моему, связав военную организацию с думской фракцией социал-демократов, вам будет легче нейтрализовать Ленина.

— Разумно,— согласился Герасимов.

— Все явки военной организации, все связи в России хранятся у меня дома, господин полковник...

— Видимо, для надежности охраны этого бесценного архива стоит завести какую-нибудь кухарку, нянюку, что ли... Пусть постоянно кто-то будет у вас дома...

— Хотите подвести своего агента? — понимающе уточнила Шорникова.— Вы ж меня провалите: хороша себе революционерка, кухарку завела...

— Мы имеем возможность контролировать вашу искренность лично, Екатерина Николаевна... Более того, мы это делаем постоянно. И я не обижусь, ежели вы, своими возможностями, станете проверять мою честность по отношению к вам... Ничего не напишешь, правила игры...

— Я не играю,— отрезала Шорникова.— Я служу. А коли употребили слово «играю», то добавьте — «со смертью». Каждый час. Любую минуту.

— Екатерина Николаевна, я счастлив знакомству с вами, право... Беседовать с вами сложно, но лучше с умным потерять, чем с дурным найти. Вы правы, я сказал несурезность — ни о какой кухарке не может быть и речи. Просто я неумно и топорно намекнул на возможность прибавки дополнительных денег к вашему окладу содержания... Вы пятьдесят рублей в месяц изволите получать?

Шорникова снова засмеялась, будто вспомнила что-то забавное: — Надобно иначе сказать, Александр Васильевич... Надобно сказать: «Мы платим вам пятьдесят рублей в месяц»... Не я изволю получать, как вы заметили, а вы мне отстегиваете. Мне не надо дополнительной платы, я удовлетворена тем, что имею.

— Во всяком случае, в любой момент я оплачу все ваши расходы. Все, Екатерина Николаевна. И мне, кстати говоря, будет очень приятно сделать это. Превыше всего цену в людях ум и особую изюминку...

— У тех, кто отступил, одна надежда, господин полковник... Имя этой надежде — власть.

— Сильная власть,— уточнил Герасимов.— Способная на волевые решения... Кстати, Доманский — это кто?

— Это псевдоним. Настоящая фамилия этого члена ЦК Дзержинский.

— Не тот ли, что особенно дружен с Лениным и Люксембург?

— Именно.

— А где он сейчас?

— Здесь. Координирует работу поляков и литовцев с русскими.

— Адрес его явок вам известен?

— Он умеет конспирировать, как Ленин.

— Поищем сами... Когда вы сможете внести свои предложения по поводу думской фракции социал-демократов и их связей с военной организацией партии?

— Связей нет... Зачем вы так? Мы же уговорились говорить правду... Связи военных с думской фракцией надо создать...

— Сможете?

— Постараюсь...

Вскоре Герасимов получил информацию, что двадцать девятого

апреля девятьсот седьмого года в общежитии политехнического института в присутствии члена государственной Думы, социал-демократа Геруса состоялось собрание солдат, на котором по предложению нескольких военных и «пропагандиста» Шорниковой было решено послать в государственную Думу от имени военной организации наказ социал-демократической фракции, в котором будут изложены пожелания армии...

Сразу же по прочтении этого сообщения Герасимов отправился к Столыпину.

— Я бы хотел прочитать текст этого наказа,— сказал премьер,— скажите на милость, к армии подбираются, а? Ну и ну! Такого я себе представить не мог! Это же прямой вызов трону, не находите?!

Эк играет, подумал тогда Герасимов, будто бы и не он подтолкнул меня к этой провокации?! Или у них, у лидеров, отшибает память? Выжимая из себя по каплям раба, подумал Герасимов, прав был Чехов, все мы рабы, Петр Аркадьевич прекраснейшим образом помнит наш разговор и результатов моей работы ждал затаенно; наконец дождался; все он помнит, но играет свою игру, играет тонко...

Назавтра, встретившись с «Казанской», Герасимов получал текст наказа, в котором были и его фразы; сработано намертво, не отмоешься; наказ, записанный под диктовку тайной полиции, можно вполне трактовать как призыв к неповиновению властям, подстрекательство к бунту,— угрозу повторения девятьсот пятого.

Столыпин, прочитав наказ, брезгливо его от себя отодвинул:

— Такого рода бумаги не имеют права объявиться в Думе, Александр Васильевич. Меня не волнует возможность конфликта с кем бы то ни было. Пусть думские соловьи заливаются, кляня меня супостатом, но самодержавие мне важнее всего, им я призван к службе, ему я готов и жизнь отдать... Как полагаете поступить?

— Мне бы хотелось послушать вашего совета, Петр Аркадьевич,— ответил Герасимов, прекрасно понимая, что в аккуратных словах Столыпина содержалась ясная программа: необходим арест социал-демократов и военных, конфликт с Думой и, как следствие, ее разгон. Новый выборный закон был уже в столе премьера, оставалось только получить повод, чтобы его распубликовать. Арест думской фракции без приказа, думал Герасимов, я проводить не стану, проведешь, а назавтра выгонят взашей, скажут, самовольничал, поступил без санкции сверху.

— Мой совет таков: поступать строго по закону, полковник,— сухо ответил Столыпин.— Самоуправство мы никому не позволим, но если вы получите неопровержимые данные, что делегация намерена явиться к социал-демократическим депутатам,— заарестуйте... При этом, однако, помните, что улики должны быть налицо, как никак неприкосновенность и так далее... Иначе я отрекусь от вас. Не обещайте за прямоту, но уж лучше все с самого начала обговорить добром, чем таить неприязнь друг к другу, если что-то сорвется...

— Текст наказа, подготовленного моим агентом,— Герасимов кивнул на две странички, лежавшие перед Столыпиным,— можно считать уликовым материалом?

— Если этот наказ будет обнаружен у социал-демократов Думы,— вполне.

— Хорошо,— Герасимов поднялся,— я предприму необходимые шаги немедленно.

... В охранке Герасимов подписал ордер на обыск в помещении социал-демократической фракции, которая арендовала здание на Невском, в доме девяносто два, второй этаж; наряды филеров дежурили круглосуточно: в тот момент, когда солдаты появятся со своим наказом, начнется обыск, дело сделано, конец второй Думы.

Пятого мая в семь тридцать вечера делегация солдат пришла к депутатам на Невский.

Филеры немедленно сообщали об этом в охранку. Герасимов, как на грех, отправился ужинать в «Кюба» с маклером Гваздикским: играть начал на бирже по-крупному, информацией о ситуации во всех биржах, обществах кредита, крупнейших предпринимателях владел безраздельно, ибо агентура осведомляла их ежедневно,— основным для постановки негласного наблюдения за денежными тузами явилось дело миллионера Морозова, который давал деньги большевикам, и безумие капиталиста Шмита, возглавлявшего стачку рабочих на своей же фабрике в пятом году на Красной Пресне.

Сообщение о начале коронного дела получал полковник Владимир Неземлюков Еленский, ближайший друг полковника Кулакова, у которого Герасимов отобрал Шорникова.

Дудки тебе, а не коронная операция, подумал Еленский о Герасимове, спустил трубку телефона; перебылся; ишь, к премьеру каждодневно ездит; пора б и честь знать; отправят голубчика куда-нибудь, в тмутаракань клопов кормить, а то и вовсе погоны отнимут, в отставку.

Еленский достал из кармана большие золотые часы Павла Буре, положил их перед собою и дал минутной стрелке отстучать пятнадцать минут. Думские социал-демократы люди многоопытные, голову в петлю совать не намерены, солдат с наказом быстро спровадят,— разве можно давать повод царским опричникам? Они только этого и ждут, и так под торжором живем...

Через пятнадцать минут личная агентура Еленского сообщила, что солдаты уже покинули думскую фракцию; он и объявил тревогу по охранке.

Когда на Невский ворвались жандармы, в кабинетах фракции социал-демократов никого, кроме депутатов Думы, не было уже; руководивший налетом ротмистр Прибыло растерялся, ибо Герасимов сообщил ему загодя, что у депутатов будут солдаты; через час прибыли чиновники судебного ведомства, начался обыск, наказа, понятно, не обнаружили.

Обо всем случившемся Герасимов узнал около полуночи, когда в самом благодушном настроении после заключенной сделки вернулся домой; узнав обо всем, похолодел,— крах, провал, конец карьеры.

Ринулся в охранку; отправил наряд в казармы, приказав арестовать всех солдат; каждый член делегации, посетивший фракцию, был известен ему от Шорниковой; введенный в операцию матрос морского экипажа Архипов (прямою агентом не был, но отдельные услуги оказывал и раньше) сразу же рассказал прокурорским то, что было ему предписано заранее.

Копию наказа, хранящуюся в сейфе шефа охранки, без которого все дело лопнуло бы, как мыльный пузырь, Герасимов передал прокурору; агент Архипов заученно подтвердил подлинность текста; несмотря на колебания кадетов, часть из которых склоня-

лась к тому, чтобы выдать правосудно социал-демократических кандидатов, общее голосование решило отказать правительству: «Дело душно пахнет, чувствуется провокация охраны, нужны более весомые доказательства».

Что и требовалось доказать!

Третьего июня девятьсот седьмого года вторая Дума была распущена; социал-демократов засудили на каторгу; новый выборный закон гарантировал Столыпину вполне послушное большинство; Запад и левые издания в России прореагировали на процесс однозначно: «Террор самодержавия продолжается! Свободы, «дарованные» монархом, — миф и обман, несчастная Россия».

Именно поэтому процесс над депутатами первой Думы Столыпин решил провести мягко, ибо судили не левых, а в основном кадетов, — с этим можно хоть как-то сговориться, хоть и болтуны, линии нет, каждый сам себе Цезарь. Минус на минус дает плюс; покричат и перестанут; у народа короткая память; пусть потешатся речами профессоров и приват-доцентов, важно, чтобы поскорее забыли о том, что говорили в военном суде социал-демократы второй Думы.

Именно поэтому Герасимов и не торопился на вечернее заседание суда, а обдумывал новую комбинацию, ту, которая должна будет вознести его. На меньшее, чем товарищ министра внутренних дел, то есть заместитель Столыпина, он теперь не согласен...

Обедал Герасимов у себя на конспиративной квартире, в маленьком кабинетике для отдыха. Подали стакан бульона из куриных потрохов, — рекомендовали лечить почки и печень старым народным способом: вареной печенью и почками цыплят, но обязательно запивать наваристым бульоном. Поскольку птицы и животные созданы по образу и подобию человеческому, то, само собою разумеется, говорили эскулапы, их органы содержат те же вещества, что и человеческие, — дополнительное питание для пораженных регионов организма; Герасимов страдал почечными коликами и увеличением печени; потроха помогали, стал чувствовать себя легче после визита к доктору Абрамону...

На второе Герасимову была приготовлена вареная телятина, овощи на пару и немного белой рыбы; готовил здесь же Кузнецов, в прошлом агент охраны; большой кулинар, мастер на выдумки; похвастывал стиха, кстате.

Заключив обед чашкой кофе (несмотря на запрет Абрамона, не мог отказать себе в этой маленькой радости), поднялся и снова четко вспомнил лицо мужичины с блохиными, сидевшего рядом в зале судебного заседания...

Господи, чуть не ахнул он, да уж не Доманский ли это?

Срочно запросил формуляр; принесли аскорости; хоть внешность и изменена, но ведь это он, Держинский, кто ж еще?!

Вызвал наряд филеров, сказал, что будут брать одного из наиболее опасных преступников империи; полук; гордыня; что русский светсет, то лях не простят, так что оружие держите наготове, может отстреливаться; нужен живым, но если поймете, что уходит, бейте залпов.

(Последние слова свои Герасимову особенно понравились — школа Столыпина; ничего впрямую, все шепотком, с намеком; самый

надежный путь постепенного развития демократии: пусть думают, шевелят мозгами, а то все им приказ, да приказ, будто собственной головы нет.)

На вечернее заседание Феликс Эдмундович не пришел, ибо, сидя в чайной еще, на Литейном, заметил восемь филеров, топтавших здание суда; ничего, приговор можно будет получить у корреспондента «Таймы» Мити Снакина, тем более что ждать открытой схватки в зале не приходится; кроме Рамшвили, никто не пойдет на драку, все будут прятать главное между строк, а России сейчас подайте открытое слово, а не парламентскую игру.

Дзержинский начал просматривать левые газеты, делать подчеркивания (поначалу было как-то стыдно черкать написанное другим; отчетливо представляя, что и его рукопись или статью могут ваяк же царшаты; хорошо б ко всеобщему благу, но ведь чаще выхватывают фразу, чтоб вцепиться в нее по-бульдожьи); особенно его интересовала позиция социалистов-революционеров в деле процесса над первой Думой; многие его друзья принадлежали к этой партии; людям, фанатично преданные идее; пусть ошибаются — ставка на крестьянскую общину во время взлета машинной техники канона, обрекает Россию на стремительное отставание от Запада, — но в главном, в том, что самодержавие должно быть сброшено, они союзнки; а если так, то с ними надобно работать, как это ни трудно.

Сидел Дзержинский, как обычно, возле окна; устроился за тем столиком, где стекло не было сплошь закрыто белым плюшем льда; навык конспиратора; впрочем, и в детстве, в усадьбе папеньки, всегда любил устраиваться так, чтобы можно было любоваться закатами; они там были какие-то совершенно особые, зловещие, растекавшиеся снежно-красными пожарницами по кровам близкого соснового леса...

Работал Дзержинский стремительно. Всегда любовался Лениным; тот устремлялся в рукопись, писал летяще, правки делал, как заправская стенографистка; так же и говорил — быстро, атакующе; ничего общего с профессорской вальяжностью Плеханова; патриарх русского нарцисзма весьма и весьма думал о том, какое впечатление оставит его появление на трибуне. Ленин не думал о форме, не страшился выглядеть задирой, дуэлянтом; дело, прежде всего дело, бог с ней, с фарной, мы же не савовники, прилежные привычному протоколу, мы практики революции, нам престало думать о сути, а не любоваться своей многозначительностью со стороны, пусть этим упиваются старцы из государственного совета...

Дзержинский, видимо, просто-напросто не мог не поднять голову

от эсеровской «Земли и Воли» в тот именно момент, когда Герасимов вылезал из экипажа, а под руку его поддерживал Фильер, — в этом у Дзержинского глаз был абсолютен. Он моментально вспомнил вокзал, Азефа, садившегося в экипаж этого же человека, неумело славящего черное пекло, и почувствовал, как пальцы сделались ледяными и непослушными, словно у того мальчишки, что продавал на морозе газеты.

Спустя неделю Дзержинский отправит в Варшаву, в редакцию «Червоного Штандарта», заметку без подписи:

«Фарс процесса над бывшими членами первой государственной Думы закончился. О том, каков смысл этого фарса, я напишу позже. Сейчас хочу лишь отметить, что в день оглашения приговора ни в кулуарах, ни в канцеляриях не было видно ни одного адвоката из причастных к процессу, публики тоже нет, один корреспондент».

На скамье подсудимых — единственный обвиняемый, арестованный Окунев.

Секретарь торопливым одностонным голосом начинает чтение обвинительного приговора.

Все обвиняемые присуждены на основании ст. 52 п. 3 ч. 1, ст. 129 и 53 уг. ул. к трехмесячному заключению в тюрьме. Ахтямов и Дьяченко за недоказанность обвинения оправданы.

Раминшвили постановлено не подвергать наказанию, — за зачетом полутора лет, проведенных в предварительном заключении.

Опустела зала заседания. Лишь в коридоре раздавалось бряцание оружием солдат, отводивших Окунева обратно в тюрьму».

IV

А еще через несколько дней Дзержинский встретился с членом подпольного бюро эсеров товарищем Петром *.

Разговор был осторожным; обвинение в провокации, да еще такого человека, как руководитель боевой организации и член ЦК Евио Азеф, дело нешуточное. Поэтому, постоянно ощущая осторожную напряженность собеседника, Дзержинский задал лишь один вопрос:

— Мне бы хотелось знать: давал ли ваш ЦК санкцию на встречу с одним из руководителей охраны кому-либо из членов боевой организации партии?

— Товарищ Астроном, могу же запрашивать мое ЦК: мы не вступаем ни в какие контакты с охранкой. У нас есть надежные сведения, что наш товарищ поддерживает связи с палачами?

— Более всего я страшусь обвинить человека попусту, — ответил

* Псевдоним Арона Каца, названного в 1909 году.

Дзержинский.— Тем более когда речь идет о революционере. Поэтому товарищам Чернозу или Зензинову советовал бы передать все же мой вопрос. Он не случаен.

— Может быть, все-таки назовете имя подозреваемого?

— Нет,— задумчиво ответил Дзержинский.— Полагаю это преждевременным.

— Хорошо. Я передам ваш вопрос товарищам в ЦК. Но вы, видимо, знаете, что последнее время появилось много толков о провокации в нашей боевой организации.. Называли даже имя товарища Ивана. Смешно.. Это то же, что упрекать Николая Романова в борьбе против монархии. Явные фокусы полиции, попытка скомпрометировать лучших. Иван — создатель боевой организации, гроза сатрапов..

— Вы имеете в виду Азефа? — спросил Дзержинский и сразу же пожалел, что задал этот вопрос,— так напрягся собеседник.— Мне всегда казалось, что истинным создателем боевой организации был Гершунн.. Яцек Каллев много рассказывал о нем..

— Знали Каллева?

— Он был моим другом, товарищ Петр.

— А мне он был как брат.. Я смогу ответить вам через неделю, товарищ Астроном.

— Тогда это лучше сделать в Варшаве. Ваши знают, как со мной связаться, до свидания.

Этой же ночью Дзержинский выехал в Лодзь..

Не дари мне цветов покупных

Какие у нас чудесные песни поют о цветах! О полевых и городских, о розах и ландышах! От одних названий ароматом веет. Но, знаете, до самого недавнего времени мне как-то не приходило в голову задумываться над содержанием благоухающих песен. Мурлычешь себе под нос «лаванда, горная лаванда, и все». Впервые коварная мысль мелькнула весной этого года, в канун праздника женщин, когда я стал счастливым обладателем трех тоненьких веточек мимозы, за которые выложил шесть целковых.

Продавал мимозу бравый юнчик у станции метро «Щелковская». На глазах у широкой общественности он доставал из огромного желтого чемодана ветки, а мужчины терпеливо выстраивались в очередь к благодетелю. Жажущие цветочной красоты то и дело поглаживали на чемодак: мол, хватит ли драгоценных веток всем? Девчонки из очереди не знали, что желтый чемодан не один в арсенале цветочного магната, что он может обеспечить ветками добрую тысячу желающих поздравить женщин.

А через два дня мне пришлось совершить кросс по маршруту, ветками которого были цветочные магазины и киоски на улицах столицы: позарез нужен был букет. Побил рекорд бесплодного поиска цветов в госторговле, я, естественно, подался на рынок, которого восьмимартовский шквал не коснулся. Здесь цветы были. И когда за букет из трех гвоздик с меня потребовали всего лишь одну десятку, мне вспомнилось наивное предложение из песни: «не дари мне цветов покупных, собери мне букет полевых...»

«Интересно,— спросил я сам у себя,— чем даму из песни не устраивают покупные цветы?»

Мысленно пропев всю песню, я решил, что ответ кроется в словах «полевые цветы, как простые мечты». Это было понятно и как-то спонановало.

А нынешним летом в отделе по надзору за рассмотрением гражданских дел в судах Прокуратуры СССР я имел возможность ознакомиться с делами по так называемому неосновательному обогащению.

Районные прокуроры предъявляли в суды иски об изъятии доходов, полученных с нарушениям закона. Среди них было немало дел, связанных с... цветами. И я опять вспомнил песню про «покупные цветы». Видно, личная героиня песни не пожелала способствовать цветочному бизнесу. Ведь некоторые предпринимчивые личности не только «раздавают» покупателям цветов, но и элементарно грабят государство.

Личное цветоводство, естественно, дает доход. Что ж, явление вполне нормальное: вырастай, «накалывайся» — получи за свои труды.

Но кое у кого иногда появляется жгучее желание запануть по-

больша барыша. А как его заполучить? Самое рентабельное средство достижения цели — расширение земельных владений. Но есть одна загвоздка: земля у нас не продается. Что же делать алчущему? Думает он, думает и вспоминает присловье, сочиненное то ли братьями-юмористами, то ли жуликами: если нельзя, но очень хочется — стоит рискнуть! И жадный предприниматель вполне законным порядком прихватывает шмат колхозной земли.

Результат такой мини-агрессии дает манси-дизенденды.

Житель Адлерского района Краснодарского края С. Карратыкин хватанул девять соток земли, принадлежащей совхозу «Восход», и разбил такой себе скромный дополнительный садик. Он вырастил на нем мимозы и продавал ветки с 22 деревцами. Знаете, сколько это праздничных «букетов»? Одно деревцо дает в год 15—18 килограммов цветущих веток. Вкупе — это три с половиной центнера! Улавливаете, какой доход получает владелец захваченной земли, если вес «букета» в пределах ста граммов... Но аппетит ретивого мимозовода этика не удовлетворился. Он еще выращивал хризантемы. Тысячи цветков, которые задаром тоже не отдавал ни в столице, ни в других городах.

10 соток земли того же совхоза «Восход» грабанул некто К. Манукян. Этот флороман увлекся гладнолусли, хотя не брезговал и мимозой. В год он срезал две с половиной тысячи «шпажников». А сколько тянет один гладнолус на рынке, вы, видимо, знаете. Если нет, то скажу: нынче, в разгар цветочного сезона, на Центральном рынке предлагали букет из трех гладнолусов «касаго» за 10 рублей.

Гражданину X. Малхасяну показался ничтожно малым законно выданный ему участок в размере 15 соток. Поэтому он законным порядком «присоединил» к своему еще участок в 23 сотки земли того же совхоза «Восход». И тут он размахнулся во всю: выращивал около семи тысяч гладнолусов, тысячу треста роз, столько же тюльпанов и более шести тысяч нарциссов! Это кроме всяческих плодов и фруктов.

Перечень цветоводов, укмыкнувших колхозно-совхозную землю, можно было бы продолжить еще страниц на пять-шесть...

«Радуют, цветы всегда сердца нам радуют, своим дыханьем чистым радуют, своею доброй красотой...» — поется еще в одной хорошей песне. И правильно поется! Вот только нет песни о плодоношении цветов. В умелых руках они здорово плодоносят... деньгами! И не только цветы.

Хоть это уведит немного в сторону от цветочной темы, но, с вашего разрешения, отвлечусь. Фрукты и овощи, выращенные на отяпленной у колхозов и совхозов земле, тоже приносит доходец, славу вам, солданыч. Прошу прощения за случайный каламбур, но так и просится добавление одного слова к известной юридической формуле: «основательное» неосновательное обогащение.

На землю колхоза «Путь к коммунизму» в Ивцевинском районе Брестской области регулярно нелегально работниками бывшей райсельхозтехники, местного ГАИ и другие «владельцы» садовых участков. Руководители колхоза «подарили» им 8 гектаров плодородной пашни, включая в подарок и систематическую обработку земли колхозной техникой. Получившим такой презент оставалось только забрать урожай и что-нибудь с ним сделать.

В селе Алнада Кизилюртского района Дагестанской АССР некто Газимагомедов присвоил 24 сотки земли колхоза им. Орджоникидзе. За год он выращивал на ней 750 килограммов чеснока. В его пись-

менном объяснении было такое откровение: «Я сделал, как все остальные, — самовольно захватил огорода». Честно, так сказать, признался. Правда, духу у него не хватило признаться, сколько он брал на рынке за 1 (одну) головку раннего чеснока.

Вообще в этом колхозе захват земли был постоянно явлением эпидемическим: М. Магомедов оттяпал 15 соток, А. Бадалов — 17, Р. Махачев — 18, А. Хантуев — 22 и т. д. и т. п.

На благодатной дагестанской земле, впрочем, как и на Краснодарской и прочей, захватчики организовали себе «райские уголки». Районные суды взыскали с них стоимость проданных на рынках плодов, фруктов, цветов по государственным розничным ценам. Да, закон разрешает только так исчислять ущерб, нанесенный хозяйству. Теперь вам, очевидно, понятно, почему владения на заброшенной земле названы «райскими уголками». Ведь за цветок гладиолуса суд взыскивает 20 копеек, за куст (!) роз — 64 копейки, за килограмм чеснока — 2 рубля. А сколько берут за них на рынках? Даже отдав по решению суда сумму неосновательного обогащения, продавцы цветов, персиков, хурмы и прочей вкуснятины не остаются внакладе. Вот такие ламдыш с хризантемами. Многолетние. Потому что захваченная земля обогащает рогатых цветоводов и садоводов не год, не два и не пять лет.

И может возникнуть, как теперь определяют, интересный вопрос к руководителям колхозов, совхозов, и упомянутых, и всех прочих, чья земля плодоносит не в пользу их хозяйства:

— Может, вам, товарищи, эта земля вовсе не нужна? Может, она висит обузой на вашей колхозно-совхозной шее? Если нет, то как вы в течение многих лет равнодушно взрали на земельное умышленное? Должен же кто-то в ваших хозяйствах следить за целостностью и сохранностью земель!

В советском законе предусмотрено уголовное наказание за самовольный захват земли. В перечисленных, да и почти во всех прочих случаях в возбуждении уголовных дел было отказано по причине истечения сроков давности. Это значит, что захват произошел так давно, что судить за это нынче нецелесообразно. Вот так-то. Впрочем, бог с ним, как говорится, не в уголовных наказаниях суть. Суть в том, что закон есть закон и должен соблюдаться всеми, без исключений.

Но вернемся к песням о цветах. «Проснутся, цветы к любимым, сами проснутся, ко всем хорошим людям проснутся, ну что за радость без цветов...»

Действительно, что за радость! Цветы нам очень нужны. И, пожалуйста, выращивайте их, возите нарциссы с астрами с жаркого юга на дальний север! Помогайте мужчинам быть рыцарями и джентльменами. Но, пожалуйста, при этом не халейте чужую землю! И постарайтесь продавать дары садов так, чтобы горожане, предвидя покупку, не спешили в сборнассы снимать сборженки...

Ведь красота и жадность несовместимы. А то, глядишь, и фшлами начнут пахнуть совсем не тем, чем им положено...

Цветы должны перестать свертать в трюлет покупателей. И песня, наверно, такая появится, в которой цветы различались бы не по способу приобретения, а по красоте и таинственному назначению: люблю, уважаю, преклоняюсь или просто хочу доставить удовольствие.

— Дуся, ты случайно не знаешь, какая у меня зарплата?!

Рисунок С. Богачева.

— Обложили!!!

Рисунок В. Уборевича-Боровского.

